

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Правительство Новосибирской области

Редакционная коллегия:

Б. Л. Аюшеев (Улан-Удэ)

А. Б. Байбородин (Иркутск)

Б. Я. Бедюров (Горно-Алтайск)

Т. Г. Четверикова (Омск)

Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)

А. В. Кирилин (Барнаул)

Э. И. Русаков (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Н. М. Закусина (Новосибирск)

Е. Ф. Мартышев (Новосибирск)

А. Ф. Косенков (Новосибирск)

В. С. Никифоров (Новосибирск)

Владимир Титов (ответственный секретарь)

Виталий Сероклинов (зав. отделом прозы)

Марина Акимова (зав. отделом поэзии)

Михаил Косарев (зав. отделом критики)

Дмитрий Рябов (зав. отделом публицистики)

10/2015

Главный редактор: М. Н. ЩУКИН

Содержание

ПРОЗА

- Андрей ТАСЛИЦКИЙ. Старорусская история. Повесть. 3**
Григорий КРОНИХ. Церковь служащих. Роман. 64

ПОЭЗИЯ

- Роман РУБАНОВ. Жизнь прозрачна. Стихи. 57**
Константин КОМАРОВ. До последнего одиночества. Стихи. 136

Представляем молодых

- «Прочитано, смято и выброшено...» Стихи участников
Первого Сопещения молодых писателей Урала, Сибири
и Дальнего Востока. 140**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Переписка Н. Н. Яновского и В. П. Астафьева.
1965–1979. Окончание. 145**

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Александр МИНЧЕНКОВ. Золотые промыслы Сибири. 160**
Александр КОСЕНКОВ. Звездная пыль. 184

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Светлана ГОЛИКОВА. Из наследия Алексея Вожакина. 189**

- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г. Главный редактор, директор-руководитель ГБУ «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Андрей ТАСЛИЦКИЙ

СТАРОРУССКАЯ ИСТОРИЯ

П о в е с т ь

I.

Николай Александрович Якубовский, сорокалетний бухгалтер Облпотребсоюза, уже не помнил, когда в последний раз праздновал Рождество. Было ли это в шестнадцатом году в Галиции, во время короткого затишья между обстрелами немецких гаубиц? Или в следующем, семнадцатом, когда месяц почти валялся в госпитале под Петербургом, то есть... Петроградом. Или... черт!.. да, Ленинградом! Одиннадцатая зима заканчивается с тех пор, а он все падает в черную яму, и дна у этой ямы не видно. Давно нет ни елки, ни свечей, ни троек, ни детской щемящей грусти возле руки матери, пахнувшей духами и мятой, ни самого детства. Ничего.

Он перешагнул за четвертый десяток, на голове плешь, на носу пенсне в золотой оправе, а все прошлые мечты и надежды куда-то исчезли. Из столицы его вышвырнуло в Старую Руссу, где пышно цветут канавы и догнивают в заброшенных садах рыжие беседки. В черных нарукавниках он сидит за столом, заваленным счетами и конторскими книгами, и пытается свести приход и расход.

Но в канун беззаконного Рождества 1928 года в городском отделе регистрации, помещавшемся на первом этаже бывшего дома купца Коновалова, смущенная женщина с недавно остриженными волосами записала их с Тасей в такую же, как у него, конторскую книгу и объявила, что отныне они муж и жена. Потом они зашли к старухе, у которой жила Тася, он взял ее чемоданчик и перенес к себе.

А ведь всего неделю назад в очереди к старой вонючей бочке керосинщика, такого же дряхлого, как и его тощая лошаденка, Николай увидел девочку в польсевшей, когда-то каракулевой шубе. Шел снег, ложился ей на платок, на плечи, на ресницы, на шубу, которая была ей велика... Что-то кольнуло его в сердце, а из морозного воздуха хлынула на грудь обжигающая волна, вдруг захотелось улыбаться и носить эту девочку на руках по всему свету. Десять лет назад он решил, что никогда не сможет полюбить: на месте души зияла широкая черная рана. Все эти годы он

просто работал, готовил пищу и ел, убирался в квартире и ходил на первомайские демонстрации, делал вид, что он живет и ничем не отличается от других людей. И вдруг все изменилось...

В восемнадцатом году отец забрал Тасю из питерского пансиона, привез в тихую Старую Руссу, к бревенчатым домикам вдоль пыльных улиц и цветущим тогда еще садам, и оставил у старухи, которой Тася приходилась не то внучатой племянницей, не то троюродной внучкой. Больше она его не видела. На стремительное предложение Николая стать его женой она почти так же быстро согласилась. Он и не мечтал, что она его полюбила, нет, он только надеялся, что со временем, когда-нибудь потом она полюбит. Хотя внутренний голос, который всегда некстати и которому почти никто не верит, маленький черненький червячок, нашептывал откуда-то изнутри: «Нет у тебя времени, нет и не будет, пользуйся тем, что есть, а на большее не надейся».

Да, он поторопился. Не нужно было так быстро, в первую же ночь. Он же сам хотел дать ей пожить в квартире, привыкнуть к новым вещам, к нему. Но она так легко и естественно вошла в роль хозяйки! Едва переступив порог, тут же принялась наводить порядок в холостяцком его жилище, что-то быстро вымыла, постирала, повесила, переставила — и вдруг стало так уютно и хорошо, что он не знал, как еще выразить ей свою любовь и благодарность. Потом его била дрожь, он растерянно смотрел на ее бледное, как бумага, лицо, второпях набросил на себя пальто и без шапки побежал за доктором. По ночным улицам свистела метель, не слышно было ни людей, ни собачьего лая. Доктор, известный всему городу старик еврей, дал ему успокоительного, а когда осмотрел Тасю, хмыкнул неопределенно и что-то долго бормотал себе под нос, путая латинские и еврейские слова.

Две недели после этого Николай боялся к ней прикоснуться, даже словами, даже вопросами, намеками самыми невинными не решался разрушить хрупкое благополучие. А она словно забыла все на следующий же день. Быстро и весело, как накануне, продолжала убирать изрядно подзапущенную без женской руки квартиру; не давая себе продыху, стирала, гладила, поменяла занавески, выбила ковры на снегу. Когда вечером он пришел со службы, на столе его ждал горячий ужин. Она сидела рядом и смотрела на него такими светящимися от счастья глазами, что он подумал, не померещилась ли ему предыдущая ночь, метель, скрип пригнувшихся от снегов заборов и непонятные латинские слова. Но через две недели, когда он и сам уже поверил, что все обошлось и в этом хрупком создании, невеста за что подаренном ему судьбой, ничего не сломалось, все вдруг повторилось в той же беспощадной последовательности: бледное, как накрахмаленные ею днем скатерти, лицо, черные улицы и мудрый, все понимающий, но ничем не могущий помочь взгляд старого еврея.

«Ах, Тася, Тасенька ты моя, голубушка... — думал про себя Николай Александрович и дивился своим мыслям. — Меньше всего на свете хотел бы я причинить тебе зло или самую крошечную боль! Все бы принял на себя, мне-то уже давно ничего не страшно... Но неужели я так тебе

противен? Даже самые нежные мои ласки не приносят тебе радости, а лишают сознания, стоит мне дотронуться до тебя... Несправедливо это, Господи, так наградить и так наказывать одновременно!..»

Николай осунулся, лицо сделалось желтым. Только пенсне все так же гордо поблескивало на носу да шагал он по городу все тем же уверенным шагом: даже десять лет спустя ногам было легко и весело без сапог. И еще он перестал обращать внимание на людей в штатском или в военной форме без знаков различия, с тяжелыми, нахмуренными лицами. Они часто попадались на улицах и всегда подозрительно оглядывали его фигуру, так безжалостно выдававшую его откровенно непролетарское происхождение. Он и раньше их не боялся, он уже ничего не боялся, а тут вдруг перестал их замечать совсем. Впрочем, и на других прохожих ему было абсолютно наплевать. Улицы вдруг сделались пусты даже днем, опустела даже площадь перед городской управой, где размещался теперь штаб большевиков под гордым названием «горком».

Так прошел месяц. Дважды он предпринимал нежные, отчаянные попытки — и оба раза, в ужасе проклиная себя последними словами, вынужден был бежать за доктором. Старый еврей давно не удивлялся его поздним визитам и, похоже, уже не очень торопился.

В начале марта прислала письмо сестра. Прошлым летом она была в Москве — одна, без мужа, а на обратном пути заезжала на один день повидаться. «В Ленинграде, — писала она, — стоит обыкновенная мерзкая, слякотная весна. Представь себе, почти не осталось извозчиков. Крупные шишки ездят на автомобилях, граждане попроще — на трамваях. Вообще, все стало так серо и неинтересно, в театрах идет бог знает что, журналов — раз-два и обчелся, да и в тех пишут в основном про рабочих да красноармейцев, как будто других людей в жизни не осталось...»

Николай читал сбивчивое письмо сестры и вдруг ясно увидел себя на золотистом мостике со львами над серым тающим льдом. А затем вздрогнул, ощутив над головой каменную тяжесть Исаакия. Внезапно его повлекло вдоль хоровода гранитных каналов, мимо черных, как уголь, решеток к еще белым дорожкам Летнего сада... Неужели это правда и никогда больше не видеть ему ни Исаакия, ни каналов, ни мостика со львами?..

«И, наконец, главное, — писала сестра. — Младшего брата Анатолия, его звать Костя, надо пристроить куда-то на два месяца. Он заканчивает пятый курс электромеханического (еле написала, но, кажется, правильно) института, и их заставляют ехать на практику бог знает куда, чуть ли не на Волховстрой. Это, разумеется, в связи с тяжелой международной обстановкой. Но можно и в другое место, главное, подальше от Питера (то есть Ленинграда), этого международная обстановка не запрещает. Вот мы (но в большей степени, конечно, я) и подумали, а что если отправить его к тебе? Помнится, ты как-то говорил, что в вашем городке есть электростанция. Косте она бы подошла...»

— Что, Тасенька, — посмотрел Николай Александрович на жену и невольно вздохнул, — ты не против, если молодой человек поживет у нас пару месяцев?

Тася только что вернулась с улицы и еще не успела переодеться. Ресницы ее были мокры от растаявшего на них снега. Шепотом напевая какую-то смешную песенку, она в это время выкладывала на стол покупки.

— Как все дорожает, ужас! — жаловалась она мужу. — И за мясом очередь... Неужели опять карточки введут?.. Конечно, пусть приезжает. У нас же есть еще одна комната, туда только надо диван перенести из коридора и прибраться немного.

Николай Александрович радостно улыбнулся жене, но она уже бежала на кухню готовить ему обед. Ей нравилось не ходить, а почти летать, едва касаясь пола легкими стройными ножками. Если бы не тяжелая лысая каракулевая шуба, подумал вдруг Николай, то при первом же сильном ветре она могла просто улететь от него.

Еще через неделю сестра прислала телеграмму.

— Ну вот, — сказал Николай жене, — завтра вечером он приезжает.

— Я купила замечательные яблоки, — сказала Тася. — У нас есть курица и один цыпленок. В комнате я повесила новые занавески. Кажется, у меня все готово...

И она озабоченно, как и подобает настоящей хозяйке, посмотрела на мужа.

— Ты не хочешь пойти со мной на станцию встречать его? — спросил Николай.

— Конечно! — обрадовалась Тася. — Обожаю запах железной дороги. В нем есть что-то романтическое. Так хочется сразу уехать далеко-далеко...

— Да, — сказал Николай. — А вдруг будет холодно?

— Ну и что! — засмеялась Тася. — У меня очень теплая шуба.

«Надо бы ей какое-нибудь пальто купить, — подумал Николай. — Зачем молодой красивой девушке этот лысый каракуль... Вот скоро получу жалованье, то есть... зарплату. Поговорю с ней. Или сделать подарок? Было бы отлично, но ведь пальто примерить нужно...»

Он в задумчивости провел рукой по остаткам когда-то густых и пышных волос и стал высчитывать, сколько дней осталось до зарплаты.

II.

Наверное, это были те редкие дни, когда человеку дается шанс изменить свою судьбу. Так, по крайней мере, хотелось им с Катей — вырвать из Костиной судьбы нелепую страницу, что прочла посреди петербургской высокой гостиной в свернутом свитке жизни неграмотная крестьянка, стоя мокрыми босыми ногами на шелковом персидском ковре.

Приближалась зимняя сессия. Катя тоже заканчивала институт, но педагогический, бывшие знаменитые Бестужевские курсы. Они были счастливы: всего несколько месяцев — и прощай долгие годы сначала за школьной партией, затем на студенческой скамье! Они давно решили, что летом поженятся, начнут работать, снимут квартиру. Детей пока заво-

дять не будут: сперва надо стать на ноги и почувствовать жизнь, которая так долго скрывалась от них за толстыми стенами школы и института.

Как-то днем они зашли к Катиной подруге за конспектами к экзамену по западноевропейской литературе: старыми учебниками пользоваться было запрещено, новых еще не написали, и все учились по лекциям, которые пока что читали старые профессора. Отец Лены (так звали Катину подругу) был врач, он сумел сохранить очень приличную практику еще с довоенных времен и большую квартиру в хорошем районе.

В прихожей их встретила прислуга — или, как теперь говорили, домработница. Невысокая женщина средних лет с круглым незапоминающимся лицом и подоткнутой черной юбкой мыла пол. Она открыла им дверь и, вытирая мокрые руки, певуче сказала, отчетливо при этом окая:

— Да проходите, проходите, по-ожалуйста... У себя барышня. Занимаются...

Лена обрадовалась, отбросила в сторону толстую книгу в еще более толстом переплете (такими книгами было завалено полкомнаты) и усадила их за большой стол в гостиной.

— Давайте пить чай! — предложила она и крикнула в коридор: — Антонина, принеси, пожалуйста, чайник и чашки с блюдцами. И не забудь сахар!

Через десять минут та же женщина в черной подоткнутой юбке, с опаской ступая неловкими ногами, вошла с подносом в комнату.

— Спасибо, — сказала Лена. — Поставь здесь.

— У вас новая домработница? — поинтересовалась Катя, дождавшись, пока Антонина уйдет.

— Она... не совсем домработница...

Что-то в голосе Лены и в том, как произнесла она эти слова, заставило Костю и Катю с недоумением посмотреть на нее.

Под глухие звуки тряпки в коридоре, где Антонина продолжала мыть пол, Лена принялась рассказывать, что эту женщину привез в Петербург профессор Марченко, который начал заниматься проблемами человеческого мозга, магнетизмом и воздействием на энергетическую систему человека еще задолго до Октябрьского переворота. В какой-то глухой деревушке Костромской губернии он обнаружил женщину с удивительными способностями. Она была простой неграмотной крестьянкой, муж, как водится, пил и крепко поколачивал безропотную жену. Марченко поселил ее в лаборантской при университете и стал проводить всевозможные опыты. В 1925 году ими заинтересовалось ОГПУ. О Марченко больше ничего не слышали: умер он или сидел на Соловках, известно было одному лишь богу да чекистам. Антонину же привезли к самому Дзержинскому, но через два часа отпустили. Оставшись в незнакомом городе одна, без денег, она не поехала обратно в деревню к мужу, а стала работать прислужкой в тех громадных питерских квартирах, которые каким-то чудом избежали участи коммуналок. Вскоре о ней заговорили: одни ей едва не поклонялись, другие боялись и проклинали. Бывало, только переступив порог чьего-либо дома, она вдруг разворачивалась и уходила без всяких

объяснений. И уже знали, что очень скоро в эту семью придет беда: смерть, арест или отъезд за границу. Если же она оставалась, то это означало, что никаких несчастий в ближайшее время с хозяевами произойти не должно.

— Она кто — гадалка? — спросила Катя.

— Не совсем, — сказала Лена. — Она не гадает.

— А что же она делает?

— Просто смотрит на человека. Потом говорит, что его ждет.

— Но это невероятно! — сказала Катя. — А нам... нам можно с ней поговорить?

— Наверное... — задумалась Лена. — Ведь это зависит от нее, захочет она или нет. Давайте ее спросим... Антонина! — позвала Лена. — Подойди, пожалуйста, сюда.

Женщина вошла в гостиную и остановилась посреди большого персидского ковра, глядя на них спокойными серыми глазами.

Катя постаралась придать своему полному смешливому лицу серьезное выражение и спросила:

— Скажите, Антонина... Мы хотим вскоре пожениться. Не сейчас, а через несколько месяцев, когда закончим институты, начнем работать... Ну, вы понимаете меня... В общем, выходить ли мне замуж за этого человека?

Она указала на Костю и, почувствовав, как глупо это все прозвучало, прыснула в ладошку.

— Гм... — сказал Костя, с трудом скрывая улыбку.

Женщина перевела взгляд на Костю. У него вдруг появилось странное ощущение, словно его сделали совсем крошечным, положили на ладонь и стали осторожно поглаживать. Во рту отчего-то пересохло, он больше не улыбался, а серьезно глядел на широкое, типично русское лицо женщины, на ее все еще подоткнутую черную юбку и босые ноги.

Она закрыла глаза, лицо стало бледным, губы принялись что-то шептать.

— Больница для душевнобольных, — внезапно проговорила она без всякого оканья, чистым литературным языком. — Или монастырь.

У всех вытянулись лица.

— Но позвольте! — опомнилась Катя. — Какой еще монастырь! Их же давно все позакрывали!

— Сейчас там тюрьма, — сказала женщина.

В комнате повисла тишина. Вдруг Костя не выдержал и расхохотался. Он поднялся и стал ходить по комнате.

— Но я же здоров! — сказал он.

— Я и не говорю, что вы сойдете с ума, — тихо сказала женщина. — Но вы можете там оказаться, если не выберете другой дороги. Я могу вам ее указать, вы избежите и больницы, и монастыря, но при этом вы потеряете что-то очень важное...

— Меня? — спросила Катя.

— Нет, не вас. У него пока нет этого...

— А мне больше ничего и не нужно! — снова засмеялся Костя. — У меня все есть.

И они обменялись с Катей взглядами, которые обычны для мужчины и женщины, когда они любят и знают, что любимы.

Костя решительно остановился напротив Антонины.

— Что я должен сделать?

— Вы должны уехать из Ленинграда. Чем быстрее, тем лучше.

— Но я и так уезжаю, — сказал Костя. — Нас посылают на практику всем курсом.

— Нет, — возразила женщина, — вы должны уехать один... и к людям, с которыми никогда раньше не встречались.

— Хорошо, допустим, я уеду, — сказал Костя, помолчав. — Но то, что я потеряю... действительно важно?

Женщина вдруг улыбнулась, не открывая глаз, словно увидела необыкновенный, хороший сон, и сказала, медленно и четко:

— Вы будете вспоминать и жалеть об этом всю жизнь. А если в этом году все закончится для вас благополучно, то вы проживете еще очень долго. Будет война, вам придется стрелять, но вы никого не убьете — и, может, поэтому не погибнете.

Она открыла глаза. Не сказав больше ни слова, вышла из комнаты. Вскоре в коридоре вновь послышались плески воды, шлепки и шуршание мокрой тряпки по полу.

Спустя полчаса они собрались уходить. Лена проводила их до прихожей, и там они увидели Антонину. Пол был вымыт, черная юбка расправлена.

— До свидания, — сказала она, улыбаясь, — здоровья вам.

Она опять певуче растягивала слова и отчетливо, по-простонародному окала.

III.

Неделю после этого Костя и Катя спорили и сердились друг на друга.

— А вдруг это правда? — взволнованно говорила Катя. — Что тогда?

Костя раздраженно фыркал:

— Откуда простая крестьянская баба может знать, что меня ожидает в жизни? Это же глупо! Я и сам часто не знаю, как поступлю, мучаюсь, сомневаюсь, а мое действие уже где-то записано! И неграмотная женщина читает это так же легко, как мы читаем книгу?..

Но Костя не хотел признаваться даже Кате, что экзамены, законы электромагнитной индукции и сопротивление материалов с того самого дня совершенно вылетели у него из головы. Снова и снова он перебирал в памяти родственников, знакомых, сокурсников и преподавателей, хотя в институте Костя ни с кем не поддерживал каких-то особо дружеских отношений. Кто из этих людей мог привести его в сумасшедший дом или в тюрьму?.. Отец? Да, с происхождением у него было не в порядке, но-

вая власть не любила тех, кто не жил в нищете в прошлой жизни. Для подтверждения своей лояльности требовались пролетарские корни, а откуда их было взять бывшему государственному служащему? К тому же отец был дворянином, а когда-то давно — еще и офицером. Слава богу, что он ушел в отставку задолго до всевозможных революций, но в глазах большевиков Иван Анатольевич Воронов все равно оставался чуждым элементом, попутчиком.

Отец и мать полюбили друг друга в 1896 году, в день восшествия на престол последнего российского императора. Драгунский полк, в котором служил отец, стоял в Польше, недалеко от Варшавы. По случаю праздника по всей империи устраивались собрания, балы. Давали бал и в загородном доме помещика Пшесинского. Через месяц отец пришел к командиру полка за разрешением на женитьбу. «А кто невеста?» — спросил полковник. «Ванда Пшесинская», — ответил отец. «А-а... — сказал обрадованно полковник. — Я вас поздравляю, Ванда — замечательная девушка. — Потом вздохнул и добавил: — Но, к сожалению, католичка. Разрешить вам на ней жениться я не могу». Отец понимающе кивнул и достал из кармана прошение об отставке. Это был незаурядный поступок, и много лет спустя, став больным и сварливым стариком, Константин Иванович любил повторять, что свой романтический характер он унаследовал от отца. Они уехали в Петербург, отец поступил на службу в государственный комитет по строительству железных дорог и долгие годы мотался по трассе Транссибирской магистрали от столицы до Владивостока. Когда мать умерла, Косте не было еще и года. Через несколько лет отец женился во второй раз, но других детей ему бог уже не дал. Мачеха была красива, любила отца и очень хорошо относилась к его детям от первого брака. Однажды днем Костя забежал домой за забытым учебником по алгебре и вдруг услышал, как в гостиной кто-то играет на фортепьяно. Он осторожно раздвинул портьеры и увидел отца, задумчиво перебирающего клавиши инструмента. Грустная незнакомая мелодия сама собой возникла под его пальцами. Отчего-то Косте стало неловко, и он тихонько ушел. Отец никому не говорил, что умеет играть, и садился за фортепьяно очень редко, только когда бывал дома один. Уже после его смерти в 1939 году Костя наткнулся на небольшой чемоданчик, доверху набитый нотами, и долгое время думал, что это ноты отца. А через много лет, случайно начав разбирать ломкие желтые страницы, он обнаружил на полях пометки, сделанные рукой матери фиолетовыми чернилами, которые уже почти невозможно было прочитать.

— Мы заложники на корабле, который захватили пираты, — любил повторять отец, когда все собирались за круглым столом под большим желтым абажуром; на столе стояла вазочка с печеньем, из носика чайника поднималась струйка пара, а за окнами лежала сырая, холодная питерская ночь. — Куда пираты направляются и что хотят с нами сделать, мы не знаем. Мы просто должны оставаться людьми, а для этого надо работать, любить, рожать детей, как было заведено нашими предками. Надо жить... как ни в чем не бывало.

Отец никогда не позволял себе лишнего при посторонних: он был осторожен и хорошо владел своими эмоциями. Кроме жены только Костя и Анатолий знали, какие мысли держит он у себя в голове.

Анатолий... Костин старший брат давно уже жил самостоятельной жизнью. Он был морским офицером, дружил с племянником Крупской и всегда приходил на помощь младшему брату. В прошлом году на 1 Мая Костя спрыгнул с забитого праздничной толпой трамвая, не доехав до остановки, и был задержан постовым милиционером. Он отказался заплатить семь рублей штрафа, и милиционер отвел его в отделение, где с Кости сняли форменный допрос, проверили все его анкетные данные и даже позвонили в институт. Неизвестно, чем бы эта история закончилась, если бы не приехали Анатолий с Крупским и еще два офицера — все в парадной форме, с белыми шарфами, высокие, красивые. Анатолий показал милиционеру кулак и забрал Костю с собой. Штраф он так и не заплатил.

Нет, у Анатолия все было замечательно: недавно ему присвоили очередное звание, у него родился сын, он был в расцвете молодости, успеха и быстро делал карьеру на Балтийском флоте.

Больше всего беспокойства вызывал их дед, старый профессор права Петербургского университета. Дед давно уже жил один, отдельно от детей и внуков, которых у него, надо признаться, было немало. Костя был последним и потому самым любимым внуком, хотя любовь деда к кому-то еще, кроме самого себя, была относительна. Бывало, что даже на Костю дед обижался и по целым месяцам не желал с ним разговаривать. Старый Воронов никак не мог понять, зачем Косте понадобилось жениться.

— Ради такой чепухи ты поднял меня с постели ни свет ни заря! — ворчал он, когда внук пришел к нему с этой новостью.

— Но, дедушка...

— Черт знает что!.. Это все Катька. Отыгрывается теперь на тебе...

Костя улыбнулся, хотя ему было неловко, он и сам отлично помнил тот один-единственный раз в детстве, когда отец сурово наказал его. Им было лет по пять или шесть. Катя с родителями приехала к ним в гости на дачу. Взрослые занялись своими делами, а Костя с Катей решили играть в лошадок. Костя, как мужчина, стал кучером, а Катя — лошадкой. У нее были две длинные, туго заплетенные косы, и Костя не устоял перед соблазном — крепко ухватил их, как настоящие вожжи, и стал погонять ими бедную Катю. Он и сам не заметил, как увлекся, решительно тянул то левую, то правую косу, заставляя «лошадку» поворачивать. Катя отчаянно визжала, но он только крепче подстегивал ее вожжами. Тут прибежали взрослые и увели зареванную Катю, а отец его выпорол.

— Дедушка, я люблю ее! — сказал Костя.

Дед фыркнул и удивленно уставился на него:

— Год идет за годом, а ты никак не поумнеешь! «Люблю!..» Сколько людей на этой глупости себе шею свернули, ты хоть догадываешься? Все потому, что старую истину забыли: люби — не влюбляйся, пей — не напивайся, играй — не отыгрывайся. Ну и любите себе на здоровье, жениться-то зачем? Ранняя женитьба — это почти всегда ошибка.

Дед был женат дважды и дважды разводился. В третий раз он не оформлял брак официально, поэтому и формального развода как бы не было. Он любил гордо сравнивать себя с бывшим премьер-министром Витте. «Только тупые самоуверенные заурядности влачат по жизни один и тот же крест, — говорил он. — Все великие люди не боялись признавать свои ошибки и время от времени кресты меняли».

Ни с отцом, ни с братом Костя не говорил о том, что его судьбе угрожает опасность: они бы не поняли его и просто посмеялись бы над бабскими суевериями. Но дед был другим человеком.

Услышав про Антонину, он ничуть не удивился:

— Все это правда. Я слышал и про нее, и про профессора Марченко. Чудак был человек, хотя и с идеями... Но я тебе и так скажу, как курильщик со второго класса гимназии: наше дело — табак. Знаешь, как смотрят на меня все эти новые студенты? Я для них буржуй, неизвестно по чьему недосмотру читающий лекции в красном университете.

Настоящим буржуем, конечно, дед никогда не был. В юности он заболел марксизмом, уставил все книжные полки экономическими сочинениями, но довольно быстро поправился. Потом увлекся народничеством, развесил у себя дома по стенам лапти, затащил в гостиную неподъемный комод из скверно окрашенных досок, даже собрался переселиться в деревню, но, к счастью, ограничился тем, что лет пять говорил о том, что народное сознание надо пробудить, что только оно спасет Россию. Потом вдруг как-то разом остыл к политике, убрал с полок марксистов, выкинул на помойку комод и не верил с тех пор уже ни в крестьянскую общину, ни в капиталистический прогресс. И первой, и второй бабушке жилось с ним непросто. Решительность деда поражала. Он не стеснялся в выражениях, и порой Костя ловил себя на том, что не понимает, как деду до сих пор сходили с рук его публичные высказывания и откровенные насмешки над новой властью. «Мы их жалели, — говорил он всем подряд, даже своим студентам, — нянчились с ними как с дитем, а нынче дитя выросло и хочет старую няньку или отправить куда подальше на пароходе, как в 1922 году, или к стенке поставить». Косте нередко доставалось от деда за мягкость характера и «отсутствие четкой жизненной позиции».

Но мысль уехать из Ленинграда старику неожиданно понравилась:

— Правильно! Пора, давно пора тебе узнать жизнь провинции. Сидение в столице, пускай и бывшей, до добра не доводит. Авось чистый воздух российской глубинки остудит твою голову, и ты раздумаешь жениться.

Костя и сам теперь был готов уехать: какая-то тупая тревога поселилась у него в душе, словно он почувствовал уже тех неведомых охотников, что окружали его и медленно стягивали кольцо. Приближался март, ночи делались все короче, снег на улицах почернел и покрылся коркой. Они в последний раз поговорили с Катей, и на следующий день Костя объявил дома, что ему нужно подыскать хорошее место для практики. Был созван семейный совет, на столе в гостиной разложили большую дореволюци-

онную карту, еще с губерниями, Польшей и Финляндией. Тут-то жена Анатолия и предложила Старую Руссу.

Дед помог выхлопотать в институте разрешение не ехать со всем курсом на Волховстрой: ректор был его старым учеником и не забывал своего профессора. Через три дня Костю вызвали в учебную часть и вручили направление на практику на городскую электростанцию Старой Руссы.

Ко дню его отъезда снега почти не осталось. Питерская зима прошла, но весна еще не наступила, и лед на Финском заливе лишь потемнел и был вполне крепок. Сверху все время падало что-то похожее на белый дождь...

На перроне перед поездом, оставив Костю в вагоне, который вот-вот должен был тронуться, Катя, еще недавно такая уверенная в себе, внезапно затихла и молча стояла под окном его купе, маленькая, жалкая. Она упрямо сжимала по-детски пухлые губы. В институте им запрещали пользоваться помадой, и он только сейчас заметил, как они у нее потрескались после зимы.

— Пиши мне, — одними этими потрескавшимися губами сказала Катя, но Костя ее понял и радостно закивал: «Да-да! Обязательно буду писать, каждый день буду...»

И вот медленно поползла назад платформа Витебского вокзала, вскоре за окном показались редкие кустики, из почерневших избенок уходили в низкое серое небо струйки дыма.

...Спустя много лет полковник в отставке Константин Иванович Воронов помнил мельчайшие подробности той своей поездки. Даже лица пассажиров скорого поезда Ленинград — Витебск зачем-то сохранила его память и в самые неожиданные моменты, по одним только ей понятным законам, вдруг стирала напрочь все последующие лица, годы и поездки и окутывала его с ног до головы волшебным туманом. И он вновь оказывался на Витебском вокзале, поднимался по тем же ступенькам, где много лет назад умер поэт Анненский, и в купейном вагоне вместе с теми же людьми снова ехал до станции Дно. Толстый промышленник со злым лицом сидел напротив и подозрительно косился на всех. В соседнем купе две дамы везли кучу ребятишек, чемоданов, сумок и крохотную, но очень жизнерадостную старушку. Старушка ходила по вагону и всех угощала засахаренными сливами. Двое студентов, не поднимая головы, всю дорогу играли в карты. Проводник принес чай с лимоном, и на время стало так уютно, что даже толстый промышленник перестал хмуриться и застенчиво улыбнулся шестилетнему мальчишке из соседнего купе, который очень хотел знать, что у него в портфеле.

Чаще всего волшебный туман укрывал его, когда ему было особенно плохо — как в 1938 году, когда его уволили с радиозавода в Ногинске, за то что не написал в анкете, что он брат врага народа. Или как в 1961 году, когда умерла его вторая жена и он был уверен, что жизнь кончилась.

Но все это ждало его в будущем, а тогда он по-прежнему не знал, от какой опасности уезжает. Он обо всем передумал и вспомнил практически всех...

Впрочем, нет, был еще один случай, в институте, но давно, на третьем, кажется, курсе. Косте нужен был какой-то конспект, и он зашел домой к однокурснику. Случайно взгляд его упал на краешек бумаги с большими печатными буквами, лежавшей на столе под альбомом с фотографиями. Он немного слов успел разобрать, но и тех было достаточно, чтобы упрятать сочинителя или распространителя этой бумажки на Соловки до конца его дней. Это был самый обыкновенный студент по фамилии Рожков, слегка рыжеватый, с большими голубыми глазами, круглыми, как у совы. Он был постоянно голоден, вечно что-то жевал — и даже когда сидел на лекциях в институте, постоянно отщипывал перепачканными в чернилах пальцами кусочки от булки, что лежала у него под столом. Они не были друзьями, все пять лет просто встречались на лекциях и семинарах и сдавали экзамены в одних и тех же аудиториях. Дома у Рожкова Костя был всего один раз, никто его не видел, да и прошло с тех пор уже два года... Нет, ерунда какая-то.

На станции Дно он должен был пересесть на другой поезд, шедший из Пскова в Москву через Старую Руссу. Поезд с толстым промышленником, с дамами, с доброй старушкой со сливами и играющими студентами покатился дальше на юг. Костя же остался на платформе. Вдруг раздался отчаянный женский визг, и через минуту кто-то, запыхавшись, рассказывал пассажирам на платформе, что на дальних путях неизвестный мужчина бросился под проходивший мимо лесовоз. Вместе со всеми Костя пошел к тому месту, однако у небольшого холмика на земле, прикрытого грязным мешком из-под угля, уже стояли двое красноармейцев с винтовками, а хмурый чекист, не разжимая губ, разгонял в стороны трусливую, но все равно томившуюся от любопытства толпу. Шептались, что неизвестный пытался убежать от красноармейцев, да поскользнулся на мокром рельсе, тут как раз шел лесовоз, и его перерезало аккуратно посередине, он умер мгновенно, ни разу не вскрикнув. Кто-то даже договорился до того, что это бывший белый офицер, корниловец, но ему не поверили. Тело вскоре убрали. По этой или по какой другой причине посадку объявили почти на четыре часа позже.

Медленный, как трамвай, поезд плелся сквозь беззвездную ночь. Паровоз жалобно гудел в обступавшую его темноту, на редких стыках вздрагивали дряхлые вагоны. Крестьяне с тупыми покорными лицами, бабы в платках с тугими мешками, рабочие неопределенного возраста и профессий — куда они ехали, бог их знает — дремали, тяжело постанывая и бормоча во сне, и тяжелый запах грязных сапог и мокрых тулупов стоял в вагоне всю ночь. В конце концов, уткнувшись носом в шапку, Костя тоже забылся. Он вздрогнул от чьей-то горячей руки, которая грубо трясла его за плечо:

— Вставай, студент! Проспишь свою Старую Руссу.

Спотыкаясь и переступая через спящих, Костя вышел на площадку. Поезд дернулся в последний раз и затих. Железнодорожник в накинутой на плечи шинели с грохотом распахнул железную дверь. В вагон потянуло сырым холодным воздухом и запахом маленькой станции.

IV.

Вечером следующего дня Николай Александрович и Костя сидели напротив друг друга за большим прямоугольным столом и ужинали. Тася, пригубив одну или две ложки, убежала на кухню за новым блюдом или чтобы разогреть старое. На столе стояла почти полная бутылка вина: Тася отпила совсем чуть-чуть, а Николай заявил, что из-за больных почек врачи запретили ему пить совсем. Костя немного подумал, налил себе одному и выпил. Потом налил еще и опять выпил.

«Зачем я сюда приехал?» — с тоской думал Костя. Его новый родственник нравился ему все меньше и меньше. Сказать откровенно, он не понравился Косте с самой первой минуты, как открылась дверь и он увидел на пороге пожилого мужчину с брюшком, в наспех надетом на нос пенсне, в зеленого цвета кальсонах с завязочками, которые волочились за ним по полу. Косте страшно хотелось спать: он устал еще в вагоне, а потом ему пришлось долго бродить по пустому ночному городу, под лай разбуженных собак, искать дом — адрес ему, к счастью, написали еще в Ленинграде. И он нашел его, когда черный туман почти совсем растворился в свинцово-сером рассвете и лежал лишь в глубоких канавах вдоль дорог. Это была такая провинциальная дыра, такой многовековой скукой веяло от деревянных домишек, от голых деревьев за высокими заборами, от проломленного купола небольшой церкви за поворотом, что ему вдруг стало жалко себя и Катю.

Он вошел в квартиру следом за Николаем и его волочащимися по полу завязками и вдруг увидел девушку с заспанным, но удивительно милым лицом.

— Тася, — сказала она и подала руку. У нее была очень легкая, почти невесомая рука и очень белая нежная кожа.

Костя отчего-то оробел и с трудом заставил себя дотронуться до этой руки. Тася засмеялась.

— Наш гость устал с дороги, — сказал у него за спиной Николай. — Давай-ка лучше отправим его спать.

Костю отвели в приготовленную комнату. Перед тем как заснуть, он неожиданно вспомнил легкую ладонь, до которой только что дотронутись его пальцы, и ему сделалось хорошо и горько одновременно, но он не успел понять — почему, так как в следующую минуту уже спал...

Костя снова выпил один. «Как она может быть его женой?» — думал он. — Старый крокодил, бухгалтериска... Такая девушка готовит ему, моет за ним посуду, стирает его зеленые кальсоны с завязочками...» Почему-то эти кальсоны больше всего раздражали Костю.

Николай же не мог побороть в себе странного чувства. Нет, это не была зависть — чему он, взрослый, много переживший и повидавший мужчина, мог завидовать у мальчишки? Тому, что тот только начинал жить и у него все было впереди: счастье первой любви, долгие годы корпения за какой-нибудь нелюбимой работой, потери близких, мучительный разлад со своей совестью (если ему удастся ее не потерять) и бессилие

перед несчастной страной, чью страшную судьбу он хотел, но не смог изменить?.. Нет, ему было больно оттого, что этот юноша приехал из города, в котором он, Николай, прожил всю жизнь, любил его, но который больше никогда не увидит, разве что во сне или после смерти, когда душа, вырвавшись наконец из жалкой тюрьмы его тела, сможет лететь куда ей хочется...

Костя рассказал про неизвестного, погибшего на станции Дно, чтобы поддержать разговор: нельзя же весь вечер сидеть и молчать. Николай пожал плечами, дескать, обычная для наших железных дорог история, такова уж судьба этого бедолаги. У него был случай куда более страшный. В восемнадцатом году они с товарищем ехали через Урал в теплушке, битком набитой всяким сбродом. Мужички были разные — кто в шинели, кто в зипуне, но все злые и все как один — революционеры до гробовой доски. Развалились на нарах, топят печку-буржуйку, лузгают семечки и плюют прямо на пол, а убирать никто, естественно, не убирает: не для того ведь революцию делали. На одной из станций поезд неожиданно тронулся, Николай не успел сесть в свой вагон, вскочил в последний. Места там удивительные, настоящая русская Швейцария: горы, пропасти, туннели. Где-то внизу река течет, сверху глядишь — словно крошечный ручеек, в котором мальчишки кораблики пускают. На следующей станции он вернулся в свой вагон и не нашел там товарища. Все сидят как сидели, по-прежнему семечки щелкают, на пол плюют и молчат. Что?.. Где?.. Куда делся? — только пожимают плечами и отворачиваются. Ну он и решил, что товарищ, наверное, тоже в другом вагоне едет. Поезд больше не останавливался, так и доехали до Екатеринбургa, а на платформе к нему подошел один, по виду тоже студент, и шепотом рассказал, что, когда Николая не было, в вагоне завязался спор о революции. «Ваш товарищ остался в одиночестве, с ним не согласились, а потом четверо схватили за руки, двое откатали дверь — и на полном ходу выкинули...» Николай побледнел и бросился обратно в вагон, но там уже было пусто, только заплеванной пол весь был усыпан шелухой...

Костя выпил в последний раз и отправился в свою комнату, Николай с Тасей вскоре также ушли к себе.

В доме повисла тишина, лишь в саду стучали ветки голых деревьев, где-то выла собака и нудно падали капли с крыши. Он подумал, что не смог бы прожить здесь всю жизнь, без утренних криков дворников за окном, без звона трамвая, шелеста воды в трубах и гулких голосов соседей за стенкой.

Костя сел за стол и задумался, тоскливо глядя в окно: «А вдруг эта женщина ошиблась? Может, она и не увидела ничего, так... сказала что в голову взбрело — больница, монастырь... А я и поверил. Бросил все и уехал... Зачем?»

Спать почему-то расхотелось, и он решил написать письмо Кате. Они еще никогда не писали друг другу писем, и он не совсем представлял, с чего начать.

«Доехал хорошо, — немного поразмыслив, написал Костя, — только поезд опоздал, поэтому меня не встретили. Николай — уже немолодой мужчина, типичная штатская галоша. Не люблю таких, ты же знаешь, как в детстве я мечтал стать военным, до сих пор жалею, что не получилось. Жене его, наверное, лет двадцать. Не представляю, что она в нем нашла. У меня отдельная комната, немного смешная... Сюда много лет сваливали всякую рухлядь: кожаный продавленный диван, письменный стол, за которым я сейчас пишу (от зеленого сукна почти ничего не осталось — всё прожгли), умывальник в углу с бронзовыми завитушками, старое фортепьяно. Но больше всего меня восхитила карта последней войны в Европе четырнадцатого года. Она вся в дырочках — видимо, прежний хозяин отмечал движение фронтов булавками с флажками. Судя по дырочкам, эта забава надоела ему где-то году в шестнадцатом. Карту повесили, чтобы прикрыть пятно на обоях. Помнишь, у нас была такая же? А еще я вспомнил, как отец подарил мне набор шоколадных солдатиков — наших и немецких. Я съел только двоих, а потом никому не разрешал до них дотрагиваться, особенно тебе: играл с ними один...»

Костя вздохнул и продолжил рассказ о своем первом дне.

«В городе полно керосинщиков, старьевщиков, молочниц и грязных собак. Беспризорники еще грязнее собак и наглые, как вороны, которых здесь, по-моему, даже больше, чем в Ленинграде. Вывески на лавках похлеще гоголевских. Моя электростанция больше всего похожа на католический костел, только слегка недостроенный: из красного кирпича, всякие башенки, закругленные окна. Говорят, что построили ее по проекту какого-то столичного немца лет двадцать пять назад... Можешь меня поздравить: завтра мой первый рабочий день».

Костя вспомнил, как он ходил на электростанцию, и невольно улыбнулся.

Над входом двое рабочих, с опаской стоя на длинных лестницах, подмалевывали на красном полотнище лозунг: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны!» Внизу бегал немолодой мужчина в кожаной куртке, с портфелем и, страдальчески хватаясь за сердце, руководил ими. На вопрос Кости, где найти директора станции, мужчина недовольно ответил:

— Мы же заняты! Разве вы не видите?

В этот момент из ворот выехал большой черный «студебеккер». Мужчина сел на заднее сиденье, и, разбрызгивая в стороны лужи, как грузный линкор, «студебеккер» свернул за угол.

— Кто это? — спросил Костя у рабочих.

— Да директор... — как-то неопределенно отозвался один из них, продолжая старательно подмалевывать букву «з» в первом слове.

На втором этаже конторы пожилая секретарша сказала, не отрываясь от пишущей машинки, что директор уехал в горком, потом у него посещение кружка юных техников, до вечера его уже не будет. Продолжая печатать одной рукой, она взяла Костино направление, сунула его

в какую-то папку на третьей полке и послала Костю искать инженера Теплова.

Теплов, высокий мужчина в мятых брюках, с короткими щетинистыми усами, находился в зале управления. Ему был лет сорок, но все худое лицо его уже было в морщинах. Костю он встретил сначала настороженно, долго задавал наводящие вопросы и, только когда Костя признался, что он не член молодежного союза и уж тем более не партийный, протянул ему руку:

— Очень рад. Значит, вы, как и я, «сочувствующий».

Он не стал уточнять, кому и в чем они сочувствуют, а улыбнулся наконец скуренными зубами, тут же перешел на «ты» и повел Костю показывать станцию.

Они посмотрели зал управления, турбины, под конец очутились в котельной. Это было большое грязное помещение, в котором, по-видимому, текла крыша, потому что на полу стояли лужи, а над ними клубился пар. Несколько рабочих в накинутых на голые плечи телогрейках сидели на лавках за черным блестящим столом и лузгали семечки. Они равнодушно посмотрели на инженера, а один вдруг крикнул куда-то в сторону:

— Эй, Шурка! Воды принеси.

Из клубов пара выскочила круглолицая чумазая баба в штанах и громадных кирзовых сапогах и скрылась за дверью. Через минуту она появилась вновь с мокрым бидончиком. Рабочие пили долго, по очереди, но на всех не хватило, и Шурку послали еще раз.

Теплов вздохнул, грустно посмотрел на Костю, и они торопливо вышли.

Костя закончил писать письмо. Где-то за окном тявкнула собака, ей лениво ответила другая. «Ну и попал же я, — подумал Костя. — Ладно, ничего... Завтра рано вставать, к восьми часам надо быть на электростанции. Начну работать, а там время быстро пролетит. Всего каких-то два месяца. Один день уже прошел... И все-таки, зачем она вышла за него замуж?»

Он зевнул, улыбнулся в последний раз карте военных действий в Европе четырнадцатого года, лег и тут же уснул.

* * *

Он с трудом оторвал голову от подушки и в недоумении оглядел незнакомую комнату. «Куда я попал? — пронеслось у него в голове. — Что случилось?»

Стук за стеной повторился. Костя начал приходить в себя, сел на кровати и прислушался. За окнами, словно заклеенными черной бумагой, лежала непроницаемая тишина. Он вскочил, наспех натянул на себя брюки и вышел в гостиную.

На пороге соседней комнаты стоял Николай в халате и без пенсне.

— Тасе плохо, — сказал он шепотом. — Ты сможешь сходить за доктором?

Костя кивнул, еще не успев ничего сообразить, и Николай тем же быстрым шепотом начал объяснять ему, как найти доктора. Костя вернулся к себе в комнату, чтобы одеться, и только тут до него дошел смысл слов, произнесенных Николаем. Он быстро оделся и вышел снова в гостиную. Проходя мимо хозяйской спальни, он не удержался и заглянул: Тася лежала на кровати с бледным неподвижным лицом, около нее хлопотал расстроенный Николай, виновато щурясь близорукими глазами.

Каким-то чудом он быстро нашел дом доктора. Яков Моисеевич Герштвин вышел в прихожую, выслушал, ничуть не удивился, а только вздохнул и стал собираться.

— Доктор, пожалуйста, побыстрее, — взмолился Костя, видя, с какой любовью доктор тщательно моет свои руки, неторопливо одевается и берет чемоданчик.

Но старый еврей только пожал плечами:

— Я эту больную знаю. Ничего с ней не случится. А вот с вами, молодой человек, — прибавил он, сердито глядя на Костю, — может произойти удар, если вы сей же час не успокоитесь!

Наконец они вышли на улицу. Было все так же темно. Ворча и вздыхая, доктор тщательно обходил многочисленные лужи и, несмотря на просьбы, мольбы и проклятия Кости, ни разу не ускорил свой шаг. Они подошли к дому Николая как раз в тот момент, когда Костя уже собирался схватить старика в охапку и тащить его сам.

Костя остался в гостиной. Сквозь стенку не доносилось ничего, кроме невнятного гула и редких слов, произнесенных отчетливо, но, как ему показалось, на латыни. Минут через двадцать доктор ушел, укоризненно покосившись на Костю и пробормотав:

— Я же говорил, что ничего страшного...

Проводив его, Николай молча прошел в спальню и закрыл дверь.

V.

Наутро Костя проспал. Он явился на электростанцию с тяжелой головой и красными глазами, опоздав на десять минут. Теплов неодобрительно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он подвел его к старшему дневной смены — высокому парню лет двадцати восьми, с кудрявой головой и ласковой улыбкой.

— Будешь работать с ним, — сказал Теплов и торопливо пошел дальше. Он всегда был занят и куда-нибудь торопился: в контору, в машинный зал или к снабженцам.

Старшего смены звали Алексеем. Самым важным в жизни он считал не давление пара в турбине или загрузку основного агрегата, а симпатичных молоденьких девушек. К Косте он отнесся по-братски и предложил пойти вместе вечером в клуб, на танцы, где обещал познакомить с двумя совершенно очаровательными рабфаковками. Костя сказал, что в

Ленинграде у него осталась невеста, что она любит его и ждет. Алексей сочувственно покивал кудрявой головой — дескать, ага, брат, попался, понимаю...

Но и Косте в этот день было не до работы. Как там Тася, что с ней, думал он, пока Алексей знакомил его с людьми, работавшими в зале управления, объяснял предназначение тех или иных приборов и какие режимы необходимо поддерживать во время дежурства за пультом. День тянулся как неделя. Порой, очнувшись, он вдруг поражался: «Да что со мной в конце-то концов? Какое мне дело до жены Николая?» Но тут же успокаивал себя тем, что Тася в некотором роде его родственница и что он имеет право... нет, он *должен* беспокоиться за нее.

Уже выйдя вечером после окончания смены на улицу и торопясь домой, он вспомнил, что забыл отправить письмо Кате и что за весь день только один раз вспомнил о ней, когда объяснялся с Алексеем. Он почувствовал что-то похожее на стыд, зашел на почту, отправил письмо и тут же, волнуясь, обещал себе, что больше такого не повторится, он возьмет себя в руки и будет думать только о работе. И о Кате.

Дверь ему открыла веселая и румяная Тася. Как ни в чем не бывало она улыбнулась и сказала, что скоро должен прийти Николай.

— Будем ужинать, у меня уже все готово.

Костя прошел в свою комнату, ничего не понимая. Уж не приснились ли ему Николай без пенсне, вздыхающий старый доктор и бледное запрокинутое лицо Таси этой ночью?

За ужином Костя и Николай говорили мало. Костя чувствовал, что спрашивать ни о чем не нужно, а Николай, по-видимому, и не собирался ничего объяснять.

* * *

Быстро прошла неделя. Костя освоился на электростанции. Директора он больше не видел: тот давно уже передал все технические вопросы Теплому, а себе оставил политическое руководство и многочисленные общественные дела. Несмотря на то что директора почти никогда не было на месте, все прекрасно шло своим чередом: бумаги разбирала пожилая секретарша Эмма Карловна, а производством занимался Теплов. Станция без перебоев снабжала электричеством весь город, и даже на район хватало.

Отработав положенное время, он шел домой, думал, как и обещал себе, о Кате, разглядывал неторопливых прохожих, по-провинциальному приветливых и смешных. Он невольно гадал, постучат ли сегодня ему в стенку или он сможет наконец выспаться. Три раза за эту неделю его посылали за Яковом Моисеевичем. Он больше не пытался заставить доктора бежать. Он немного успокоился, видя, что с Тасей ничего не происходит. Однако днем, на работе, и ночью, когда они шли со старым доктором по безлюдным улицам под сердитый лай разбуженных собак, он невольно думал о том, что молодая красивая девушка зачем-то живет со старым, некрасивым бухгалтером. Еще он думал о том, что происходит

по ночам за стенкой рядом с ним и что у нее удивительно легкая походка, похожая на шелест весенних листьев.

Очень быстро доктор и Костя подружились. Костя рассказывал про свою семью, про отца, про деда. Он вообще любил разговаривать со стариками: в их словах была какая-то почти забытая мудрость и неспешность. На сегодняшний мир они смотрели с грустным недоумением. У доктора, как вскоре выяснилось, было свое горе, которое он носил в себе уже десять лет. Он родился в большой еврейской семье недалеко от Львова, родители и все родственники были добрые патриархальные евреи. Яков Моисеевич окончил институт, получил диплом врача, а вместе с ним право выехать за черту оседлости и самому выбрать себе место жительства. По случаю он купил неплохую практику в Старой Руссе. Думал сперва, что это временно, хотел позднее перебраться в столицу, но, к счастью своему или несчастью, влюбился в дочку учителя местной гимназии. Она была светловолоса, голубоглаза и очень красива, но — не еврейка. Однако его это не остановило: он сделал предложение и получил согласие, а незадолго до свадьбы принял крещение. Из-под Львова пришло проклятие от родителей и всех многочисленных родственников, и больше они друг о друге ничего не желали слышать. У них с женой долго не было детей, Яков Моисеевич уже начинал думать, что это наказание ему за предательство, что ветхозаветный бог оказался сильнее бога христианского, но тут судьба смилостивилась над ними и подарила сына. По словам доктора, это был необыкновенно умный, талантливый мальчик. Лёвушка очень рано выучился читать, и любимыми его книжками стали «Три мушкетера» Дюма и «Следопыт» Фенимора Купера. Они уже мечтали, как он поступит в университет, как они купят ему практику, как он станет знаменитым и медицинские светила Санкт-Петербурга будут приезжать к нему за консультациями. Но тут вместо медицинских светил из столицы прибыла революция. Половина города заболела революционной холерой и посадила другую половину города в тюрьму, а кому не досталось места — расстреляли. Самое же печальное, что страшный недуг социальной справедливости поразил и Лёвушку. Он связался с какими-то активистами в кожанках, пару раз выступил на митингах, ходил с ними по церквям экспроприировать ценности, а потом вдруг исчез. Кто-то видел, как он садился в поезд, идущий на север, в столицу, другие уверяли, что он уехал на юг к Котовскому. Как бы там ни было, но с тех пор они не получили от него ни одного известия и не знали, где он и жив ли...

— Может быть, он еще объявится, — сочувственно говорил Костя. Ему было искренне жаль старика, хотя помочь ему он, конечно, ничем не мог.

— Столько лет уже прошло, — вздыхал Яков Моисеевич, аккуратно обходя очередную лужу. И сутулая спина его сгибалась еще ниже, а в темных глазах лежала тысячелетняя иудейская скорбь.

Одно было плохо: как ни расспрашивал Костя доктора, какие бы хитроумные ловушки ни ставил, Яков Моисеевич так и не открыл, в чем заключается Тасина болезнь. В ответ на все вопросы он лишь сконфуженно бормотал еврейские и латинские слова, понять которые было абсолютно невозможно.

VI.

Порой Костя словно смотрел на себя со стороны и не узнавал человека в форменной тужурке с фуражкой (их выдали на второй день), который ведет странную и ему самому непонятную жизнь. Зачем он бегаёт по ночам, а не спит, как все нормальные люди, почему у него всегда мокрые ботинки и почему он написал Кате всего два письма, хотя обещал, что будет писать каждый день? Катя писала часто, укоряла, что он ее забыл, рассказывала про институт и подруг. От ее писем сразу делалось легко и понятно. Но ненадолго. Приходила ночь, раздавался стук в стену, он вскакивал с постели, а в голове сами собой дрожали, звенели слова: «Тасе плохо...» И к тревоге, которую рождали эти слова, примешивалось что-то необъяснимое, от чего он пытался защититься Катинными письмами и работой на электростанции.

Однажды Николай пришел со службы мрачный. На улице текло, от мокрой земли шел пар, и его пенсне в теплой гостиной моментально запотело. Он снял и стал медленно протирать стекла.

— Меня отправляют на военные сборы, — сказал он, беспомощно щурясь. — На два месяца.

Тася накрывала ужин. Услышав новость, она опустила на стул, держа в руках тарелку с супом.

— Куда? — спросила она, немного помолчав.

Николай закончил протирать пенсне и надел его.

— Не знаю.

Он смотрел на жену, боясь пошевелиться и расплескать ту боль, что копилась в нем с обеда, когда он увидел в дверях человека в форме и подумал, что всё... Но это оказался посыльный с повесткой из военкомата. Николай прочел маленький желтый клочок бумажки: «В соответствии... вы обязаны... при себе иметь кружку, ложку, смену белья...» — на секунду облегченно перевел дух, а потом сердце замерло.

— Ничего нельзя сделать? — тихо спросила Тася.

Николай покачал головой. Пойти и попробовать договориться? Но что он скажет? Что у него молодая жена, которую он любит больше жизни, но с которой ни разу не был по-настоящему близок, хотя они и женаты уже два месяца? Ни один мужчина не посмел бы в этом признаться. «За что ты наказываешь меня, Господи?» — думал Николай, отвернувшись к окну, чтобы Тася не видела его лица.

Назавтра к шести утра он должен был явиться к военкомату.

Они отужинали в последний раз втроем. Тася и Костя молчали, говорил в основном Николай. Почему-то он начал вспоминать разные смешные истории из детства, которое отлично помнил. В пять лет он был хорошенький, кудрявый, с большими голубыми глазами. Как-то раз его отправили в кондитерскую за пирожными, и важный пожилой кондитер сказал, ласково улыбувшись: «Какая славная девочка! Чего ты хочешь?» Он вернулся домой в слезах, и от него никак не могли добиться, кто же его обидел. А однажды родители взяли его с собой в гости.

Было Рождество, с елки снимали игрушки и дарили детям. Он присмотрел себе замечательную лошадку, но ее хотели отдать другому мальчику, тогда он схватил лошадку и так долго и требовательно ревел, что лошадку отдали ему...

Николай смеялся, поминутно обращался то к Тасе, то к Косте, как бы приглашая посмеяться и их. Тася с готовностью отвечала растерянной улыбкой. Костя же почти не слушал. Неожиданная новость оглушила его. Ему было неловко смотреть в глаза Николаю. Что ему делать, если ночью ей опять станет плохо? Он изо всех сил пытался представить Ленинград, свой дом, отца в гостиной, Катю... Занимается ли она сейчас в библиотеке, сидит у подруги или читает, усевшись в углу дивана? Но все эти правильные мысли вытеснялись другими, которые рождались в неизвестной для него самой части его сознания: они останутся с Тасей вдвоем жить в этой квартире. Одни... Он чувствовал, что раздваивается, при этом одна его половина хотела немедленно что-то поменять, в то же время другая половина ничего менять не хотела, шепотом уговаривая: «Пусть все идет так, как идет... Это судьба... Ты все равно ничего не исправишь...» Он все-таки попробовал заглушить эту вторую половину, подождал, когда Тася ушла на кухню мыть посуду, и спросил Николая, не стоит ли ему съехать с квартиры и перебраться куда-нибудь в другое место? Временно, пока Николая не будет.

Николай задумчиво катал по скатерти хлебные крошки. В ответ он только махнул рукой:

— Не придумывай. Ты останешься у нас...

— А Тася? Может, лучше нанять ей сиделку или медсестру...

— Нет, — сказал Николай и поднялся из-за стола. — Никого не нужно.

Они рано легли спать. На улице было тепло, но печь по еще зимней привычке натопили жарко. В комнате было душно. Промучившись два часа, Николай на цыпочках, стараясь не разбудить Тасю, прошел на веранду. Не было видно ни звезд, ни луны и только слышно было, как в темноте по стеклянным стенам бежали невидимые ручьи.

«Я уезжаю, — стучало у него в виске. — Я уезжаю. Господи, научи, как мне прожить эти два месяца!»

Он вернулся в комнату и долго смотрел на спящую Тасю. Она откинула одеяло, голое влажное плечо чуть розовело, а в темной, почти совсем открытой ложбинке между грудями блестел маленький крестик. Подчиняясь так и не утоленному желанию, он протянул руку к ее раскинутым по подушке волосам и нежно провел по ним мокрой ладонью. Потом сел рядом. «Я не хочу от нее уезжать! И ради чего? Все равно рано или поздно они до меня доберутся. Наверное, я эгоист, мне нельзя было жениться... Подвергать другого человека такому же риску... Нет-нет, это нечестно. Ведь она даже ни о чем не догадывается...» Мысли кружились у него в голове, а рука сама собой опустилась с волос на ее руку, пальцы осторожно гладили нежную кожу, и жадное тупое желание уже овладевало им. «Два месяца!» — стучало в правом виске. «Два месяца!» — эхом отдавалось

в левом. Он вдруг страстно обхватил ее за плечи и обнял, уткнувшись лицом в ее грудь. Она испуганно вскрикнула, рука непроизвольно вытянулась вперед, словно защищаясь, и ударила его по щеке. Он очнулся. Облизал губы, приходя в себя. Тася посмотрела на него невидящим взглядом, но, к счастью, не проснулась. Он еще долго сидел возле нее, боясь пошевелиться и стараясь унять бешено стучащее сердце.

Потом он лег рядом, но заснуть не смог. Рядом неслышно спала Тася, он то и дело поворачивался к ней, смотрел на ее повзрослевшее и серьезное во сне лицо, опять лежал, глядя то в потолок, то на часы, пока стрелки не показали наконец половину шестого.

— Пора, — сказал он и дотронулся до ее руки. Она открыла глаза, благодарно улыбнулась ему, потягиваясь и распрямляясь под одеялом. Николай в последний раз бросил взгляд на ее нежные плечи и стал одеваться.

Через пятнадцать минут они вышли из дому. Под утро подморозило и припорошило, вся дорога была усеяна белыми тарелками — замерзшими лужами. У военкомата уже стояло человек двадцать, ждали машины, которые должны были отвезти на вокзал. Изрядно потолстевшие и уставшие отцы семейств с забытым приятным трепетом смотрели на человека в форме, который держал в руках список с их фамилиями, и рассказывали друг другу разные истории из прошлой войны. Кто-то сказал, что отправляют за двести километров отсюда, в маленькую часть, далеко от ближайшего населенного пункта. Значит, увольнений не будет.

— Давай прощаться, — повернулся Николай к жене.

Подали машины, и люди стали по одному залезать в кузов.

— Ты хоть поцелуй меня, — грустно улыбнулся Николай.

Тася прикоснулась губами к его щеке, стесняясь множества мужских глаз, обращенных к ним.

— Приезжай скорее, я буду ждать тебя, — быстро прошептала она.

Николай вздохнул и пошел к машине. Человек в форме скомандовал, машины фыркнули, взревели и двинулись по улицам, ломая белые тарелки и оставляя за собой черные мокрые колени.

VII.

Прошла неделя. Костя получил еще три письма от Кати. На своих письмах она всегда рисовала внизу что-нибудь по-детски трогательное и смешное: два соединенных сердца, грустную рожицу или высунутый язычок. Но почему-то ему было горько и стыдно смотреть на эти рисунки, как будто он обидел ни в чем не повинного ребенка.

Два раза он ответил: очень коротко, на полстранички.

«У меня все хорошо, — писал он, — спокойно. Работаю с восьми до четырех, потом иду домой вдоль реки и смотрю, как сходит лед. Почти совсем весна. Грязи, кажется, стало еще больше. Весь город — одна большая лужа. Кстати, здесь, оказывается, жил Достоевский. Мне сказали, что есть его музей, но я пока туда не добрался. Дома хозяйка кормятужи-

ном, и мы расходимся по своим комнатам. Вот, собственно, и все. Больше рассказывать нечего».

Первую ночь после отъезда Николая он долго лежал и прислушивался к шорохам за стеной: вот она подходит к кровати, вот раздевается, вот ложится и укрывается одеялом... Потом все-таки уснул, но несколько раз просыпался и опять слушал, нет ли каких-нибудь звуков за стеной. Но все было тихо. Точно так же боялся заснуть и во вторую, и в третью ночь: а вдруг не услышит, как она будет звать на помощь. Однако никто не стучал, усталость брала свое, глаза сами собой закрывались. Наутро, едва проснувшись, начинал жадно прислушиваться к шорохам в соседней комнате: вот она встает, вот одевается... Отчего-то делалось легко и весело, хотелось без конца улыбаться, петь, открыть нараспашку все окна. Улыбаясь, он умывался и шел поскорее увидеть ее и пожелать доброго утра.

Тася нисколько не изменилась. Точно так же убирала, мыла, готовила весь день, словно Николай по-прежнему был в городе и должен был прийти к шести часам со службы ужинать. И Костя иногда ловил себя на мысли, что вот сейчас скрипнет дверь, на пороге появится Николай, смущенно поглаживая макушку, его глаза за стеклышками золотого пенсне, не отрываясь, смотрят на Тасю... Но Николай не приходил, и постепенно Косте стало казаться, что они уже много лет живут с Тасей вдвоем, одни, и что больше никого нет и не будет...

Через неделю, поздно вечером, когда он лежал, глядя в темный потолок и прислушиваясь, вдруг раздался стук. Стучали, казалось, отовсюду. Он выглянул в окно: по улице бегали полуодетые люди с тюками и с детьми и кричали:

— Пожар!.. Пожар!..

Лаяли собаки, плакали дети. Кровавые отблески плясали по стенам домов. Было светло как днем. Тася уже стояла в гостиной, бледная, с широко раскрытыми глазами.

— Что делать? — спросила она, сердито глядя на Костю. — Ведь надо же что-то делать!

Огонь был так силен, что в домах напротив уже проваливались внутрь крыши, к черному небу взлетали снопы искр. Горели дома и на их стороне, из соседнего дома выбежала старуха с геранью в большом горшке и с белой кошечкой, следом за нею одноногий старик без костыля, смешно и некрасиво подпрыгивая, выбрался за калитку и с облегчением переводил дух. Только их дом почему-то щадил огонь. Вдруг Тася вскрикнула: в толпе появился Николай. Его лицо было сильно обожжено, правый рукав разорван и в крови. Он был без пенсне. В руках у него было ведро с водой. Он что-то кричал, словно пытался образумить людей. Но охваченная паникой толпа не слышала его и разбежалась прочь...

Костя поднял голову от подушки. Не понимая, уставился в окно. Над крышей дома напротив висела луна. Было тихо. Из соседней комнаты снова осторожно постучали. «Тасе плохо», — пронеслось в голове, сказанное чьим-то знакомым голосом, он не мог вспомнить чьим. Он наспех

оделся, пробежал через гостиную и распахнул дверь ее спальни, забыв постучать. И, пораженный, замер.

Тася лежала на кровати, румяная, в розовой кружевной сорочке с длинными рукавами. Лукаво улыбнувшись, она показала на дальний край кровати и сказала:

— Садись.

Костя растерянно опустился на кровать у ее ног.

— Не спишь, — пожаловалась она. — Такая яркая луна. Должно быть, полнолуние... — И неожиданно спросила: — А в Петербурге ты в какой гимназии учился?

— На Лиговской, — машинально ответил Костя. — Потом ее стали называть школой номер двадцать семь имени Парижских коммунаров.

— А я в Институте благородных девиц, — гордо сказала она. — У нас была одна девочка по фамилии Соколова с большим, как у Бабы Яги, носом. Представляешь?.. Ее, бедную, все так и дразнили: Баба Яга... А у вас было что-нибудь смешное?

— Наверное...

— Ну, пожалуйста, вспомни!

От неожиданности ничего не приходило в голову. Была, правда, в гимназии одна история... Когда он родился, мать сказала отцу:

— Хватит с тебя старшего. Этот мой будет, — и крестила по католическому обряду.

Потом его отдали в ту самую гимназию, где уже учился Анатолий, и через месяц отца вызвал директор.

— Безобразие творится у вас в семье! — сердито сказал он. — Старший брат катехизис учит, а младшего батюшка вместе с жидами за дверь выгоняет... Вы же приличная семья. Немедленно крестить!

Всю гимназию собрали в парадной зале, его раздели до одних подштанников и на глазах хихикающих гимназистов, бледного, трясущегося от холода и стыда, крестили...

Поговорили еще о гимназии, о старом Петербурге, который Тася уже плохо помнила. Она совсем не представляла, каким он стал сейчас. Ей было все интересно, и Костя старался рассказывать как можно подробнее, как выглядят улицы, магазины, во что одеваются дамы, каким стал Летний сад и Эрмитаж...

— Тебе же утром на работу, — вдруг спохватилась она. — Иди-ка ты спать, а то мы завтра весь город оставим без света!

И Костя ушел к себе. Он долго не мог уснуть, лежал и улыбался в темноте, сам не зная почему.

Она постучала и на следующую ночь. И потом каждую ночь, словно между ними существовал уговор, им обоим известный, но вслух не произнесенный, он ждал, уже не раздеваясь, условного стука; дождавшись короткого, требовательного, легкого «тук-тук», шел к ней и садился на постель, куда она ему указывала, с каждым разом все ближе. Их разговоры делались все продолжительнее. Один раз ему не удалось заснуть

вовсе, и он с трудом высидел смену, а приборы, стрелки, температуры и давления сливались у него в глазах в яркий цветной веер.

Постепенно она рассказала свою историю. Так же, как у Кости, ее мать умерла очень рано. Отец был полковником, служил в Генштабе, дом их находился на Васильевском острове. В четырнадцатом году отец отдал ее в закрытое учебное заведение для благородных девиц и ушел добровольно из Генштаба на германскую войну. Несколько лет они не виделись, изредка приходили письма. Он был ранен, награжден, снова ранен. В октябре семнадцатого часть занятий прекратилась, многие учителя исчезли; немногие воспитанницы, еще остававшиеся в пансионе, испуганно прислушивались к реву пьяной толпы на улицах, грабившей винные погреба. В январе восемнадцатого года неожиданно появился отец, он был в штатском, без бороды, с совершенно белыми висками и тонким розовым шрамом на шее. Он увез ее в тихую Старую Руссу, где жила его дальняя родственница, и на следующий же день уехал. Погиб ли он, находился ли в эмиграции, Тася не знала. Родственница оказалась вечно больной, вечно жалующейся бездетной старухой. В первый же вечер она до смерти напугала девочку. Глядя на нее немигающими, желтыми, как у кошки, глазами, она объявила зловеющим шепотом, что через месяц умрет. Несколько лет после этого Тася мыла, стирала, убирала за ней, как простая служанка, а не воспитанница Института благородных девиц, в вечном страхе, что старуха вот-вот помрет и оставит ее совершенно одну. Но годы шли, старуха по-прежнему охала, целыми днями лежала, готовясь к смерти, раз в месяц брала клюку и ходила получать пенсию за покойного мужа, однако не умирала. Ее дом был заставлен распятиями, иконами, но по болезни старуха не могла подолгу стоять перед иконами и соблюдать постов. Она заставляла молиться Тасю.

— Каждый день молись, чтобы я не умерла, — говорила она, и ее желтые глаза покрывались слезливым туманом.

Тася молилась и вполне искренне желала старухе не умирать, но еще сильнее она молилась, чтобы наконец-то приехал отец и увез ее обратно в Петербург. В последние два года в голове у старухи вдруг родилась новая жуткая мысль, особенно пугавшая ее по ночам, когда она лежала, боясь уснуть, и слушала, не едут ли за ней чекисты. «А ну как дознаются, что Настька — дочь царского полковника?» — думала она. В памяти всплывали еще не забытые разговоры об обысках, расстрелах, ссылках на далекий Север. Несмотря на жалобы и многолетнюю готовность умереть, на Соловки старуха ехать не хотела. И тут появился Николай. Он был солиден и по-старинному благочинно просил у старухи руки ее воспитанницы. Жаль было, конечно, терять бесплатную прислугу, но она была так счастлива избавиться от опасной родственницы, что немедленно выздоровела: лицо ее зарумянилось и стало как будто моложе. Охая и причитая, она заковыляла с клюкой по дому и пару раз при Николае даже назвала Тасю доченькой...

По молчаливому согласию они избегали говорить о Николае. Но однажды, когда Костя сидел уже совсем близко от нее, она вдруг сама ска-

зала, что не любит мужа. Жизнь у старухи была так мучительна, такую тягость вызывали немигающие желтые глаза, вечные разговоры о смерти, бесчисленные иконы и распятия, что она не раздумывая бросилась к первому же человеку, который увел ее из старухино дома.

— Ты себе не представляешь, — говорила она, — что я терпела, сколько ночей не спала, боялась, что она умрет. Я больше всего боялась именно этого: она умирает, и я одна во всем доме наедине с нею мертвой... Я бы ни за что не подошла к ней... и вообще, не знаю, что бы я сделала... О том, что будет со мной после, я почти не думала.

Костя не успел даже понять, что происходит, как его губы уже коснулись ее щеки. Она замерла на полуслове, испуганно глядя на него, потом обхватила ладонями его голову и поцеловала в губы. Он ответил ей с давно сдерживаемой страстью. Его ладонь легла на ее теплую мягкую спину, и он поразился, какая она тоненькая: он мог бы обхватить ее пальцами одной руки. Воздух в комнате сделался горячим, как в пустыне, стало невозможно дышать. Все, что копилось в нем эти дни помимо его воли, с той самой минуты, как она подала ему руку в прихожей, улыбнулась и сказала: «Тася», — вдруг взорвалось внутри него, и могучая волна, с которой не было ни сил, ни желания бороться, кинула его к ней. Он стал осыпать поцелуями ее лицо, шею, руки, что-то шептать, не слыша своего голоса и не понимая слов, которые ей шептал.

— Нет! — Вдруг ее руки сильно толкнули его в грудь. — Нет! — закричала она. — Это гадко! Мерзко, грязно! Как ты можешь?..

Он опомнился. На лбу выступил пот, он сел туда же, где сидел несколько минут назад.

— Уходи в свою комнату, — говорила она быстрым шепотом, словно кто-то мог их услышать. — Сейчас же. Это больше никогда не повторится. Мы просто сошли с ума на секунду... Но это не для нас. Пойми, я не могу как другие: я не смогу скрыть это от Николая. В нем все сломается. Ты не знаешь, как он меня любит. А твоя невеста? Нет, нет, уходи, пожалуйста, прошу тебя — уходи...

Костя встал и, шатаясь, пошел к себе. Взгляд, не останавливаясь, переходил то на белые простыни на диване, то на умывальник с бронзовыми завитушками, то на письменный стол под прожженным зеленым сукном. Он смотрел на знакомые вещи так, словно не видел их целый год, и больше всего хотел, чтобы никакого Николая никогда не было на свете.

Между тем за окном начинало светать. Пора было идти на смену. В голове было пусто. Сердце скорбно молчало. Он принялся одеваться, машинально застегнул пуговицы. И тут услышал, как на лестнице к ним постучали. Он услышал легкие Тасины шаги, короткий гул голосов, затем по коридору раздался звонкий цокот чьих-то сапог и скрип кожи. «Николай?» — вдруг оборвалось у него в груди.

Дверь открылась. Сначала он увидел неподвижные Тасины глаза и только потом, позади нее, высокого, затянутого ремнями чекиста в фуражке.

VIII.

Следователю было лет тридцать пять. Вопреки ожиданиям Кости, наслышанного о том, что в карательные органы не берут людей с сомнительным происхождением, он не был похож ни на рабочего, ни на бедняка из деревни. Умное, интеллигентное лицо, культурная речь человека, получившего когда-то классическое образование, манеры, жесты — все говорило о том, что его прошлая жизнь сильно отличалась от сегодняшней. Пока он записывал неизбежные формальные данные — фамилию, год рождения, образование, партийность, Костя с невольным любопытством оглядывал один из кабинетов страшного учреждения, в котором он так неожиданно оказался.

Местное ОГПУ занимало небольшой дом на боковой улице. В нем было два коридора, несколько дверей без табличек. У дальней стены начиналась узенькая каменная лестница в подвал. Комната была серой и вполне обыкновенной: стол, два стула, шкаф, вешалка, на которой висела шинель и фуражка следователя.

Никакого испуга Костя не чувствовал: все случилось так быстро, что он просто не успел испугаться. Лишь по мере того, как проходило возбуждение этого утра, он начал невольно задумываться о причине, по которой его сюда привезли.

Следователь закончил писать и отложил ручку. Он закурил, откинулся на спинку стула и стал в упор смотреть на Костю.

— Да, молодой человек, — сказал он, с наслаждением затягиваясь, — хорошенько вы влипли. И что вам не жилось спокойно? Учились бы себе на здоровье, женились бы, нарожали бы кучу детей. А что теперь с вами делать, а?

Костя пожал плечами. Да и что он мог ответить?

— За подобные дела дают десять лет без права переписки. Знаете, что это такое? Нет? Ваше счастье... Я бы никому не советовал это узнать...

— В чем меня обвиняют? — Костя наконец не выдержал этой непонятной игры и спросил первым.

Следователь ласково улыбнулся:

— В контрреволюционной пропаганде, конечно. У нас всех в этом обвиняют. За другое людей в семь утра не берут и в ОГПУ не возят.

Похоже, ему доставляло удовольствие оттягивать минуту, когда он раскроет карты и назовет Костино преступление.

— Ну хорошо... Раз вы такой нетерпеливый, перейдем к делу.

Он сделал небольшую паузу, открыл папку, как бы желая что-то уточнить, и вдруг резким, жестким голосом спросил, почти выкрикнул:

— Студента Рожкова знаете?!

— Да, — не задумываясь ответил Костя.

— Дома у него бывали?! — продолжал следователь тем же резким и жестким голосом.

— Бывал. Один раз...

— Причины?

— Заходил взять конспект лекции по радиоделу.

— Ай-я-яй! — расстроился следователь. — Нехорошо врать, товарищ... или, вернее, господин студент. Вы думаете, мы не знаем, что вы помогали Рожкову в организации контрреволюционной троцкистской группы? У нас имеются неопровержимые свидетельства того, что вы часто бывали у Рожкова дома, составляли прокламации, распространяли их у вас в институте и подстрекали выйти на демонстрацию седьмого ноября прошлого года других студентов.

Костя опешил. Обвинения были убийственны. Он почувствовал холодок в животе и дрожь в пальцах и поторопился спрятать их, сжав крепко обе руки вместе.

— Это неправда, — выдавил он из себя. — Никогда ничем подобным я не занимался. И... меня не было на демонстрации!

Он на самом деле не ходил, но, конечно, слышал про печально знаменитую демонстрацию 7 ноября 1927 года. Тысячи людей вышли с лозунгами в поддержку Троцкого, бывшего лидера большевиков. Переодетые дружинники разогнали демонстрацию палками и обрезками труб.

— Нет, занимались! — закричал следователь. — В доме у Рожкова бывали, отвечайте?

— Да... Но только один раз, брал конспект лекции, я же уже говорил.

— Нет, вы бывали там часто. Вы писали прокламации...

— Не писал я никаких прокламаций, это неправда.

— Если бы вы ничего не писали, жили бы себе спокойно, как простой советский студент, с какой стати наши ленинградские органы бы вами заинтересовались, а? Вы ведь даже не член молодежного союза. Вот ваша характеристика из комсомольской ячейки вашего института: «Пассивен, участия не принимал... политической жизнью страны интересовался мало...» Видите? В институте вас давно раскусили!

Косте вдруг сделалось так омерзительно лицо человека напротив, его тонкий нос, пышные усы, которыми он, наверное, очень гордится, его уже начавший оголяться лоб, что испуг прошел. Все это напоминало скорее грубый балаган, чем реальность. Будто он сидит в зрительном зале и смотрит глупую, ничтожную пьеску. Вот только встать и уйти и не смотреть эту мерзость он не может.

Впоследствии много раз в течение своей долгой жизни Константину Ивановичу Воронову приходилось сталкиваться с представителями карательных органов и политработниками. Подобных допросов потом было немало. И в тридцатых годах, когда Анатолия арестовали и репрессировали вместе с племянником Крупской. И во время войны, когда он демонстративно не выполнял приказа не брать пленных и офицер особого отдела ходил вокруг него кругами, как коршун вокруг добычи. Но когда это случилось в первый раз в Старой Руссе, у него еще не было опыта общения с людьми, считавшими себя особой, священной кастой страны.

Долго и нудно допрашивал его следователь. Он то отступал, начинал ласково улыбаться, заигрывал, интересовался, что они изучают в институте и есть ли там хорошенькие девушки. То вдруг срывался на крик, вскакивал, и его глаза одевались в ледяную чешую. Он требовал немедленного признания во всем: когда, где и с кем занимался контрреволюцией, хотел знать фамилии и адреса всех, кого они привлекли в свою троцкистскую организацию. Костя молчал или отвечал односложно. Медленно тянулись часы. Иногда следователь выходил, тогда вместо него за стол усаживался молодой, моложе Кости, парнишка с круглым веснушчатым лицом, похожий на Рожкова, и грозно смотрел на него, поигрывая ладонью на кобуре. Потом следователь возвращался, и все продолжалось по тому же выматывающему кругу: состоял или не состоял, писал или не писал, участвовал или не участвовал...

«Что же все-таки случилось с Рожковым? — думал Костя. — Неужели та женщина оказалась права? Невероятно...»

Как бы в подтверждение его мыслей, следователь сам заговорил про Рожкова — видимо, хотел припугнуть.

— А приятель ваш отдыхает, — махнул он небрежно рукой. — В палате для буйнопомешанных. Экспертиза признала его невменяемым. Легко отделался, гад! Но не надейтесь: у вас этот номер не пройдет. Получите свои десять лет — и поедете канал рыть. Или завод строить: стране нужны рабочие руки.

Под вечер, видя, что результата нет, следователь сменил тактику. Он вдруг устало откинулся на стуле и сочувственно посмотрел на Костю:

— Что, устал? Я, брат, тоже. Легко, думаешь, тут работать? Я ведь такой же потомственный русский интеллигент, как и ты. Мой отец был издателем. Бартеньев его фамилия, не слыхал? Известный, между прочим, был издатель: Толстого, Чехова публиковал, народ просвещал. А теперь мне приходится исправлять последствия его работы. Народ — дурак. Стадо, которое нужно не просвещать, не гладить по головке: ах ты, мой хороший, ах ты, мой страдалец вшивенький, — а вести железной рукой куда следует. Николашка был мягок, как баба, вот народ его и сбросил. Большевики — единственная сила, которая может этим народом управлять.

Он вдруг придвинулся к Косте и совершенно по-дружески похлопал по руке. Оглядываясь на дверь, зашептал интимно:

— Ты молодец. Хорошо держишься. Большинство тут же скисают и начинают нести что надо и что не надо. И про родную мать с отцом, и про жену с детьми — всё рассказывают. А ты не такой. Честное слово, я даже проникся к тебе симпатией. Поэтому искренне советую: подумай о себе. Тебе нужно изменить свой образ мыслей. По секрету скажу: в стране идет война, враги не сдались, а лишь затаились на время. Мы их все равно переловим, но с такими мыслями, как у тебя, выжить будет очень сложно.

Он откинулся обратно на стул и опять заговорил официально:

— Вижу, вы всё поняли. Ответили вы на все вопросы вполне удовлетворительно и сейчас пойдете домой.

Он наклонился к столу, что-то записывая, и вдруг как бы невзначай спросил равнодушным голосом:

- А что за человек ваш хозяин, Николай?
- Бухгалтер, — пожал плечами Костя.
- Вы ничего подозрительного за ним не замечали?

Костя уже было собрался искренне ответить «нет», как понял, что его подлавливают. Если он скажет «нет», то это будет означать: он понимает, что для них, органов, является подозрительным, и смотрит на людей теми же глазами, что и следователь. Это первый шаг к тому, чтобы стать одним из них.

Следователь поднял на него красные глаза. Было уже поздно, и он на самом деле устал и хотел домой, к жене и дочке, маленькому беспомощному созданию, которому недавно исполнился годик. Он очень любил купать ее сам и никому не уступал этой своей восхитительной обязанности.

— Ладно, — сказал он уже почти домашним тоном. — Подпишите вот здесь... и можете идти.

Он положил перед Костей бумажку и ручку. Тот машинально взял ручку, чтобы скорее подписать и наконец-то уйти. Неужели это все случилось сегодня утром? Слово целая жизнь уже прошла в маленьком кабинете следователя... И остановился.

— Вас что-то не устраивает? — раздраженно спросил следователь.

— Вот эти слова, — сказал Костя. — «Обязуюсь информировать органы безопасности в случае...» — и так далее. Я не буду это подписывать.

— Как не будете? — вскочил следователь. — Тогда ты вообще отсюда никогда не выйдешь!

— И все равно не подпишу.

Еще ни разу в жизни ему не приходилось выдерживать ночных допросов, к тому же сразу после дневного, и он устал гораздо больше, чем опытный, ко всему привыкший следователь. Но было в этой серенькой невзрачной бумажке то, через что он не мог перешагнуть.

Следователь глядел на него с изумлением и, похоже, такого не ожидал. Крохотное создание с бархатистой кожей и теплая ванночка уплывали куда-то в далекий завтрашний день. «Ну что же, хорошо, студент, — подумал он. — Держись у меня!» И снова раскрыл папку.

Они просидели всю ночь. Те же самые вопросы про троцкистскую организацию, состоял или не состоял, писал или не писал, участвовал или не участвовал... Следователь грозил, кричал, уговаривал, доказывал и снова угрожал. Под утро в кабинете стало нечем дышать: над столом, возле вешалки, у окна — повсюду висел серый табачный дым. Следователь охрип. Костя едва не падал со стула от усталости; смутно, сквозь слипающиеся веки он видел тонкий нос, поникшие пожелтевшие усы и мокрый лоб человека в форме. Что-то изменилось в их отношениях. Костя уже не испытывал к нему омерзения или ненависти, да и следователь больше не играл, не менял ролей, а смотрел на Костю взглядом, в котором порой мелькало нечто, отдаленно напоминавшее уважение.

Когда первый дневной лучик пробрался между решетками на окне и с трудом пробил плотное табачное облако, следовательно взял пропуск и подписал его.

— Идите, — сказал он и вяло махнул рукой. — И все-таки подумайте про свой образ мыслей. В этот раз вам повезло: вы вовремя уехали. Но если вы не переменитесь, то, поверьте мне, в следующий раз вы и в самом деле попадете на Соловки.

IX.

Выйдя с подписанным пропуском в коридор, он вынужден был приклониться к стене и постоять так несколько минут. От долгого сидения на неудобном казенном стуле его тело было как бумажное: его можно было смять и выбросить в мусорное ведро. Мысли и чувства остались за дверью, которую он только что закрыл. Он вспомнил, что не ел с позавчерашнего вечера, и вдруг страшно захотел есть. А потом спать — и чтобы не просыпаться хотя бы неделю. Он прошел мимо охранника на улицу и закрыл глаза, испугавшись яркого солнца. А когда снова открыл, то решил, что уже спит: на противоположной стороне улицы стояла Тася. Увидев его, она бросилась к нему.

— Все, да?.. Тебя отпустили совсем?.. Да? — сбивчиво спрашивала она, с радостью и тревогой заглядывая в его измученное лицо.

Костя с трудом улыбнулся:

— Да... Кажется...

Она обрадовалась, схватила его за руку:

— Ну пойдем скорее. Господи, да ты же еле стоишь на ногах! Тебя всего прокурили...

Она было повела его домой, но Костя вспомнил, что надо зайти на станцию, у него же рабочий день. Повернули налево и пошли в другую сторону.

Тася ни о чем не спрашивала. Сказала только, что вчера весь день продежурила у подъезда, познакомилась с охранником. Тот отнесся к ней с сочувствием, несколько раз ходил узнавать, но возвращался все с одним и тем же неутешительным известием: «Нет... Еще сидят... Не закончили...»

Постепенно Костя оживал. Свежий весенний воздух наполнял прокуренные легкие, яркое солнце разглаживало лицо, а Тасина рука, лежавшая в его ладони, все время заставляла что-то вспомнить, что-то очень хорошее, но случившееся так давно. Вскоре он вновь почувствовал собственное тело, и оно больше не казалось бумажным и ломким. Даже спать на какой-то миг расхотелось. Он вдруг начал рассказывать про Антонину и про ее странное предсказание, про Рожкова, чуть было не утянувшего его с собой в палату сумасшедшего дома или на Соловки. Она слушала его молча, лишь иногда порывисто сжимала его руку.

«Она все это время провела здесь! — вдруг дошло наконец до него. — Ждала, волновалась... Значит, она... Нет, этого не может быть!» — уговаривал он сам себя, но где-то в глубине души уже понимал,

что — да, правда, ради него она простояла здесь весь день вчера и ради него пришла сюда рано утром. Он забыл многочасовой допрос, угрозы, крики. Еще немного — и он вернулся бы в кабинет следователя и расцеловал бы его как брата.

При виде Кости Теплов смешался, опустил глаза и как-то неопределенно протянул:

— Да-а... Такая вот история.

Он уже, оказывается, знал, где Костя провел последние сутки, и почему-то стал обращаться к нему на «вы». Косте было все равно: он был рад, что ничего не нужно объяснять, и только спросил, можно ли ему сегодня отдохнуть — не спал всю ночь.

Не глядя на него, Теплов сказал, что по новому графику работы ему так и так полагается отдых.

— Директор приказал поставить вас в ночную смену, — пояснил он, перекладывая на столе какие-то чертежи. — Вот и приказ уже подписан...

— Но почему? — не понял Костя. — Я же ни в чем не виноват!

— Все это прекрасно понимают, — грустно объяснил Теплов. Косте показалось, что за тот день, пока они не виделись, у Теплова на лице стало еще больше морщин. — Иначе бы тебя... вас не выпустили... В общем, идите, отдыхайте, а с девяти часов заступите на место помощника начальника ночной смены.

Он посмотрел наконец на Костю и добавил:

— Так будет лучше всем... А вам — в первую очередь.

Дома, когда Тася поставила перед ним большую полную тарелку борща и он жадно принялся есть, они ни о чем больше не говорили и не вспоминали. Она села напротив и смотрела, как он, обжигаясь, глотает красную дымящуюся жидкость, кусает хлеб, и незаметно вытирала катившиеся из глаз слезы. После борща он съел еще половину курицы и вдруг захотел спать. Страшное напряжение последних двух суток наконец прошло, по телу разлилось приятное тепло. Он добрал до своей комнаты, с трудом заставил себя раздеться, и все в один миг куда-то провалилось; он заскользил вниз по черной горке на странных розовых санях, закричал не то от страха, не то от восторга, а внизу стоял следователь под руку с Николаем, поглаживал свой голый блестящий лоб, смеялся и показывал на Костю пальцем...

Тася разбудила его вечером, постучав в дверь и спросив, что он будет на ужин. Костя вновь был голоден, как после допроса, и доел борщ и курицу.

Они ни словом не обмолвились о том, что было позапрошлой ночью до прихода чекиста. Они все помнили, но молчали, не зная еще, как отнесется к этому судьба, и словно прислушивались к себе и друг к другу, боясь пропустить, не расслышать ее приговора.

Он ушел, а она осталась на крыльце дома и смотрела ему вслед. Несколько раз он оглянулся: она все стояла. Он махнул рукой, улыбнулся, боясь, что улыбка не передаст ей всего, что происходит у него в душе; и

она смущенно улыбнулась в ответ, что-то крикнула, но он не расслышал. Она засмеялась и ушла обратно в дом.

Было уже, наверное, часов двенадцать, когда к Косте подошел один из служащих:

— Там ваша пришла...

Костя не понял.

— Ну... ваша жена, — пояснил служащий. — Пойдите и сами посмотрите. — И добавил с нескрываемой завистью: — К нам-то, небось, никто не приходит... Эх, молодежь, молодежь!

Уже догадываясь, но еще не веря, Костя быстро спустился вниз к проходной. Тася стояла, держа в руках большую сумку.

— Я принесла тебе поесть, — просто сказала она. — Не будешь же ты сидеть голодным всю ночь...

Они поглядели друг на друга и, оглядываясь, точно два заговорщика, прошли к стоящему в углу зала маленькому столику, где все обычно обедали. Она протерла его захваченной для этой цели тряпочкой и аккуратно постелила белую салфетку, потом поставила тарелку, положила ложку и нож с вилкой, достала хлеб.

Пока ее красивые руки легко и изящно накрывали ему ужин, в его голове одна за другой проносились горячие, незаконные мысли: «Жена... ваша жена...» Он понимал, что не имеет права так думать, что так думать нельзя, но, боже, как хорошо, как тепло становилось на душе от этих мыслей! Он ничего не мог с собой поделать.

Он принялся есть, растягивая каждый глоток, ломая хлеб на самые маленькие кусочки.

Так же аккуратно Тася сложила остатки ужина и тарелки обратно в сумку.

— Ну-с, дорогой, — важно сказала она, поднимаясь. — Я жду тебя утром. Смотри не задерживайся.

И они снова засмеялись, легко и счастливо.

Она стала приходиться к нему каждую ночь. На станции к ней привыкли и так и звали: «Ваша идет... Ваша жена пришла...» И каждый раз, когда он это слышал, сердце начинало радостно колотиться и он думал, что никакой другой жены ему не надо.

Он возвращался домой в шестом часу утра. Тася еще спала. На столе в гостиной его всегда ждал накрытый салфеткой завтрак. Иногда Тася оставляла маленькую записочку с какой-нибудь забавной фразой. Ей нравилось разыгрывать роль строгой ревнивой жены.

Днем, после того как он отсыпался, они шли гулять. Уже наступил апрель, и солнце все дольше не уходило за левый берег Полисти. Последние грязные льдины река давно унесла на север, в озеро с летописным названием Ильмень. Голодные чайки носились над водой, злорадным криком поминая ушедшую зиму. Канавы высохли, первые зеленые листочки появились на деревьях в садах, и многочисленные беседки в них больше не казались чьей-то глупой прихотью.

Как-то в субботу они встретили Алексея. Он шел в компании еще с одним служащим электростанции и двумя очень молоденькими девицами в темных одинаковых юбках и красных беретах.

Заметив Костю, Алексей многозначительно поднял вверх брови и подошел к ним.

— Не представишь ли ты меня своей даме? — спросил он, окинув томным взглядом Тасю, всю ее фигурку от светлых волос до ботинок.

Костя неловко представил их друг другу. Алексей начал нести какой-то пошлый вздор на том глупом языке, на каком говорят с женщинами мужчины, которые любят не одну-единственную женщину, а всех более или менее симпатичных женщин на свете не старше определенного возраста. Тася отвернулась. Костя сказал, что они торопятся, и поспешил увести ее. Он чувствовал, что Алексей смотрит Тасе вслед, даже слышал, как он что-то сказал своим спутникам и все покатились со смеху.

Дома они стали рассматривать Тасин альбом с фотографиями.

— Вот мои родители, — тихо сказала она, указывая на пожелтевшую фотографию на твердом картоне. Мужчина и женщина были сняты сразу после венчания; мужчина был в форме, женщина в пышном белом платье со светлой розой в руке. Тася была очень похожа на нее.

— Мама здесь младше меня, представляешь? А скоро я буду старше, чем когда она умерла... Она была очень добрая, красивая, отец очень любил ее. Так больше и не женился, говорил, что лучше женщины не встретил и никогда не встретит. Она учила меня играть на фортепьяно... Вот видишь, это я маленькая! Правда смешная?..

Большеротая девочка в коротком платьице стояла на стуле, испуганно глядя в фотоаппарат, и, кажется, готова была расплакаться.

Потом она показывала многочисленных бабушек, дедушек, тетюшек, дядюшек, пыталась вспомнить и объяснить, кто чей брат или сестра. Про многих она уже не могла вспомнить ни как их звали, ни какая судьба их постигла.

— Дядя Саша погиб в германскую... тетя Лена, его жена, умерла от тифа... Этих я не помню.. А, вот! Этот мальчик — мой троюродный брат Славик. Когда я была маленькой, мы ходили к ним в гости, но мы почему-то с ним все время дрались. Его наказывали, а меня нет, хотя, если честно, это я первая обычно его задираю...

Из альбома выскользнула и упала на пол небольшая карточка.

Костя нагнулся и поднял ее.

— А кто этот штабс-капитан? — спросил он, разглядывая мужчину в форме, эффектно опиравшегося правой рукой на саблю.

— Это Николай, — ответила Тася, поспешно забирая карточку.

— Разве Николай — офицер? — удивился Костя.

— Да. Бывший. Только он не любит об этом вспоминать. Все время боится чего-то. Но ведь столько лет прошло! Офицеров же было очень много, их давно простили, правда? — с трогательной наивностью спросила она.

Костя был поражен. Бравый офицер с роскошными черными усами, подтянутый, красивый — это и есть Николай? Плешивый, толстеющий, в пенсне и кальсонах с завязочками, ничтожный бухгалтер в маленьком провинциальном городке?!

— Он даже дрался один раз на дуэли, — продолжала Тася. — Его кто-то из товарищей оскорбил, и он его вызвал. Мне так страшно, когда я представляю, как они стрелялись! Это ужасно: минуту назад быть друзьями... и вдруг захотеть убить друг друга!

Она взглянула в последний раз на фотографию бравого штабс-капитана и спрятала обратно в альбом.

* * *

Однажды днем Тася зашла в комнату, когда он спал после дежурства. Окно было открыто, края задернутых занавесок бесшумно взлетали вверх и медленно опадали от порывов весеннего ветра. Он тут же проснулся и приподнялся на кровати.

— Спи, спи, — шепотом сказала она, пристально вглядываясь в него. — Мне тут нужно взять...

Она не успела договорить, что ей нужно взять, как вдруг оказалась совсем близко от него. И когда он протянул руки, то легко обнял ее, и она не оттолкнула и не возмутилась. Он целовал ее мягкие зовущие губы, широко раскрытые глаза, полные испуга, слез и надежды, она стала отвечать, сперва робко, как в первый раз целующаяся девочка, потом все смелее и жарче. Стена, стоявшая между ними, рухнула в один миг. Все словно сорвалось со своих мест и кружилось вокруг огненным хороводом. В ушах стоял звон тысяч колоколов. Ее одежда упала на пол, старый продавленный диван покорно принял и ее легкое тело. Она откинулась на спину и не мешала Косте целовать ее маленькую нежную грудь, узкий живот и стройные, стыдливо сжимавшиеся ноги. Страха больше не было, она забыла те мучительные ночи с мужем и сама хотела, чтобы это скорее произошло. И когда он вошел в нее, это случилось так естественно и легко, что она не почувствовала ни боли, ни тошноты; лишь на секунду ей показалось, что она опять готова потерять сознание, но уже не от отращения, а от счастья.

— Спасибо тебе! — шептала она после ему, пряча лицо на его груди. — Спасибо тебе... Я все время боялась, что я какая-то ненормальная. Не такая, как все... Ты вылечил меня... Спасибо тебе...

Они не выходили из комнаты до самого вечера. Они были счастливы, словно ждали этого дня с тех пор, как родились на свет.

Уже начало смеркаться, закат окрасил комнату розовым пламенем: горели стены, пол и потолок, письменный стол и умывальник. Он вспомнил про электростанцию, взглянул на часы и увидел, что опаздывает. Вскочил и принялся торопливо одеваться, не отрывая взгляда от лежавшей на диване Таси. Ее кожа тоже светилась нежным розовым светом, словно и она вместе со всем, что было в комнате, была охвачена огнем.

Он не удержался и снова бросился к ней, но она оттолкнула его, одновременно удерживая и целуя:

— Нет-нет! Ты сошел с ума. Ты же опоздаешь!

— А ты придешь сегодня?

Она засмеялась:

— Как я могу не прийти? Не будешь же ты сидеть голодным до утра.

Х.

Дни, наполненные счастьем и любовью, побежали один за другим, как маленькие вагончики за большим паровозом. Май стремительно ворвался в их жизнь свежей зеленью и первой грозой. Город смыл зимнюю грязь, пышно заросли канавы, беседки утонули в распутившихся за одну ночь садах. Они бродили по улицам, держась за руки. Один раз им навстречу попался старый доктор. Узнав их издали, он сконфуженно отвернулся, делая вид, что разглядывает глухой серый забор, и торопливо прошаркал мимо. Они слышали невнятное бормотание и непонятные еврейские слова и тут же забыли про него.

Тася совсем переселилась к Косте. В соседнюю комнату, где повсюду лежали вещи Николая, она старалась не заходить.

Однажды, когда они лежали, обнявшись на узком продавленном диване, Тася спросила:

— Тебя в детстве не учили играть на фортепьяно?

— Учили, — вздохнул Костя. — Но меня больше тянуло ко всяким машинам и механизмам.

— Ну и что! — радостно воскликнула Тася. — Я все смотрю, смотрю на этот инструмент в углу и почему-то не решаюсь тебя спросить... Наверное, это смешно, да? Я так давно не прикасалась к клавишам... Как ты думаешь, на нем еще можно играть?

Забыв одеться, они оттащили фортепьяно от стены, куда оно было повернуто клавиатурой. Тася откинула крышку. Скованные долгим бездействием пальцы пробежали по клавишам, вспоминая забытую свободу, и старый инструмент, словно обрадованный, что свобода пришла и для него, с важной гордостью отозвался немного расстроеным, но вполне приличным звуком.

— Садись рядом, — сказала Тася, радостно смеясь. — Давай сыграем что-нибудь вместе.

У них долго ничего не получалось. Костя не помнил, когда играл в последний раз, Тася шутливо сердилась на него и подсказывала, поправляя ему пальцы. Ее голое плечо касалось его плеча, распушенные волосы щекотали горячую кожу. И ему страшно хотелось обнять ее, как будто он не обнимал и не целовал ее уже целую вечность. Но вдруг они почувствовали, что их руки теперь принадлежат одному человеку и словно исчезли вовсе; музыка тихонько зазвучала сама по себе. Сначала внутри них, а потом, будто в насмешку над неумелыми пианистами и их дряхлым инструментом, она вздохнула, вырвалась и расплескалась по комнате.

Это длилось одно короткое мгновение, затем Костя снова запутался в аккордах для левой руки и отошел от фортепьяно.

— Ну что же ты?! — весело спросила Тася. — Испугался?

Но Костя лег обратно на диван и уже не думал о музыке. Он смотрел на ее спину, на маленькую родинку под левой лопаткой. Теперь она пыталась вспомнить какую-то грустную мелодию и медленно, по очереди нажимала клавиши, склонив набок голову и наморщив лоб. Видимо, ей стало холодно, она протянула руку и накинула халат. Снова начала пробовать. Струны древнего инструмента издавали печальные одинокие звуки.

Всю последнюю неделю его не покидала тревога. Во время долгих ночных дежурств, во время прогулок по почти уже летнему городу и потом, в комнате, целуя и обнимая Тасю, он пытался представить себе, что с ними будет дальше.

Его практика заканчивалась через несколько дней. Вскоре должен был приехать Николай. Катя перестала писать, не получая от него ответных писем: он не мог выжать из себя ни одной фальшивой строчки, а написать правду никак не решался. Перед глазами сразу появлялась ее жалкая фигурка на перроне под окном его купе и потрескавшиеся детские губы. Он не мог написать, что больше не любит ее. А сам не знал уже, любил ли он ее когда по-настоящему. Они выросли вместе и давно привыкли видеть рядом друг друга, как привыкли к этому за много лет их родители, родственники и друзья. Не была ли их любовь обыкновенной детской привычкой, подстрекаемой взрослыми умильными взглядами: ах какие славные дети — вот вырастут скоро, поженятся и будут такой же славной парой...

С Тасей все было по-другому. Он ни разу не задал себе вопроса, любит ли он ее, настолько очевиден был ответ, который он почти месяц скрывал от самого себя. Он никогда не думал, что такое может произойти с ним, и готового решения, что же делать дальше, у него не было. Все чаще и чаще он вспоминал предсказание костромской крестьянки. Она оказалась права, увидев опасность, ему угрожавшую. Значит ли это, что и остальное она отчетливо увидела тогда, в высокой питерской гостиной? Он знал уже то «очень важное», про которое она предупреждала, но ни за что на свете он не хотел его потерять.

— Тася, — сказал он решительно, но голос был глух от волнения. — Тася, стань... моей женой.

Она замерла, и вместе с ней замерла тонкая дребезжащая струна, последняя хрупкая нота взлетела к потолку и пропала. Она низко опустила голову и зачем-то стала застегивать халат, но дрожавшие пальцы никак не попадали в петли.

А Костя, не дожидаясь ответа, начал быстро говорить, что они уедут в Ленинград, снимут квартиру, через два месяца он защитит диплом и станет работать. Они...

— Нет, — внезапно обернулась она к нему мокрым от слез лицом. — Нет, ничего у нас с тобой не будет! Я тоже все время думаю об этом... Скоро приедет Николай. Как я скажу ему?..

— Не нужно ждать Николая! Давай уедем завтра же! Утром мне подпишут все бумаги, мы сложим вещи и уедем.

— Нет... — повторила Тася, выбегая из комнаты. — Это невозможно.

Он пошел вслед за ней в гостиную, стал говорить, что он все понимает, ему самому тяжело, когда он пытается представить, что скажет Кате... Но это случилось, они полюбили друг друга, и прошлая жизнь кончилась, ее больше нет... Она не любит Николая. Надо скорее уезжать отсюда. Конечно, это замечательный город, потому что в нем они познакомились и полюбили... Но разве можно прожить здесь всю жизнь? Изо дня в день ходить по пяти кривым улицам, вдоль покосившихся заборов под лай дворовых псов, вечно встречать одни и те же измученные провинциальной скукой лица, заглядывать в нищие окна...

Закрыв лицо ладонями, она продолжала упрямо говорить:

— Нет... нет... нет...

— Ты родилась не здесь, — горячо продолжал он. — Как и я, ты любишь Царское Село, кондитерские на Невском, Александринку и Эрмитаж. Зачем тебе эта добровольная ссылка на всю жизнь?

— Но я все еще жена Николая, — сказала она, глядя на него мокрыми счастливыми глазами.

— Ты можешь развестись хоть сегодня, — сказал он уверенно, словно проделывал это уже много раз. — Это же пустая формальность!

Однако ему еще долго пришлось ее уговаривать, объяснять, что это не ее вина, что судьба выстроила такую удивительную цепочку, чтобы свести их вместе. Он целовал все более и более поддающиеся губы, пока она наконец не достала платок и, осторожно касаясь им мокрых пятнышек на лице, не сказала «да».

Он подхватил ее на руки и закружил по комнате.

— Значит, ты согласна? Согласна, да? — спрашивал он без конца, а она смущенно отвечала:

— Да, да, да... Только быстрее... Я все время почему-то боюсь, что что-нибудь случится... и мы не успеем.

Было еще не поздно. Она сказала, что сходит в отдел регистрации и узнает, может быть, и правда удастся все сделать сегодня. А потом начнет собирать вещи, чтобы утром, когда он вернется с дежурства, они бы сразу пошли на станцию.

— Или нет... — Она на секунду задумалась. — Я не хочу, чтобы это выглядело так, будто ты меня увозишь. Как-то это глупо, почти погусарски. Я ведь сама решила, потому что люблю тебя. Давай сделаем вот что... Ты возьмешь с собой свои вещи и утром сразу пойдешь на вокзал. купишь два билета и будешь ждать меня. В девять тридцать проходит поезд на Псков. А ночью я в последний раз принесу тебе поесть...

При этих словах она поцеловала его, быстро собралась и ушла в городской отдел регистрации.

Костя между тем решил, что лучше всего написать Кате письмо. Наверное, они встретятся с ней потом в Ленинграде, но пусть она все узнает заранее.

«Катя, — быстро писал он. — Мне очень трудно это сказать тебе, но так вышло. Я не хотел. Все произошло помимо моей воли и желания, потому что было решено намного раньше. Я не знаю, где и кем пишутся наши судьбы, в какой всемирной библиотеке хранятся эти тома. Антонина оказалась права: я действительно обрел самое важное в жизни. Но случилось чудо: мне ответили взаимностью, меня тоже любят. Наверное, какую-то строчку Антонина прочла неправильно, но это уже неважно... Прости, если можешь. Очень хочу, чтобы мы остались друзьями, хотя, скорей всего, это невозможно».

Потом он собрал вещи и в последний раз оглядел комнату. Покидать ее было грустно и весело одновременно. Старый диван, прожженный письменный стол и фортепьяно оставались на своих местах, а он уезжал от них навсегда.

Теплов был еще на станции: прорвало водяную трубу в котельной, он ждал, пока ее отремонтируют. Он так ни разу и не спросил Костю о той его ночи в ОГПУ, но Костя чувствовал, что отношение Теплова к нему изменилось. Между ними не случалось никаких душевных бесед, они ни о чем таком не откровенничали. Просто Теплов опять начал говорить ему «ты», а когда пожимал руку утром при встрече, то долго держал его пальцы в своей длинной горячей ладони, ничего не говоря, и улыбался дольше, чем раньше, до черноты прокуренными зубами.

Теплов принес из приемной подписанную характеристику и прочие бумаги для института. К этому времени трубу починили, и они распрощались. Теплов долго тряс ему руку, улыбался, и все многочисленные морщины на его молодом лице улыбались и говорили, что он славный мальчик и таким и останется при любых обстоятельствах.

Как и обычно, около двенадцати появилась Тася. Она была задумчива и немножко грустна, хотя старалась казаться веселой.

— Развелась, — буднично сказала она Косте таким голосом, словно сообщала о том, что заплатила за электричество. Та же стриженная тетка пометила что-то напротив их с Николаем фамилий и выдала справку, что больше они не муж и жена. Правда, это оказалось так просто.

Она уже начала собирать свои вещи. Костя вдруг подумал, что не хочет отпускать ее обратно в квартиру, может быть потому, что свои вещи он уже унес и там все снова сделалось так, как было до его приезда. Лучше всего ей было все оставить и не возвращаться туда больше, не брать с собой ничего из старой жизни, тем более что ничего ценного, кроме альбома с фотографиями, у нее и не было.

— Может, ты останешься со мной до утра? — спросил он, когда она складывала обратно в сумку тарелки и чашки.

— Потерпи. У нас еще все впереди с тобой, — сказала она, целуя его в ответ. И ушла.

Костя проводил ее до ворот, ему ужасно не хотелось, чтобы она уходила. Оставалось каких-то несколько часов. Он стал убеждать себя, что все хорошо, что скоро они сядут в поезд и уедут отсюда, но на душе почему-то было тревожно.

Наконец тьма отступила, из-за реденького леса на востоке появилось солнце. Служащие разбрелись по домам спать и мучительно терли серые, уставшие за ночь лица.

На вокзале Костя купил два билета в купейный вагон и стал ходить по маленькому, не больше письменного стола, перрону. Всего два месяца прошло с той ночи, когда он приехал сюда, но ему казалось, что прошло уже двадцать лет. Он нетерпеливо поглядывал на двери вокзала и считал минуты.

Вот из-за поворота показался черный пыхтящий паровоз, угрюмо тащивший на Псков пару десятков вагонов, окутался паром, заскрипел и встал. Несколько торговки с дымящимися корзинами забежали вдоль окон, голосисто расхваливая свои пироги, соленые огурчики и прочую дорожную снедь. Костя нашел их вагон, занес свои вещи в купе и снова спустился на платформу.

Таси все еще не было.

Он почувствовал легкое беспокойство. В первый раз просвистел паровоз, пассажиры потянулись к своим вагонам с пирогами и огурчиками, торговки поставили корзины на землю и пересчитывали выручку, ревниво косясь друг на друга из-под туго затянутых платков.

Паровоз свистнул во второй раз, готовый поскорее умчаться из этого захолустья со старым деревянным вокзалом и урезанной платформой. Машинист, высунувшись из окна, равнодушно оглядывал городок, который больше напоминал маленькую дачную станцию где-нибудь под Москвой, чем настоящий город.

Таси не было.

Холодок стал медленно подниматься к его горлу. Он не сводил глаз с дверей вокзала. Вот вышла, суетливо прихрамывая, пожилая дама, похожая на учительницу. Вышел, зевая и готовя свои флажки, дежурный по вокзалу с перевязанной щекой. У него был такой унылый вид, словно он собирался отправить поезд не в Псков, а на тот свет.

Машинист отошел от окна, и паровоз засвистел в третий раз. Костя вбежал в вагон, под изумленными взглядами пассажиров схватил свои вещи и прыгнул обратно на платформу. Что-то недовольно проворчал проводник, лязгнула железная дверь, и поезд тронулся.

«Неужели Николай приехал?» — стучало у него в голове, пока он почти бегом направлялся обратно к дому.

Он влетел на крыльцо, через гостиную прошел в свою бывшую комнату: там никого не было. Он снова вышел в гостиную. Дверь в спальню была приоткрыта. Одетая по-дорожному, Тася сидела у небольшого столика. Услышав Костины шаги, она подняла заплаканные глаза. Костя бросился к ней:

— Тася, любимая моя, что случилось?

Она молча показала на толстую книгу, лежавшую у нее на коленях.

— Что это? — спросил он, успев разобрать только автора — М. К. Дитерихс.

Она хотела оставить Николаю записку и открыла обычно запертый ящик его стола, где он хранил всевозможные бумаги. Увидела незнакомую книгу с закладкой и машинально открыла ее. И тут же нашла его фамилию. Она показала, и Костя прочел в каком-то списке среди других фамилий: «Н. А. Якубовский».

— Ну и что? — спросил он недоуменно.

— Я начала листать эту книгу и все поняла, — продолжала она тихим голосом. — Поняла, чего он боялся все время, о чем бормотал по ночам, когда думал, что я сплю... В этой книге описан расстрел большевиками в восемнадцатом году царя, его жены и детей. В Екатеринбурге... Я и раньше знала, что он там был. А ночью, когда увидела его в списке... Это же список красных отрядов, действовавших в том районе. Николай — офицер и за красных не воевал. Их внедряли, для того чтобы... Ты сам понимаешь, правда?

Костя глядел на печатные слова, по которым она продолжала водить пальцами, точно слепая, и слова расплывались у него перед глазами. Что-то непоправимое, что-то страшное произошло или происходило в эту минуту, а он был бессилён. Судьба, до этого мирно дремавшая у него в руках, как ласковый котенок, внезапно зарычала и стала превращаться в беспощадного тигра.

— Они просто не успели, — говорила она. — Царя и его близких расстреляли до того, как они смогли что-то предпринять...

— Книга наверняка есть и в ОГПУ, — взволнованно сказал Костя. — И... и меня спрашивали про Николая...

— Что? — вздрогнула Тася.

— Да-да! Я не обратил тогда внимания, подумал, что так просто... Следователь спросил про Николая как-то по-особенному, вскользь, словно это было совсем не важно...

— И что ты ему ответил?

— Да ничего. Что я знал тогда про Николая? Провинциальный бухгалтер — вот и все. Но послушай...

До него вдруг дошло, что положение Николая очень серьезно, а вернее — безнадежно. Если ОГПУ действительно знает, кто он такой и почему оказался простым красноармейцем в Екатеринбурге летом восемнадцатого года...

— Нам нужно быстрее уезжать, — сказал он решительно. — Как хорошо, что ты больше не его жена, пусть даже формально! Если мы сейчас же уедем, никто не станет тебя искать.

Он посмотрел на часы. По расписанию следующий поезд уходил через два часа.

— А Николай? — недоуменно посмотрела на него Тася. — Что же будет с ним?

— Он обречен. — Костя нетерпеливо заходил по комнате. — Эта книга для Николая — смертный приговор. Спасти его невозможно. Если Рожкова арестовали только за то, что он читал подобные книги да иногда писал разные глупости...

— Это не глупости! — гневно крикнула Тася. Ее лицо было покрыто красными пятнами, она не спала всю ночь и вдруг сделалась старой и некрасивой. — Это не глупости! Не смей так говорить о Николае!

— Да я вовсе не про Николая... Николай обречен, пойми. Он погибнет, а вместе с ним погибнуть могут все, кто окажется рядом в этот момент!

Он подошел к Тасе, обнял ее, поцеловал в неподвижные губы.

— Давай собирайся быстрее. В дороге у нас будет куча времени, чтобы все это обсудить.

Она резко встала и отбросила его руки.

— Я никуда не поеду!..

— Но, Тася...

— Я никуда не поеду, — повторила она. — Мне нужно дождаться Николая.

— Зачем? Мы же всё решили...

— Я остаюсь здесь, — сухо, не глядя, сказала она. — Ты можешь ехать один...

У Кости зашумело в ушах. Он ничего не понимал.

— Но ты не любишь его, — тихо сказал он. — Кто он тебе теперь?

Тася стояла посреди комнаты, прямая и неприступная. Он вдруг подумал, что всех этих счастливых дней и ночей, когда они были вместе, больше нет да, по сути, их и не было никогда... Никогда она не приходила к нему на станцию, никогда они не играли на фортепьяно и не любили друг друга до самозабвения.

— Уходи, — сказала она.

У Кости не было сил повернуться. Он сделал несколько шагов спиной назад, и еще до того, как он успел осознать, что происходит, она закрыла за ним дверь и дважды повернула в замке ключ.

XI.

В гостиной валялись запакованные вещи, еще хранившие слабый запах вокзала, где он был тысячу лет назад. Счастье, столь полное и естественное, так быстро сменилось отчаяньем, что сознание отказывалось принять эту перемену. «Ты будешь жалеть об этом всю жизнь», — вдруг вспомнил он слова костромской крестьянки, и впервые ему стало по-настоящему страшно. Такого страха он не испытывал даже в кабинете следователя. Значит, все было решено и подстроено с самого начала? Как глупую пешку, чья-то невидимая рука передвигала его по доске, с клеточки на клеточку, а в нужный момент принесла в жертву ради какой-то неизвестной цели. Кто выбрал для него такую судьбу, где в одном тупике ждала бесславная быстрая гибель, а в другом — вот это?

Жить не хотелось. Все вокруг сделалось чужим и отвратительным. Он бросился на диван, знакомо заскрипевший и прогнувшийся под тяжестью тела. Черное солнце светило в окно, черные зайчики прыгали по комнате. Он вдруг подумал, что если заснет сейчас, а вечером проснет-

ся, то этот кошмар, конечно, закончится. Возле него опять будет сидеть Тася, улыбаясь и запроляя за правое ухо непослушную светлую прядку. Он обнимет ее тоненькую спину, найдет под халатом и поцелует маленькую родинку под левой лопаткой. Потом они отправятся на вокзал, сядут в поезд и уедут навсегда из Старой Руссы, от пышно заросших канав и гнилых беседок, от кривых улочек и Николая с пенсне, зелеными кальсонами и неправдоподобной прошлой жизнью. Поздно вечером они приедут на Витебский вокзал, спустятся по тем ступенькам, где когда-то давно умер поэт Анненский, и взамен старорусской насмешки большой город подарит им другую, настоящую судьбу, где все будет замечательно. Так должно быть...

Наверное, он не заметил, как все-таки уснул. Прошло уже почти три часа. Он испуганно вскочил и на цыпочках подбежал к ее двери. Прислушался. За дверью не раздавалось ни звука. Он постучал.

— Войди, не заперто, — ответил знакомый голос. В сердце кольнула слабая надежда, и он вошел.

Она по-прежнему сидела за столом, но теперь поверх книги Дитерихса перед ней лежала та давняя карточка Николая, где он был в форме штабс-капитана, с усами и саблей.

И по этой глупой карточке, по глупой самодовольной улыбке уже давно не существующего Николая, по тому, как она рассматривала эту карточку, Костя окончательно понял, что он ничего не сможет изменить.

— Давай поговорим, — сказал он, пересиливая себя, и сам не поверил, как робко и тихо звучит его голос.

— О чем?

— О нас, о нашем будущем...

Она медленно покачала головой.

— Нет, Костя. У нас есть лишь прошлое, о котором я не могу вспоминать без стыда. Но пусть это останется на моей совести. Я была глупа и не понимала, чего Бог хочет от меня. Я все время спрашивала себя, для чего я родилась в это несчастное время, для чего Богу было угодно лишить меня отца с матерью, для чего я встретила Николая и почему согласилась стать его женой. А теперь будто с моих глаз сорвали черную тряпку и я прозрела... Я очень, очень благодарна тебе за это... Если бы не ты, может быть, ничего бы и не произошло...

— Я не понимаю, о чем ты!.. — закричал Костя. — Какое прошлое? Все еще только начинается! А ты так говоришь, как будто заживо хоронишь себя! Послушай, эта книга произвела на тебя сильное впечатление. Мы с тобой не знали, что Николай в опасности. Теперь мы знаем. Но что это изменило в наших отношениях? Я по-прежнему люблю тебя...

— Я знаю, — сказала Тася. — Но я больше не люблю тебя.

Костя замер. Все, что он с таким трудом поддерживал внутри себя, рухнуло в одну секунду. К горлу подступил горячий влажный ком.

— Тебе лучше уехать, — продолжала Тася. — Как можно быстрее. Это тяжело, я понимаю. Но помочь не могу. Уезжай. Забудь все, женись на Кате, живи спокойно. Все у тебя будет хорошо, поверь мне.

И вот он снова в своей комнате. Стоит посредине, качаясь, как пьяный. В глазах пляшут, смеясь, разноцветные человечки, и где-то тоскливо гудит не то паровоз, не то пароход.

А вечером, когда смешной бронзовый умывальник стал совершенно розовым от низкого солнца, на лестнице послышались грузные шаги, скрипнула входная дверь, и Костя понял, что вернулся Николай. Подсознательно он давно готовил себя к этому, но все равно это произошло, когда он меньше всего ждал и хотел.

Он вдруг ясно увидел перед собой круглое, ничем не примечательное лицо Антонины, ее мокрые босые ноги на персидском ковре и прощальное, полное любви и сочувствия «До свидания... Здоровья вам».

— Чертова полойка! — закричал он и кинул в круглое лицо стеклянной пепельницей. Видение исчезло, пепельница разбилась о стену, тусклые осколки рассыпались по полу.

XII.

Еще со времен Пажеского корпуса Его Императорского Величества Николай Александрович одинаково великолепно стрелял как из обычной солдатской трехлинейки, так и из нагана. Он любил оружие. В его руках оно казалось живым и умным, черный кружок цели послушно ложился на мушку точно посередине, дыхание замирало, все его существо сосредотачивалось в указательном пальце правой руки, который начинал медленно нажимать на курок. Внезапно следовал мягкий удар в плечо, ноздри обжигало сладковатым запахом пороха, а в черном кружке появлялась маленькая дырочка. После показательных стрельб в Пажеском корпусе в 1904 году вдовствующая императрица Мария Фёдоровна вручила ему призовой кубок. Позже, в германскую войну, все решала уже не меткость одного стрелка, а плотность огня по всей линии из пулеметов и артиллерии. Но он по-прежнему содержал свое оружие в идеальном состоянии и того же требовал от солдат.

Их привезли и поселили в грязных, не убранных после предыдущих военных сборов казармах. Белья на всех не хватило, спали на драных матрасах в два яруса; на того, кто спал внизу, сыпалась солома из матраса верхней койки. Кормили кашей и свиным жиром. На следующий день им выдали оружие — все те же мосинские винтовки образца 1891 года, и Николай ужаснулся: такие неухоженные они были, с тусклыми, скверно начищенными стволами и шершавыми, липкими прикладами, словно предыдущие владельцы были детьми и трогали их пальцами, перепачканными в карамели. Командиры смотрели на нестройную толпу гражданских лиц свысока и называли с легким пренебрежением «партизанами». Слава богу, обошлось без строевой. Зато стреляли много и патронов не жалели. Инструкторы, кое-кто из бывших офицеров, как определил опытным глазом Николай, объясняли пыхтящим, неуклюжим служащим и рабочим, многие из которых вообще не держали в руках боевого оружия, как нуж-

но делиться, как задерживать дыхание, как нажимать спусковой крючок. В первый раз Николай, соскучившись по стрельбе, допустил невольную ошибку: все десять пуль уложил в самое яблочко, чем вызвал пристальное внимание к себе и ненужные расспросы. Потом он овладел собой и стрелял, стараясь не выделяться из уровня лучших стрелков их подразделения. Тем не менее винтовка его была неизменно в идеальном состоянии, и на разборах его всегда ставили в пример.

Он похудел, лицо осунулось и постарело. Глупая ребяческая радость, оттого что ему дали пострелять, быстро прошла. Хотелось домой, он все время думал о Тасе. Изредка она писала о самых простых вещах, что все хорошо, в Старой Руссе уже настоящая весна, Костя работает на электростанции. Николай отвечал в том же духе: у него все нормально, спит и ест хорошо, скоро все закончится. Но два месяца тянулись и тянулись, и он без конца думал об одном и том же: как они будут дальше жить с Тасей.

Вынужденная пауза в их отношениях немного привела его в чувство. Он с ужасом вспоминал все свои безуспешные попытки добиться от нее близости, и ему было стыдно: как он, взрослый, много переживший, неглупый мужчина, мог так бесцеремонно обращаться с девушкой, доверчиво согласившейся стать его женой? Он же прекрасно знал, что она сирота, что она ни за что не вернется к больной старухе. А он, ослепленный страстью, пользовался ее безысходностью... «Отпусти ее, — услышал он однажды внутри себя чей-то тихий грустный голос. — Отпусти ее... Если она захочет уйти». — «Но я буду терпелив, не стану больше ее пугать. Я буду внимателен, нежен и завоюю ее любовь», — попробовал он было возразить. «Ты пытался два месяца, но ничего не достиг, — продолжал тот же грустный голос. — Не обманывай себя. Если это не произошло, то уже не произойдет никогда. Любовь даруется Богом. Значит, ты просто недостоин, чтобы тебя любили, и прекрасно знаешь, почему...» Он зарывался лицом в колючую подушку, от которой пахло кислой капустой и портянками, и не желал больше слушать грустный голос. Но он доставал его всюду — и во время стрельбы, и в маленькой темной столовой, где сидели по десять человек за плохо оструганным столом, и ночью, когда он лежал, борясь с глухим страхом одиночества, а сверху ему на закрытые глаза сыпалась трухлявая солома. И тогда он понял, что никуда не убежит от тихого грустного голоса, потому что это его совесть — совесть мужчины и русского офицера.

И в последнюю ночь накануне отправки домой он не выдержал. «Хорошо! — закричал он, но молча, боясь разбудить тяжело и мучительно спящих вокруг. — Хорошо, ты прав. Ты всегда во всем прав. Да, я скотина, грубое животное. Но я больше никогда не подойду к ней. Ты победил. Замолчи же теперь и дай мне уснуть. Мне еще о многом надо подумать, а когда ты шепчешь мне в ухо, какой я негодяй, то я не могу ни о чем думать...»

И голос оставил его, но ненадолго, лишь до утра. Утром же, когда всех загрузили в машины и повезли в обратный путь, грустный голос сказал ему тихо: «Смотри же, не забудь. Ты дал слово». И он покорно закрыл глаза и стал подбирать слова, которые скажет Тасе, когда вернется.

Было уже по-летнему тепло, двери теплушек держали открытыми. Вместо серой, грязной, болотистой равнины с редкими голыми стволами они видели теперь светлые березовые рощицы, луга, покрытые нежным зеленым ковром. Крестьяне в широких рубахах выходили к железнодорожной насыпи и долго стояли, провожая их поезд угрюмыми взглядами, словно не ждали для себя ничего хорошего от двух десятков теплушек с пожилыми солдатами, орущими сквозь рев паровоза какие-то веселые глупые песни.

И всю дорогу под эти песни он пытался представить, как войдет в дом, откроет дверь, увидит Тасю и скажет... Вот тут-то он каждый раз останавливался, потому что слов, которыми можно было выразить то новое чувство, которое появилось у него на сборах, не находилось. Он хотел сказать ей, что любит ее по-прежнему... Нет, еще больше, чем раньше. Но не хочет, чтобы она снова страдала из-за него, не хочет причинять ей боль, мучить глупыми, не для них придуманными ночами. Этого больше не будет. Они начнут новую жизнь... Она сможет жить отдельно, в комнате, где сейчас живет Костя. А если захочет, он снимет для нее квартиру. Или нет, лучше он сам уйдет и снимет комнату, а она останется дома...

Поезд наконец дотянул теплушки до Старой Руссы. В последний раз их собрали на углу площади, сказали что-то казенно-патриотическое и отпустили по домам.

Так и не решив окончательно, с чего начнет разговор, Николай Александрович вошел в квартиру и на секунду замер. В воздухе дома ему почудилось незнакомое, тревожное. Словно что-то изменилось, но что — он не мог понять. Он прошел через пустую гостиную и распахнул дверь в спальню.

Непричесанная, наспех одетая Тася сидела на кровати.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Николай увидел краем глаза отпертый ящик своего стола и Дитерихса, раскрытого на заложенной странице.

— Я тебе изменила, — вдруг произнесла она будничным голосом. — Если скажешь, я сейчас же соберу вещи и уйду.

Все хорошие слова, полные любви и самоотречения, которые он берег для нее по дороге домой, вылетели у него из головы.

— Кто? — тихо спросил он и, уже догадываясь, что она ответит, с трудом выговорил: — Он, Костя?

Тася кивнула, пристально глядя на него блестящими от слез глазами.

Николай поймал себя на том, что правая рука непроизвольно тянется к пустому поясу, туда, где много лет она привычно находила застёжку кобуры и ребристую рукоять нагана. Воздух вокруг сгустился и начал со свистом проноситься сквозь комнату, он отчетливо услышал чей-то издевательский смех, и знакомый тихий голос грустно произнес: «Ну вот, я ведь тебя предупреждал...»

— Это еще не всё, — продолжала Тася, не спуская с него глаз.

— Я думал... Думаю... Может, достаточно? — хрипло спросил он и засмеялся.

Тася продолжала пристально смотреть на него и, не меняя позы, внятно разделяя слова, сказала:

— Я тебя люблю.

Не сдерживаясь более, она подбежала к нему и стала целовать лицо, губы, руки, повторяя снова и снова:

— Я люблю тебя... Прости меня... Прости. Я не знаю, как это случилось... Я поняла это только вчера, когда нашла эту книгу... Я же не знала... Почему ты мне никогда не рассказывал? Это нечестно! Я ведь твоя жена. Была... То есть... Нет, буду женой, потому что какая же я была жена? У нас еще ничего толком не было...

Неожиданно она принялась рассказывать обо всем, что случилось за два месяца, пока его не было: и про бесконечные разговоры по ночам, и прогулки по городу, и обеды в ночную смену, и игру на фортепьяно. Она сказала, что два дня назад развелась с ним.

— Это хорошо, — неожиданно сказал Николай.

— Да-да! — обрадовалась она. — Я тоже думаю, что хорошо... То все было неправильно. Оно и закончилось. Бог с ним. Мы лучше начнем сначала...

— Как? — спросил Николай.

Он не мог понять, что с ним происходило: чем больше рассказывала Тася, чем яснее представлял он себе, как это было, тем почему-то ближе делалась та робкая мечта о любви, в которую он почти перестал верить. Слабый огонечек в сердце снова ожил и, помогая пережить боль, заставлял смотреть не назад, а вперед. «Значит, мы еще будем счастливы?.. — подумал он. — Я не заслужил этого...»

— Забудь все, что было раньше, — торопливо говорила она, а сама холодела от страха, что он не поверит ей, не дослушает до конца. — Представь, будто мы только что встретились, еще ничего не было... Представил?

— Да... Кажется, — улыбнулся он, невольно включаясь в эту игру. — И что дальше?

— Как что? Разве ты не хочешь сделать мне предложение?!

Николай засмеялся. Яма, куда он так долго падал, закончилась. Он оттолкнулся от дна, и неведомая сила мягко, но настойчиво поднимала его теперь вверх, туда, где высоко-высоко, в маленьком круглом окошке виднелось небо. Он бросил в сторону вещмешок, который так и сжимал в руке с тех пор, как вошел, и опустил на одно колено.

— Сударыня, — сказал он, деликатно покашливая. — Я явился сюда в столь поздний час для того, чтобы отдать вам в вечное владение свое сердце и просить вашей руки... Так? — спросил он и, поднявшись, в первый раз осторожно провел ладонью по ее плечу.

Она кивнула, ее лицо сияло.

— Я согласна, — сказала она и спросила: — А когда будет свадьба?

— Когда прикажете, — ответил он, все более и более уверенно обнимая ее. Он больше не чувствовал невидимой стены, выраставшей всякий раз, когда хотел обнять или поцеловать ее. Он видел, что теперь она наконец сама этого хочет. И, смущаясь своей неловкости, поцеловал.

— Сегодня, — прошептала она, целуя в ответ легко и свободно.

— Сегодня уже прошло, — нежно возразил он.

— Тогда завтра. И знаешь, я долго над всем этим думала и поняла, что еще было неправильно...

— Что же?

— Нам непременно нужно венчаться. По-настоящему — в церкви, с кольцами, венцами и общей чашей.

Он радостно улыбался и кивал головой:

— Да-да! Непременно венчаться.

Они обсудили подробности свадьбы. Звать никого не нужно, это лишнее... Плохо, что нет колец, да и денег, чтобы вот так, в один день купить, тоже нет.

— Ничего, что-нибудь придумаем, — успокоил он ее, а сам снова поймал себя на том, что тянется к давно не существующей кобуре и пытается нащупать ребристую прохладную рукоять.

Он не желал признаваться, что еще не все прошло. Тупая боль зло и нервно ворочалась в сердце. Оскорбленная честь требовала немедленного удовлетворения. Все было точно так же, как ровно десять лет назад в Екатеринбурге...

Шесть офицеров, переодетых красноармейцами, встретились поздно вечером обсудить последние детали предстоящего освобождения государя и его семьи. Операция была назначена на следующую пятницу, через неделю, когда должны были прибыть еще десять офицеров. Через своего человека в Ипатьевском доме им было точно известно, что вскоре пленников будут перевозить в безопасное место, подальше от наступающих частей Колчака. В этот момент и решили произвести нападение на конвой и освободить государя. Когда все уже было решено и они поднимались, чтобы разойтись по своим казармам, веселые и возбужденные, хозяин дома поставил на стол три бутылки портвейна. Вино было хорошее, еще довоенного урожая. Где он его достал и как долго берег, ожидая подходящего случая, осталось загадкой. Все оживились, темное вино хлынуло в подставленные стаканы. Выпили за успех предстоящей операции. Потом — за здоровье государя и его семьи. Потом — за освобождение России от большевиков... и так далее. Вино скоро ударило в головы. Видимо, они слишком долго просидели в казармах на красноармейских пайках, потому что уже через полчаса в комнате жарко заспорили о будущем России. Один из офицеров, высокий плотный остзейский немец с вечно кислым, как от постоянной зубной боли, лицом, требовал перевешать всех, кто отбирал землю у законных владельцев или даже просто был на стороне большевиков — вольно или невольно, значения не имело. Николай вспылил и обозвал его «рижским палачом». Майор, еще более кисло сморщившись, пробормотал сквозь стиснутые зубы:

— Русский либеральный осел. — Схватил со стола стакан и плеснул ему в лицо.

Николай выхватил наган. Майор расстегнул кобуру и достал свой. Все были слишком разгоряченны, чтобы осознать, что происходит.

Никому не пришло в голову их остановить. Тут же выяснилось, что двое в молодости принимали участие в дуэлях. Они же всё и организовали. Дом находился на окраине города и был с фасада защищен старыми яблонями, а по сторонам высоким глухим забором. Позади, метров через сто, уже начинался лес. Там, в лесу, на небольшой поляне противников поставили друг против друга в двадцати шагах. Прозвучала команда: «Стреляйте!»

Николай выстрелил первым. Пуля ударила майора в грудь. Тот свалился как-то неправдоподобно быстро, и на лице у него было уже не кислое, а такое недоуменное выражение, будто многолетняя зубная боль наконец-то отпустила. Несколько человек кинулось к нему.

— Убит? — глухо спросил Николай.

— Жив, — ответил кто-то. — Пуля навывлет прошла. Но рана серьезная...

Майора принесли обратно в дом, где он и скончался через два дня. Уже назавтра, остыв и протрезвев, они поняли, что наделали. В охране Ипатьевского дома находился латыш, служивший когда-то на кухне в поместье майора под Ригой, и через него они узнавали о действиях и планах Юровского. На восстановление связи ушло слишком много времени. О новом приказе, полученном Юровским из Москвы, их известить не успели. И в ту ночь, когда в подвале дома гремели выстрелы и в густом пороховом дыму штыками докалывали раненых, они спали, ни о чем не подозревая, в своих казармах, под длинными красноармейскими шинелями...

Николай закрыл глаза и глубоко вздохнул. Рука ослабла, опускаясь. Если повторять одни и те же ошибки, то не хватит и двух жизней, чтобы все их исправить.

— Кого же мы позовем в свидетели? А, Тася?.. — спросил он.

ХIII.

Большая каменная церковь даже издали выглядела запущенной и израненной, как после десятилетней войны. Деревянный, с ободранной позолотой купол был проломлен. Облетевшая во множестве мест штукатурка обнажила красный кирпич. Не было видно ни служителей, ни прихожан, ни нищих — церковный двор был пуст, а ворота заперты. Только маленькая калитка справа оказалась открыта.

Николай с Яковом Моисеевичем отправились к одноэтажному кирпичному домику у противоположной стороны ограды. Николай ступал прямо и твердо, старый доктор семенил, пришаркивая, стараясь не отстать.

Костя с Тасей поднялись по высокому церковному крыльцу. На двери висел громадный ржавый замок.

— Ты не передумала? — тихо спросил Костя.

— Нет, — ответила Тася и отвернулась.

«Это все происходит не со мной, — подумал Костя. — Этого не может быть на самом деле...»

Когда вчера вечером Николай попросил его стать их свидетелем, он наотрез отказался.

— Нам не к кому больше обратиться, — говорил Николай. — Венчание в теперешних условиях — шаг рискованный. Сразу привлекает внимание, а это крайне нежелательно...

— Я не могу, — ответил Костя. — Мне пора домой.

Николай ушел, но через минуту, постучав, вошла Тася.

— Прощу тебя, — сказала она. — Ты сам не представляешь еще, что сделал для меня. Пожалуйста, помоги мне в последний раз...

И Костя остался в Старой Руссе еще на одну ночь.

Он заснул лишь под утро. Его разбудил соседский петух. В ответ лениво тявкнул дворовый пес, проскрипела по улице телега керосинщика, а через минуту взошло солнце. Николай с Тасей тоже поднялись очень рано. Они долго одевались, готовились, и, когда наконец вышли в гостиную завтракать, Костя невольно залюбовался: Тася была необыкновенно хороша в светлом, почти белом платье. Волосы были собраны наверх, несколько локонов, закрученных в колечки, спускались на плечи. Николай был одет в то же, в чем обычно ходил на службу — в простой темный костюм, правда, тщательно выглаженный.

К удивлению Николая, труднее всего оказалось уговорить доктора. Старый еврей никак не хотел идти в церковь.

— Но ведь вы православный, Яков Моисеевич, — скрывая улыбку, говорил Николай. — В чем же дело?

— Не желаю — и все! — упирался доктор. — От этого бога я видел лишь одни неприятности... Он меня не зовет. С какой такой радости я пойду к нему без приглашения?..

Но неожиданно вмешалась его жена.

— Пусть хоть кто-то будет счастлив, — сказала она грустно. — Разве тебе жалко?

И доктор как-то сразу присмирел и, глядя с любовью на свою постаревшую, но все такую же прекрасную супругу, вздохнул и согласился.

Николай и доктор протиснулись через низенькую дверь в комнату. За столом сидел какой-то мужик в телогрейке и сапогах, измазанных глиной, и колот орехи.

— Чего вам? — спросил он хмуро. При виде доктора он неприязненно задвигал вверх-вниз рыжей бородой, местами уже почти седой. Доктор заметно смешался и отступил за Николая.

— Нам нужен священник, — сказал Николай. — Не мог бы ты, любезный, позвать батюшку.

— А для какой надобности вам священник? — все так же хмуро спросил мужик.

— Дело у нас к нему. Зови, не бойся.

— Много сейчас разного народу по улицам шляется, — продолжал мужик, с грохотом ударяя по твердому ореху плоским камешком. — Может, вы его заарестовывать пришли али иконы посымать хотите... Так опоздали, нет икон. Давным-давно сняли...

— Слушай-ка, ты! — рассердился Николай. — Видно, давно тебя не драли хорошенько при новом режиме...

Но тут Яков Моисеевич смущенно закашлялся и показался из-за спины Николая:

— Простите, отец Григорий, но у нас действительно есть к вам дело...

Мужик быстро стрельнул в них маленькими, очень внимательными глазками, но ничего не сказал. Он продолжал как ни в чем не бывало выковыривать из половинки скорлупы кусочки ореха и класть себе в рот.

— Отец Григорий, — немного помолчав, продолжал Николай. — Мы просим вас обвенчать нас.

— Да вы с ума сошли! — рассердился священник и чуть не поперхнулся. — Какое венчание?! Храм закрыт, я в нем уже шесть лет как не служу. Иконы и утварь разграблены... То есть, извините, конфискованы. Вон его сыночек и постарался.

Он ткнул пальцем в несчастного доктора.

— Лёвушка был очень культурным, чистым мальчиком... — забормотал Яков Моисеевич, чуть не плача.

— Этот чистый мальчик, — грозно сказал отец Григорий, — ножичком очень культурно оттяпал у меня полбороды. Всё! Уходите отсюда с богом...

Николай стоял, кусая губы.

— Но вы по-прежнему священник? — спросил он.

— Да, и что из этого?

— Тогда исповедуйте меня. В этом-то вы не можете отказать. Я не исповедовался уже больше десяти лет.

Священник задумался.

— Хорошо, — сказал он наконец, поднимаясь из-за стола. — Идите к храму... Только не к парадным вратам! — поспешно добавил он. — Там сбоку, слева, есть маленькая дверца. Я сейчас приду...

Все четверо подошли, куда им было указано, и стали ждать. Вскоре через двор, торопливо озираясь, прошел священник с большим узлом в руках. Он отпер дверь.

Внутри церковь оказалась намного ухоженней, чем снаружи. Пол был чисто вымыт, только местами стояли небольшие лужицы.

— Крыша течет, — извиняющимся голосом сказал отец Григорий. — Ничего не могу с ней поделать. Как дождик пройдет, так внизу целое Генисаретское озеро натекает.

Из проломанного купола падал светлый прямой лучик. Когда их глаза привыкли к полумраку, они увидели, что икон на самом деле не было. Уцелела лишь роспись местами, а местами вместо ликов святых серела штукатурка. Да еще прямоугольники невыгоревшей краски по стенам указывали, где когда-то висели иконы.

Перекрестившись, отец Григорий прошел с узлом за алтарь. Минут через десять он появился снова, и они не узнали его в первую секунду: с большим тяжелым крестом на груди, в белом фелоне поверх подризника он показался выше ростом, дороднее и величавее. Хотя кое-где фелон

был заштопан неумелой рукой, а ленты на нем изрядно поблекли, но преображенное лицо отца Григория светилось и было прекрасно.

Они отошли с Николаем к стене и долго беседовали. Наконец Николай опустил на колени и прошептал:

— Прости меня, честный отче...

Отец Григорий положил на голову Николая конец епитрахили, перекрестил и сказал:

— Разрешаю грехи твои во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

Николай поцеловал крест и поднялся. Глаза его за стеклами пенсне были печальны и скорбны.

Вдруг Тася, прямая и тоненькая, как лучик света сквозь проломленный купол, решительно подошла к священнику:

— Примите и мою исповедь, отец Григорий.

И склонила голову.

В этот момент Костя почувствовал, как душа его встрепенулась и замерла, словно кто-то взял ее на ладонь и принялся близко рассматривать каждый краешек, каждый закуток. Он так и простоял, боясь пошевелиться и не спуская глаз с шепчущих Тасиных губ, пока священник не положил и на ее голову конец епитрахили и не произнес:

— Разрешаю грехи твои во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

— Отец Григорий, — вновь обратился к священнику Николай. — Обвенчайте нас. Прощу вас...

Тот подумал, вздохнул и, махнув рукой, опять пошел за алтарь. Послышался ляг с трудом отпираемого замка, и он появился перед ними, с трудом удерживая в руках большую, изрядно почерневшую икону.

— Вот, — гордо сказал отец Григорий. — Старорусская икона Божией Матери. Время ее обретения неизвестно, к нам на Русь попала от греков из Ольвиополя. Накануне разграбления монастыря в восемнадцатом году мне принесли ее и попросили спрятать до утра... Так с тех пор за ней никто и не пришел.

Священнику помогли установить икону. Затем еще с полчаса он ходил по церкви, собирая утварь и разные необходимые для таинства брака принадлежности. В узелке, который он принес с собой, оказалась и бутылка красного вина. Посредине, напротив алтаря, водрузили аналой.

— Кольца-то хоть у вас есть? — безнадежно хмурясь, спросил он жениха и невесту.

— Нет, — смиренно ответил Николай. — Не успели.

Отец Григорий остановился и неодобрительно покачал головой. Пожевал губами под бородой.

— Ну ладно, — милостиво сказал он. — Обменяетесь нательными крестами.

Затем, еще раз все осмотрев, он легонько вскрикнул и озабоченно повернулся к ним:

— Беда! Венцов-то у меня нет!

Все растерянно переглянулись.

Вдруг, что-то вспомнив, священник принес из-за колонны ведро с веточками вербы.

— Что ж, — забормотал он про себя. — Вербное воскресенье давно прошло... Почему бы нет?

Он принялся плести что-то вроде венка. Поняв, что он замыслил, Тася стала помогать ему. И вот перед ними лежат на аналое два венка, один немного побольше другого. Николай засмеялся и неловко примерил его. Пушистые серые веточки торчали в стороны, и казалось, что под мягкими чехольчиками спрятаны острые шипы.

Отец Григорий зажег три свечи.

— Плохо, — вздохнул он, обводя грустными глазами слабо мерцающие огоньки. — Очень плохо, но больше нет. Эти-то берег на крайний случай...

И приступил к обряду.

Странное это было венчание. Больше всех, наверное, понимал это сам отец Григорий. Отвечало ли оно всем канонам, неизвестно было даже бородатому Богу-отцу с черным от копоти лицом — он сурово и подозрительно взирал на них сверху с проломленного купола. То ли услышанные исповеди так подействовали на священника, то ли очень давно не приходилось ему служить прилюдно в своем храме, но был он вдохновенен и прекрасен. Сильный голос без усилий заполнял унылое пространство пустой церкви.

Когда они обменивались крестиками, Тасины волосы никак не хотели проходить сквозь короткую цепочку. Николай помог ей снять, потом надел на нее свой крест.

— Господи, Боже наш, славою и честью венчай я! — трижды возгласил отец Григорий и подал им чашу с вином, из которой пригубила сначала Тася, за ней — Николай.

Затем он трижды обвел их вокруг анаоя. Костя и Яков Моисеевич шли за ними, держа над их головами вербные венки. Краем глаза Костя видел совсем рядом светлые волосы Таси и дрожащую руку доктора со старческими веснушками на бледной коже.

Закончив обряд, отец Григорий повернулся к ним с сияющим лицом.

— Благодарите Господа, — сказал он торжественно, — освятившего ваш супружеский союз своею благодатью. Старайтесь устроить вашу супружескую жизнь согласно с тем назначением, для выполнения которого сообщена вам сия благодать. Венцы суть знамение царской власти. Дом, в котором вы будете жить — вот ваше царство. Дети, которых вам даст Бог, — вот ваши подданные. Вы — цари. Пользуйтесь же принадлежащей вам властью ко благу ваших подданных, но не забывайте, что вы сами — рабы того же Господа, обязанные давать Ему отчет в употреблении своей власти.

После этого он перекрестил всех и отпустил с миром. Прежде чем уйти, они помогли отцу Григорию привести церковь в прежнее состояние, как будто ничего в ней не происходило.

Выйдя вслед за Яковым Моисеевичем, утиравшим по-детски искренние слезы, Костя оглянулся. Через двор торопливо шел к домику прежний мужик в телогрейке и сапогах. Низко опустив рыжую, почти уже седую бороду, он нес в руках большой узел.

Едва они оказались на улице, как припустил по-летнему теплый дождь. Сняв пенсне, Николай счастливо щурился и подставлял лицо под крупные веселые капли. Внутри все пело и ликовало. Он хотел окружить Тасю в каком-нибудь танце, но она накинула на голову поданный ей старым доктором плащ, и из-под отяжелевшей от влаги материи выглядывали только ее счастливые глаза. Николай пошел рядом, придерживая ее под руку, и думал, что никогда еще не был так счастлив и что, несмотря на дождь, одним светлым днем в мире стало больше.

* * *

Как и в самом начале, они снова сидели втроем за одним столом. Доктор торопился к больным и обещал зайти попозже вечером. Во время обеда говорил в основном Николай. Тася улыбалась ему. Костя неловко молчал: слова не шли, боль, приутихшая было в церкви, снова сковала горло.

— Тася, — вдруг негромко сказал Николай. — Ты не проводишь Константина на вокзал? Мне надо на службу: если мы не сдадим вовремя месячный баланс, всю контору лишат премии.

Тася встала и пошла переодеваться.

— Ну что ж, прощай, — сказал Николай Косте и протянул ему руку. — Может, и встретимся когда-нибудь. Очень хочется снова увидеть Петербург.

— Я готова, — вышла из спальни Тася.

Дождь кончился. Сквозь разбегавшиеся тучи светило солнце. По мокрым улицам, вдоль пышных садов они медленно шли на вокзал и молчали.

Так и не сказав ни слова, подошли к вагону. Костя занес вещи и опять спустился на перрон.

Паровоз уже два раза свистел, уже вышел знакомый дежурный по станции с флажками, а они по-прежнему молчали, отвернувшись. И только когда засуетился маленький пожилой проводник и заторопил их, смешно шепелявя: «Шкорей, шкорей, молодые люди! Не видите — трогаемша!» — только тогда они вдруг кинулись друг к другу. Костя целовал ее мокрые глаза, гладил светлые волосы, все еще собранные наверх, и завитые локоны, слегка уже вытянувшиеся от дождя.

Поезд поехал, дребезжа и скрипя. Анастасия оттолкнула его:

— Прощай. Спасибо тебе... И прости меня. Я буду помнить о тебе.

Он вскочил в вагон и долго стоял, глядя на ее фигурку, которая делалась все меньше и меньше, пока не исчезла совсем.

* * *

Через несколько месяцев Костя женился на Кате. В том же 1928 году Николая арестовали и сослали на Соловки. Когда и как он погиб, осталось неизвестно. Из писем, изредка приходивших жене брата, Константин Иванович знал, что Тася жива, снова вышла замуж и что у нее двое детей. Но больше он никогда не был в Старой Руссе.

Роман РУБАНОВ

ЖИЗНЬ ПРОЗРАЧНА

* * *

Алексею Дьячкову

В лес соседний еду на рыбалку.
Лето. Намечается гроза.
У меня удилице из палки.
Наползла бейсболка на глаза.

Все вокруг сверкает и грохочет.
Может быть, проскочит стороной?
Наловлю карасиков и к ночи
возвращаюсь из лесу домой.

В летнем отпуске такая прелесть
тихая, особая, своя...
Вот в деревню въехал. Загорелись
окна в доме. Облака белья

рвутся из прищепок кучевые.
Простыни стирала утром мать.
Но гроза прошла с дождем и мы их
до утра решили не снимать.

Сохнут облака. Сверчок стрекочет,
звездочки горят на небеси.
Я курю в тиши июньской ночи.
И поют в пакете караси.

* * *

То дожди, то солнце, то ветер, то холодно, то тепло —
не пойми что за погода, но дни чудо как хороши.
Бабочка календариком втиснется под стекло
и словно жизнь перелистывает — шебуршит, шебуршит.

Выйдешь с крыльца, как в космос, в вечер — повсюду такая синь...
От колонки по тропке бабка с ведерком идет домой.
Кошка дорогу перебежит, бабка крестится: сгинь, сгинь... —
и с перепугу плеснет в нее из ведра водой.

Соловей запоет, пес подхватит, выпь на реке всплакнет.
На крышу сарая звезд будто кто из мешка натрусил.
Соседский мальчишка через забор лихо перемахнет
и побежит на речку, где плещутся караси.

И ничего не надо больше. Ведь вот она жизнь — село.
Сено-солома. Тишина. Жизнь прозрачна. Вот она вся.
Ты аккуратно в окошке гвоздь отогнешь, вынешь стекло —
календарик выпорхнет, праздниками шелестя.

* * *

Баба Шура кормит уток на дворе,
Дядя Лёня ковыряется с мопедом,
Батя едет на рыбалку на заре,
Мама — в Курск. Я сплю и никуда не еду.

Я не еду никуда, я просто сплю.
Просто сплю. И просто мне такое снится:
Вот я вырасту, увижу, полюблю,
Стану взрослым и начну курить и бриться,

Поступлю служить в какой-нибудь театр,
Буду зрителем любим и узнаваем...
Но на самом интересном кинокадр
Оборвется со двора собачьим лаем.

Батя выпотрошит карпа и линьков,
Дядя Лёня встретит маму в Хомутовке.
Мама привезет отцу набор крючков,
Мне — конфет, печенья, книжку и обновку.

Ну какой тут сон? Бегу себе, бегу
 Мимо речки, мимо клубной кинобудки...
 Я бегу, и надо мной бегут, бегут
 Облака гуськом, как бабушкины утки.

АВГУСТ

Вздохнув, калитка всхлипнет тихо,
 Проснется август во дворе
 И выйдет в сад, где облепиха,
 Две вишни, яблоня, сирень.

Там теплый ветерок украдкой,
 Пройдя высокую траву,
 Читает старую тетрадку,
 Почти всегда одну главу.

Над садом Млечный Путь скисает.
 Сад шелестит в ночи листвой.
 И громко яблоки бросает
 На крышу душа домово́й.

Мелькнув в окне, луна в портъере
 Запутается до утра.
 Там спицы в старом шифоньере
 Неспешно вяжут свитера.

От нарастающего гама
 Шмелей, таскающих пыльцу,
 Проснется на рассвете мама,
 Чтоб завтрак собирать отцу.

* * *

Залозье — хутор за речкой. Срежешь пару лозин,
 гонишь коров на пастбище, в траве кузнечик строчит.
 Или на велике, помню, ездили в магазин,
 а обратно везли хлеба горячие кирпичи.

Подъезжаем к речке, а там дядька и мой отец,
 сидят, ловят рыбу, курят. Каждый себе на уме.
 Я трясусь на багажнике «аиста». Лету конец.
 И у меня самый звонкий, такой залиvistый смех.

И по кочкам, по кочкам... батя уже вдалеке.
И вот уж Стрекалово. Баб Нюра идет за водой.
Ребята меня ссаживают, и я бегу налегке
мимо старого клуба, где тополь растет молодой.

Каникулы кончатся. Я уеду. Пройдет сто лет.
А когда вернусь сюда, здесь все будет уже не то.
Нет Залозья, баб Нюры и даже «аиста» нет,
и только тополь старый стоит. Стоит старый то...

* * *

Мой дом уже из виду скрылся.
И ель и сад едва видны.
Июнь в провинциальном Рыльске.
Билет студентам — в полцены.

Набитый до отказа «пазик»
Шумит, как улей, вразнобой.
Студенческие годы — праздник,
Который не всегда с тобой.

Вот думаешь: окончу скоро
Свою шарагу и — сорвусь.
Прощай, провинциальный город!
В Москву! В Москву!

Но перебесишься, и вскоре,
В Москве оттарабанив год,
Тебя в провинциальный город
Знакомый «пазик» привезет.

* * *

В храме Егория, после крестин,
тихой молитвой согрет,
разоблачившись, отец Валентин
долго стоит в алтаре.

Все разошлись. Только сторож да он
да по стенам образа.
В Северо-Западный микрорайон
ехать всего полчаса.

Вот он и едет. И смотрит в окно.
 Жизнь как песок на весах.
 А полчаса долго тянутся, но
 что для него полчаса?

* * *

В широких парусиновых штанах
 На улице Сумской, в кафешке «Южное»,
 Сижу. Сосед из города Талнах
 В стакан подруге подливает «южное»

И что-то шепчет ей про холода,
 Про то, что с нею он начнет все заново.
 — Ешь бутерброд. — Да я не голодна.
 И все напоминает фильм Рязанова.

Официант чихнет. — Э-э-э, будь здоров, —
 Сосед обронит. Но за кадром хитро
 Уж сочиняет музыку Петров,
 Чтоб на нее легли красиво титры,

Чтоб мы втроем, допив свое вино,
 Вошли в трамвай и сели у окошка
 И чтобы жизнь, как будто бы в кино,
 Туда-сюда мелькала понарошку.

* * *

То зайкой скачешь, то поешь щеглом,
 То чеховским медведем ночью бредишь...
 И где-то на гастролях под Орлом
 Напьешься, плюнешь и домой уедешь

Как есть, в чужих усах и бороде,
 В костюмчике старинного покроя...
 А где артист такой-то? — Да нигде.
 Ушел в запой. — Бывает и такое.

Бывает. Правда. Все Шекспир соврал:
 Мир не театр, а большая свалка.
 Ну кто из нас гастролей не срывал
 Вот так, сплеча, чтоб никого не жалко?

...На третий день заявишься домой
И в зеркало согласишь — битый гамлет.
Лишь Станиславский в раме за спиной
Чего-то там несвязное проямлит.

* * *

Спустился к реке. Вот река. На реке рыбаки.
Надвинули шапки на лбы. Спиртом греют нутро.
Посмотришь на эту картину: ныряют кивки,
И плещется рыба: то золото, то серебро.

И эта картинка, как в мультике, — бамц — и замрет.
Глядишь, а над каждым по огненной сфере висит.
Считаешь: раз, два... — как в считалке... Двенадцать. И вот
Развернется небо, и глас имена огласит:

Иаков, Матфей, Иоанн, Пётр, двое Иуд...
И кто там еще? Буду долго затылок чесать...
А их то ли к ужину верные жены зовут,
А то ли Господь призывает творить чудеса.

* * *

Позвоню: — Что нового?
— Ничего.
По деревне хоть голым весь день скачи.
Пошумим на Пасху, на Рождество,
В основном по домам сидим, как сычи.

И я сразу представляю и тишину,
И поземку, вьющуюся к крыльцу,
И собак, мечтающих на луну
Улететь. И все расскажу отцу.

Он смеется в трубку: — Ну приезжай,
Посидим покурим, поговорим...
Хорошо, что праздники — Первомай.
И простор за деревней — необозрим.

Вот за фермой — лес, а за лесом... гам,
Вроде трасса проходит. Да что гадать —
Тарахтят машины. — Ну как вы там
В Курске, сын?
— Да так, потихоньку, бать.

Мы закурим. И будем считать столбы.
Вот ведь линия как проводов идет —
От его судьбы до моей судьбы,
А потом, как в сказке, — наоборот.

* * *

Вот и снова приходят мои бабка с дедом.
Говорят со мной. Каждый смирно сидит на стуле.
— Ты опять не вымыл руки перед обедом?
— Ты опять натошак курил? Не кури, унулик.

У деда палка в руке. Кривая пастушья палка.
У бабули в руках решето, а в кармане пряник.
Вот ведь, жизнь моя, детская глупенькая считалка.
А я думал, что это праздник.

А я думал... Слышу: — Ты думал? Индюк тоже думал.
Не спеши делать выводы. Кто бы там воск ни плавил,
Только Бог задувает свечи. Но Он огонька не сдунул.
Только Пётр отпирает рай, а с мечом ходит Павел,

А еще трубит... Впрочем, сам почитай Иоанна.
Ты, поди, читал? Значит, знаешь все. Вот и будя.
И потом их за ниточки вверх осторожно тянут,
И они исчезают, и снова приходят люди.

Только что-то не то. Под окном не трамвай, а поезд.
И в руке у меня кривая пастушья палка.
Я захожу в эту реку, и мне все время по пояс.
И ничего не жалко.

Григорий КРОНИХ

ЦЕРКОВЬ СЛУЖАЩИХ

Р о м а н

1.

— Ну что за едришкин шиш! — Лиза запустила пятерню в утренний ирокез. Что за волосы! Даже короткая стрижка деловой женщины с утра дыбом стоит. А еще короче стричься она не может, потому что ее должность не только деловая, но и государственная — руководитель пресс-службы мэрии. Чиновникам всяческие крайности противопоказаны. Вот мэр Путята — всем был хорош, народ Путяту любил, но когда его в Кремле пару раз перепутали с известным комиком Хлоповым и попросили автограф — всё, кончилась карьера. И хоть с тех пор много воды утекло и комик известность потерял, пропал куда-то, но карьера бывшего мэра — ни с места. Он даже в прошлых выборах участия не принимал. Вроде собирался, да что-то передумал. Отпустил бы, что ли, уже бороду да двинул по патриотической колее. Он так долго сидит в засадном полку, что тот уже стал запасным!.. Впрочем, не ей пенять конкуренту шефа на недостаточную активность накануне выборов. В этот раз Путята, правда, выдвинулся, но с мизерными шансами на успех. За десяток лет горожане о нем почти забыли. Вот и славно, одной заботой меньше. Балашков, кстати, все равно нервничает — побаивается даже такого соперника. «Мейнстрим этих выборов будет на моей стороне», — сказал он. А Лиза заметила, что слова в голове мэра особенно путаются в момент волнения.

Эта прическа, вспомнила Лиза, орудуя щеткой, даже за время свидания умудрялась растрепаться. Хотя, надо признать, последние встречи были весьма бурными и продолжительными. Тут уж не волосы, тут Эдик виноват. Он так старался... Довольная улыбка растянула ее губы. И сегодня еще встретимся... и *растреплемся*, с удовольствием подумала Лиза о намеченном свидании.

Жаль, что хоть нынче и суббота, а перед свиданием нельзя выспаться и отдохнуть. Ну да что тут поделаешь, работа такая. И сегодня общегородской осенний субботник. Раньше, до мэра Балашкова, субботник был один — традиционный весенний. А теперь их два, и горожане к этому уже

привыкли. Особенно сотрудники мэрии. Они дружно во главе с Балашковым дважды в год выходят и с энтузиазмом метут сквер, расположенный рядом с мэрией. А местные телекомпании с не меньшим энтузиазмом делают об этом репортажи с участием городского главы. Получается пиар мэра. А как получается — это уже профессиональная тайна...

Хватит причисываться, все равно Эдик растреплет... Лиза покрутилась перед зеркалом. Очень даже хороша. Формы чуть пышноваты, зато сложена пропорционально... и линия талии далеко еще не утрачена. «Рельеф для женщины — как экстерьер для собаки», — учил когда-то ее, молоденькую, любовник гораздо старше. Старый ты... Лиза снова улыбнулась: воспоминания молодости тоже были приятны. Я счастливая женщина, подумала вдруг Лиза, если молодость приятно вспомнить, о ближайшем будущем приятно помечтать — что еще надо? Только стабильности этого положения. Прошлое неизбежно, а вот будущее... Балашков к ней благоволит, с коллегами отношения ровные, с одним закрутился тайный страстный служебный роман. Даже сильно тайный. Когда вчера в том самом сквере, который сегодня они с мэром будут мести, открывался фестиваль скульптуры «Каменная поэма», они с Эдиком стояли на трибуне рядом. В какой-то момент Лизе захотелось взять любимого за руку. Она, конечно, сдержалась и ничего более, чем приветливое выражение лица, как коллегам положено, не изобразила. Зато Эдик посмотрел так, словно она пустое место! А она не пустое, с ней не то что начальники департаментов, с ней и вице-мэры любезно раскланиваются. В том числе и те, кто терпеть ее не может. Так что не следует Эдику конспирироваться до такой степени, чтобы подумали, что между ними что-то есть. А уж вражда или любовь — опытные носы обязательно вынюхают. Чем это отзовется — наперед не угадаешь, поэтому лучше вести себя ровненько.

Лиза поморщилась на неприятное воспоминание, быстро позавтракала, подкрасила глазки, губки — и была готова ровно за полчаса до назначенного времени. Достаточный запас, чтобы быть уверенной в том, что служебная «Волга» ее уже ждет.

2.

Сквер рядом с мэрией был усеян не только трудолюбивыми сотрудниками мэрии, но и мраморными заготовками самых разных, но всегда внушительных форм. Эти глыбы приволокли сюда не случайно. С завтрашнего дня над ними будут колдовать тринадцать скульпторов, съехавшихся из разных городов страны для участия в «Каменной поэме». Они высекут изваяния, а хозяйственное управление мэрии щедрой рукой расставит их по зеленым уголкам города. Это мероприятие придумал еще Путята, и традиция осталась даже с приходом мэра Балашкова. Официально его организацией занимается клуб «Фонарь Диогена», где Путята является президентом. Видимо, в честь заслуг экс-мэра ему позволили каждый год собирать и проводить этот фестиваль скульптуры. Традицию

не прервал даже один прискорбный случай, который получил огласку благодаря своей пикантности. Один мажор по фамилии Иваньков, кажется, зашел в кусты Центрального сквера по надобности да столкнулся там лицом к лицу с белой каменной бабой. С перепугу он даже штаны расстегнуть не успел. А уже потом, на выходе из сквера, его за мокрые брюки задержал милиционер; а после сбивчивого рассказа в отделении о белом бабьем призраке без глаз (скульптура была выполнена в античном духе) за ним приехала «скорая помощь» и отвезла в сумасшедший дом. Лечился Иваньков долго, но все насмарку: как только увидит женщину в белом, лечащего врача например, а то и просто блондинку, сразу на его брюках расплывается мокрое пятно. Выкарабкался Иваньков в тот момент, когда в отделении вдруг вместо белых халатов приказали носить голубые. Говорят, это Иваньков-старший постарался. А перед Иваньковым-младшим, пострадавшим от блондинок, встал вопрос — как сохранить свободу? Сначала он решил стать байкером или готом, чтобы вокруг даже халаты были черными. Но помешали блондинки — они же всюду, особенно пергидрольные! Тогда Иваньков плюнул на брутальность и вступил в черно-розовые ряды эмо. Теперь даже если с ним случится какой-нибудь конфуз, то его легко объяснить повышенной эмоциональностью.

Забавно, что его папаша сам является членом «Фонаря Диогена» и каждый раз произносит прочувствованную речь на торжественном открытии «Каменной поэмы». После истории с сынулькой спичи стали даже пафоснее, видимо, потому, что его семья принесла «Поэме» самую дорогую жертву. Не считая, конечно, другой истории, когда один пьяница, пересекая парк по диагонали, впечатал Porsche Cayenne в скульптуру «Диоген в бочке». Бочку Диогену аккуратно забетонировали, а вот Porsche, перейдя в категорию металлолома, стал дешевле в сто тысяч раз. Капитализация мажора Иванькова, в общем, осталась без изменений, так как и до, и после описанных (каламбур вышел!) приключений не превышала стоимости металлолома.

Но эти истории нисколько не дискредитировали полезное начинание по снабжению города скульптурами. Их, как узнала недавно Лиза, за прошлые годы расставлено по паркам уже сто штук. На этой ровной цифре энтузиазм не угас, и очередные тринадцать изваяний нынче должны пополнить белокаменные ряды.

На открытие фестиваля традиционно собирались не только друзья Путятя (все — члены клуба «Фонарь Диогена»), но и крупные чиновники мэрии, и даже сам Балашков. Несмотря на длительную отставку, Путятя сохранял какой-то политический вес. Лиза долго искала этому объяснение и решила, что ситуация похожа на международный ядерный паритет. Как известно, государства, обладающие ядерным оружием, побаиваются и уважают друг друга, несмотря на то что никто из них применять его вроде не собирается. Так и чиновники определенного ранга — они обладают атомной силой компроматом друг на друга, но не могут его использовать, поскольку дела-то они делали вместе. Но это правило действует с оговоркой: «Когда каждому есть что терять». Проиграв-

шего нельзя загонять в угол, поэтому у Путяты есть не только свой клуб «Фонарь Диогена», где кучкуется теневое правительство города и «запасной» бомонд, но и вполне устойчивый и доходный бизнес. Здесь присутствует и нравственный императив: нельзя доводить человека до состояния, когда он решит, что для заработка все средства хороши.

3.

Сотрудники пресс-центра уже вооружились метлами и получили участок — от прямоугольной мраморной глыбы до квадратной, длиной семьдесят шагов, шириной тридцать восемь шагов. Об этом Елизавете доложил ее новый заместитель — Алексей Иванович Василевский. Он пытался рапортовать также о количестве полученных метел и совковых лопат, но Лиза его остановила. Станный он, Алексей Иванович, ни в чем меры не знает! Ей и про его шаги знать не надо. А надо через полчаса собрать телевизионщиков в намеченной точке, дожидаться мэра, вывести его на телекамеры с метлой (инструмент — одна штука, дорожка не больше десяти шагов) так, чтобы он мог сказать два слова о субботнике. И на сегодня ее служебный долг будет выполнен. А пока есть свободных полчаса, она сама может попозировать с метлой пресс-центровскому фотографу Славе. При всей ее пышности, Лиза удивительно фотогенична, чем очень гордится.

Но фотосессии не получилось. Как оказалось, участок пресс-центра примыкал к участку департамента имущественных отношений. И его противный начальник вдруг решил навестить соседей. Шибанюк — квадратный, как мраморная глыба, лысый, как скульптура, с каменным же лицом и очень умными подвижными глазами. Контраст был так велик, что казалось, будто из-за каменной маски на тебя смотрит кто-то другой. Лиза поежилась, но тут же взяла себя в руки и улыбнулась. Каменные губы тоже растянулись в оскал — такой любезности со стороны господина Шибанюка Лиза еще не видала.

- Здравствуйте, Елизавета Яновна.
- Доброе утро, Сергей Валентинович.
- Повезло сегодня с погодой.
- Так для природы же и стараемся.

Лиза в присутствии Шибанюка чувствовала неловкость, особенно в последнее время. Она знала, что раньше существовал объединенный департамент земельных и имущественных отношений, который потом разделили. И Эдик, бывший зам Шибанюка, стал начальником по земле, а Сергею Валентиновичу досталось имущество. Конечно, Шибанюк был пристрастен к бывшему заму, получившему внезапное повышение. Кроме того, недвижимость всегда стоит на земле, и часто разделить интересы двух департаментов было очень сложно. Короче, Эдик не любит Шибанюка, а Лиза любит Эдика. Значит, ей Шибанюка любить не за что. Но и ненавидеть тоже — Лизе он ничего плохого пока не делал.

— Это шутка? — переспросил Шибанюк. — Я вас, журналистов, не всегда понимаю.

— Я, Сергей Валентинович, чиновник, как и вы, и в мою задачу входит как раз, чтобы журналисты вас не обижали.

— Да меня вроде не обижают... — пробормотала глыба и замолкла.

— Я хотела сказать, что обидно, когда тебя коллеги считают каким-то шпионом.

— Да я понял.

Зря я стала оправдываться, подумала Лиза. Он же не дурак, просто прикидывается, прячась за своей каменной мордой.

— Я специально выбрал место, чтоб никто не услышал... — Шибанюк стоял рядом, говорил негромко и на Лизу даже не глядел. И хорошо, а то она могла бы себя выдать. — У меня к вам деловое предложение, Елизавета Яновна. У меня рамсы с одним нашим... и вас он тоже, как я заметил вчера на открытии «Каменной поэмы», недолюбливает. Поэтому я и решился. Помогите мне наказать Эдика Кленовязова... — Тут Лиза вздрогнула. — Я готов заплатить за помощь тридцать тысяч долларов. Дело серьезное, с ответом не тороплю. Но управиться надо до выборов — чем дольше будете думать, тем плотнее потом придется работать.

— Вы так говорите, словно не сомневаетесь... — выдавила из себя Лиза.

— Вы его плохо знаете, а жалеть его не надо, я, как его бывший начальник, за ним много грешков помню. Как он с ними в начальники департамента выбился — удивляюсь. Если согласитесь, то я компромат предоставлю. И деньги хорошие, и такой партнер, как я, вам в будущем пригодится. Наши департаменты после выборов, скорее всего, снова объединят, а кто возглавит? То-то же. Подумайте, вы же профессионал, ходы-выходы знаете, работа несложная и высокооплачиваемая!.. До свидания.

— До свидания, — молвила Елизавета, сама не своя.

Не было хлопот, так приехала баба на субботник. Хотя... при чем тут субботник, не в нем же дело... Лиза так ошалела, что никак не могла собраться с мыслями. Вот если бы он ей эти деньги в карманы совал, она бы их ему в каменную морду швырнула! Лиза представила эту картину: Шибанюк исподтишка засовывает ей деньги, она выхватывает эту пачку... нет, две здоровые пачки и швы... у-у, какие здоровые пачки!.. Тьфу ты! Только когда пачки мысленно стали потоньше, Лизе удалось мысленно швырнуть их в Шибанюка.

Все, стоп, решила она. Сергей Валентинович прав, надо хорошо подумать, а сейчас некогда. Пора мэра выводить на финишную прямую перед телевизионщиками.

Все в этот день шло наперекосяк. Мэр явился на субботник в каком-то лыжном костюме, а на голову нацепил вязаную шапочку с помпончиком и никак не хотел ее снимать, хотя его шевелюре Шибанюк, например, мог только позавидовать. Лиза в конце концов плюнула и решила, что так будет даже демократичнее. Затем мэр стал мести листву, но не по прямой, где в конце дорожки обосновались телевизионщики, а куда-то в кусты, мимо камер. Пришлось трижды повторять, пока операторы не сказали, что им для картинки и так сойдет.

Потом Балашков встал в третью позицию, обнял метлу и произнес речь:

— Чистый город... все горожане как один... все чиновники, как и горожане... нам и нашим внукам тут жить... («А детям — не жить?» — успела удивиться Лиза.) Сделаем чище, комфортнее и богаче, и для этого я не только лично мету, но и лично руковожу бюджетным процессом и отметаю все лишнее...

Хорошо хоть, не стал показывать, как он это с бюджетом делает.

Лиза еще раз охнула и попросила журналистов этот момент из репортажа исключить. Потом она велела Василевскому остаться на субботнике до конца и все проконтролировать. «Так точно!» — ответил заместитель и даже пытался щелкнуть каблуками, но на ногах у него оказались какие-то доисторические кеды и звука не получилось. Он, как и мэр, был одет по-спортивному, и Лизе это почему-то не понравилось.

Она сначала хотела поехать на телестудию к Камилле Алексеевне — пообщаться о том, как показывать мэра в новостях в предвыборный период, но потом решила не ездить — не горит. А горит предложение Шибанюка. Тут, чтобы отрезать, надо сто раз отмерить.

Лиза вернулась домой и стала готовиться к скорому уже свиданию.

4.

Тридцать тысяч баксов — деньги очень хорошие, да и пришлось бы кстати: надо квартиру подремонтировать, в отпуск после выборов съездать, отдохнуть хорошенько, а собственных средств у Лизы недостаточно — не умеет она экономить. Случаются сторонние поступления, но и они растворяются в общей массе расходов. В общем, что тут рассусоливать — деньги вечно нужны. Но еще вопрос, какую цену за них придется заплатить... Во-первых, не провокация ли это... Может, ее банально проверяют. Или это честное предложение профессионалу. Шибанюк известен тем, что в союзы и коалиции не вступает, он одиночка. Лиза ему ничем не насолила, и злиться на нее он не должен. О ее связи с его врагом Эдиком Сергей Валентинович не догадывается, иначе бы предложение вообще не прозвучало. Видимо, Эдик ему чем-то помешал, и Шибанюк решил его шибануть. Они пересекаются постоянно, взять хотя бы этот сквер со скульптурами — он же предназначен под застройку, но там размещено небольшое административное здание, принадлежащее мэрии. Вот и пересечение интересов. А бизнесмены переговоры ведут с одним чиновником и не понимают, что платить надо не одному, как раньше, а сразу двум департаментам. Может, Эдик уже и получил свое, а с бывшим шефом не поделился? И Лизе — ни слова, ни копейки. Он, жмот, даже в ресторан ее ни разу не водил — конспирацию, говорит, необходимо соблюдать. А цветы, а подарки — тоже конспирация не велит?! Жадюга этот Эдик. Получает от нее что хочет — и все бесплатно.

Кроме того, Лиза слышала о планах по изменению структуры мэрии, тут Шибанюк правильно о будущем задумался. А в ней он видит,

скорее всего, профессионала, который может стать платным союзником. Чистый бизнес.

Подтопить Эдика, пользуясь ресурсами пресс-центра и связями в СМИ, конечно, можно, дело это не архисложное. Но в последнее время Лиза вынуждена постоянно учитывать возникший недавно фактор — заместителя Василевского. Алексей Иванович был «парашютистом» — его Лизе спустили сверху, а кто рекомендовал (или навязал) — знает только мэр. Кроме того, Василевский — варяг, приехал из другого города, и Лиза не смогла навести о нем справки. Сам Василевский о личном почти ничего не рассказывал. Ведет он себя как-то странно, да и выглядит... Чего стоит одна платиновая челюсть, которой он гордится, — «подарок командования». Еще он задает все время вопросы... странные, религиозные какие-то. Лиза решила, что зам — контуженый офицер с какими-то непрофильными (не военными, а гражданскими) связями. При этом — активный и любознательный. А это может помешать, если она начнет вести кампанию за или против кого-то. Подозрительный он, одним словом.

Осенний вечер наступает быстро, и под покровом первых сумерек явился конспиратор Эдик. Правда, чуть ли не впервые — с цветами. Это не могло не радовать. А вот второй подарочек Лиза не знала, как расценить. Торт, при ее пышных формах, это издевательство? А то, что низкокалорийный, — оскорбление и намек? Будем считать, что это лишь начало... и дальше подарки станут более однозначными — компактными и дорогими. Она, надо сказать, вовсе не меркантильна, просто то, с какой суммой готов расстаться кавалер, безусловно говорит о силе его привязанности.

Лиза обрадовалась цветам больше, чем торту, но никакого недовольства не выказала, а провела гостя к накрытому столу. Пока они закусывали, в голову опять полезли всякие мысли. Тем более что Эдик был голоден и неразговорчив.

Впервые за пару месяцев, что они встречались, Лиза посмотрела на их связь отстраненно. Насколько глубоки чувства обоих? Можно ли об этом судить после двух десятков свиданий, если большую их часть они провалялись в кровати? В сущности, она еще очень мало знала Эдика, да и сама с собой еще не определилась — дорог ли ей Кленовязов? Готова ли она в отдаленной перспективе (мало ли как повернется) стать мадам Кленовязовой? Может, и да... Дорог ли он ей сейчас? Стоит ли он той кругленькой суммы? В данный момент, благодаря Шибанюку, их любовь обрела цену — тридцать тысяч долларов. Это много или мало? Или равно? И насколько искренен Эдуард в проявлениях чувств?..

Эдик перестал есть и набросился на нее. Она и опомниться не успела, как оказалась на диване вверх ногами. Хорошо хоть, платье праздничное не надела, а то жалко было бы мять. А остановить его у нее бы рука не поднялась: он хоть и стремительный, но нежный и очень умелый. И это старт у него стремительный, а сам процесс вполне стайерский...

Лиза на какой-то момент потеряла способность думать связно. Слова остались только отрывистые и описывающие состояние от приятного до блаженного: о-о, ка-ак хорошо-о!..

Эдуард, утолив голод, повалился на подушку и затих, кося благодарным глазом. Лиза медленно собралась с мыслями, и в голову опять полезло черт-те что.

В конце концов, почему он к ней подкатился, а не к какой-нибудь там... Она еще молода, хороша собой, но и он не стар — сорок лет всего, собой видный, при хорошей должности. Разве ему трудно сыскать какую-нибудь «модель человека» ростом метр восемьдесят пять? А может быть, и нашел: с той он ходит по ресторанам и дарит норковые манто, а с ней... Не слишком ли быстро она ответила взаимностью? Ценит ли он это? Вдруг у него тоже есть деловое предложение, просто он предпочитает расчет натурой, а деньги, в отличие от Шибанюка, на нее жалеет, отдает все сопернице... Как бы это проверить?..

Все эти мысли сбивали настроение, и Лиза хотела уже встать, но Эдик потянул ее за полу так и не снятого халатика. Тут он торопиться уже не стал, снял халатик и сделал все по полной программе. Лизе казалось, что рук (по крайней мере, пальцев) у него вдвое больше, чем у обычного человека. Она вертелась на диване, совершала какие-то плавные кульбиты и снова погружалась в сладкое беспмятство. Ох какой же он хороший любовник! Где ж она еще такого возьмет... Такие раз на миллион, на два миллиона один раз встречаются! Нет, не будет она его за тридцать штук продавать, самой еще пригодится. Какой же он неутомимый!.. Узнай кто об этом, так от желающих стать мадам Кленовязовой отбоя бы не было.

— Тебе не кажется, что быть атеистом в настоящий момент не актуально?

Ничего себе вопросик! Он подействовал на Лизу как ледышка за шиворотом. Она заелозила и села.

— Это ты к чему?

— Ну ты к религии как относишься? Положительно?

— Не отвергаю. Ну, христианскую, конечно... Эдик, что за вопросы?

— У нас такая работа, что иногда голову прямо сносит.

— Это да, — подтвердила Лиза.

— Тут любая ересь может в голову... то есть, невольно во что угодно можешь поверить. Особенно в понедельник.

— Понедельник только послезавтра.

— Я знаю, — сказал Эдик. — Тебе никогда не казалось, что наша работа — это такое подвижничество? Живем по ритуалу, все время на измене, словно на передовой, а с кем воюем — непонятно. А придется голову сложить — в смысле, должность потерять, — так и не знаешь, за кого и почему. Тебе так не кажется?

— Что за чушь, Эдик? Ты что, переработал? Что за припарка после бани?

— Я с тобой о серьезных вещах хотел поговорить... Да иди ты...

— Не обижайся, милый. — Лиза привалилась к Эдику и стала его поглаживать. — Я просто не поняла, — прошептала она грудным голосом. — Я, наверное, все-таки атеистка.

— Вот и хорошо.

Эдик размяк под ее руками, а потом перехватил инициативу. Больше он дурацких вопросов не задавал — закрутил, завертел, навалился большим горячим телом, и Лиза опять сомлела...

— Мне было очень хорошо, мышонок! — сказал вдруг Эдик, отправляясь в ванную, и хлопнул ее по попке.

Лиза словно попала под контрастный душ. Такого раньше не было, да и какой она ему мышонок — с такими-то формами... Ни с кем он ее, случаем, не попутал?

Все окончательные решения были тут же отменены.

5.

Утро понедельника выдалось дождливым, но никто из служащих этому, наверное, не удивлялся. Впрочем, у Лизы, ехавшей на работу, настроение было вполне радужное. Во-первых, дождь в служебной машине ей не мешал; во-вторых, выходные (особенно свидание с Эдуардом) зарядили ее позитивной энергией. Подумаешь, Эдик «мышонок» назвал — подозревать измену из-за одного неуклюжего комплимента глупо. Он же не филолог какой-нибудь, ему речевые тонкости по барабану. Простой конкретный мужик, управленец с техническим образованием — его по делам надо судить, а не по отдельным словам. А в делах постельных он хорош...

Радио в машине выбалтывало новости, и Лиза профессионально ловила информацию. «Чертова дюжина шедевров пополнит парки нашего города, сообщает пресс-центр мэрии. В минувшую пятницу открылась тринадцатая «Каменная поэма» — традиционный ежегодный фестиваль каменной скульптуры. На открытии, которое состоялось при большом стечении горожан, присутствовали представители творческой интеллигенции, члены клуба «Фонарь Диогена», а также официальные лица во главе с мэром Антоном Балашковым. Пообещав, что по окончании фестиваля парки города украсят тринадцать новых скульптур, Антон Александрович открыл «Каменную поэму». Стартом мероприятия стала символическая первая насечка на камне, сделанная мэром с помощью кувалды и скарпеля».

Вот балбес, беззлобно подумала Лиза об авторе пресс-релиза. Игорь Свистун был новым сотрудником пресс-центра, числившимся куратором департамента земельных отношений, но работавшим стажером. Он пришел в мэрию из криминальной журналистики и поначалу пытался в качестве делового костюма использовать джинсовую куртку, отороченную бахромой. Пришлось ему сделать замечание. Прежний журналистский стиль требовал изменения не только в одежде, но и в текстах. Лиза представила к нему опытную сотрудницу Анжелу, но та, видно, его опусы вообще не читает. Надо ей всыпать.

Но прежде всыпали самой Лизе. Ее благодушное настроение рассыпалось на утренней летучке у мэра, где присутствовали практически все руководители подразделений. Разогревался мэр на дорожниках (ямочный ремонт и пробки) и образовании (мало школьников согнали на субботах), а потом неожиданно налетел на Лизу.

— Почему мы торгуем землей не в срок? Кто срок установил? Кто нарушил, а, Лизавета? Я тебя спрашиваю! Я узнаю об этом от прокурора! Почему? Когда я несу ответственность! Персональную! Что молчишь?!

Вот бы ты с таким задором свои предвыборные речи произносил, подумала Лиза. Перед телекамерой он бюджет отмечает, а тут — так пожалуёйста... Спасибо, хоть без матов. Хотя с ними было бы более складно.

— «Городские новости» нарушили договоренность и опубликовали объявление о торгах на день позже. Поэтому срок был нарушен.

— Газета виновата?

Лиза поняла, что мэру хочется наказать кого-нибудь, и немедленно. Она пустила в ход последнюю отмазку:

— Я проверила сроки поступления материала из департамента. Информация из профильной комиссии пришла на два часа позже срока. Поэтому мы не успели вовремя передать ее в газету.

Эдик, сидевший наискосок, на нее даже не взглянул.

— По моим сведениям, Елизавета Яновна, документы из комиссии департамента были переданы в срок. Я в этом уверен, — твердо сказал он.

— А я... — начала ошеломленная Лиза, но ее перебил мэр.

Глянув оценивающе на спорщиков, Балашков остановился на Лизе:

— А ты выговор получаешь! Еще раз такое повторится — и я тебя... я тебе... я тобой... В общем, ты поняла.

Лиза сидела с окаменевшим лицом. Все невысказанные мэром метафоры и образы легко читались по ухмылкам, скользнувшим по лицам коллег. Вот так можно возненавидеть всех мужиков. Одного-то уж точно.

— Насколько я помню, мы решили выпускать вместо газеты «Вестник»? Где он, Лизавета? Чтоб через месяц был! — добавил мэр.

Затем Балашков, слава богу, переключился на другую тему. Лиза с ненавистью глядела на ухо Эдуарда, преданно внимавшего мэру. Она с трудом дотерпела до конца летучки и быстро ушла в свой кабинет, чтобы никто не увидел увлажнившихся глаз. Кабинет располагался недалеко от мэрского, поскольку они с шефом часто общались. И вообще, какая муха его укусила? Про «Вестник» говорили давно, запланировали — только всему своя черед.

Последний месяц Лиза была вынуждена делить свой кабинет с замом, потому что его собственный ремонтировали. Сейчас Василевского, к счастью, не было. Лиза заперла дверь на ключ, достала подаренные кем-то конфеты «Комильфо» и с ходу умяла половину.

В дверь кто-то постучал. Эдик, сволочь?.. Лиза не отозвалась.

Надо было подумать. Она взяла еще конфетку, плеснула в чашку холодного чаю. Оргазм проходит, а деньги остаются, подумала она. Шибанюка нынче на планерке не было. Вот бы он удивился после сегодняшней подставы, если бы она отказалась от денег! Хотя шансов за это уже немного. Есть и еще один довод: стоит отказать Шибанюку, как у Лизы совершенно бесплатно появится очень опасный враг — умный и коварный, начальник одного из ключевых департаментов мэрии. Это

весомо... Но как взвесить все эти аргументы, на таких универсальных весах, чтобы понять — оставить любовника или брать тридцать тысяч?

Похоже, для Эдика собственные интересы важнее, — как он ее сейчас подставил перед мэром! Логично ответить ему тем же. Но вдруг Эдуард может как-то оправдаться? Его все равно нужно выслушать. Или не нужно?

Эдик сам начал оказывать ей знаки внимания — без всякого адресного кокетства с ее стороны. За все время он ни разу ни о чем ее не попросил. Получается, он относится к ней искренне? Тогда почему сегодня не прикрыл перед мэром? Лиза, конечно, соврала — ничего она не проверяла, вполне возможно, что сотрудники Эдикова департамента все сделали вовремя. Но разве он не мог сказать, что ошиблись они, а она не виновата?

Как бы его проверить на вшивость, чтобы окончательно убедиться в правильности своего выбора? А выбор делать придется. Если война между Шибанюком и Кленовязовым разгорится всерьез (а предложение тридцати тысяч баксов не оставляет в этом никаких сомнений), то Лиза попадает меж двух огней. От этого конфликта можно было бы дистанцироваться, но только если бы с самого начала противники были от нее равноудалены. А она подпустила Эдика так близко, что ни о каком нейтралитете в войне с его участием речи быть не может. Если Лиза кинется защищать Эдика, то потеряет деньги и наживет врага. А если не будет его защищать, он ее бросит и она потеряет отличного любовника совершенно бесплатно. В любом случае к военным действиям нужно готовиться, а для этого нужны солдаты. Даже солдат: пока хватит одного, стойкого и с оловянной головой. А где его взять? Со стороны призвать или воспитать в своих рядах?

Коробочка конфет была такая маленькая, что когда оказалась съедена половина конфет плюс одна, то остатки стали выглядеть жалко. Лиза взяла еще одну и убрала коробку с глаз долой, после чего отперла дверь и села за стол — перебирать рекрутов.

6.

Рядовые сотрудники пресс-центра располагались в двух комнатах на соседнем этаже. Лиза спустилась туда и в коридоре наткнулась на Игоря Свистуна, одетого теперь в приличный темный костюм, но с галстуком, съехавшим набекрень.

— Здравствуйте, Игорь.

— Здравствуйте, Елизавета Яновна.

— У меня к вам вопрос, Игорь. Вы ведь профессиональный журналист, вас разве не учили перечитывать написанное?

— В каком смысле?

— В прямом: если пишете чушь, то нужно хотя бы ее перечитывать, а не публиковать сразу!

— Да в чем дело-то? — все недоумевал Игорь.

— Вы в пресс-релизе написали, что мэр кувалдой ударил по этому, по скарпелю... Вы понимаете, что вы натворили?

— Еще нет, — честно признался Свистун.

— Вы одним словом дискредитировали нашего мэра!

— Каким?

— Вы что, издеваетесь?.. Вы поставили рядом слова «мэр» и «кувалда» — и нанесли этим удар по имиджу Антона Александровича! Вы его практически разрушили!

— Одним словом?

— Представьте себе! Я допускаю, что вы новый сотрудник, но вы же должны понимать, что «кувалда» и «мэр» — слова несовместимые! — Лиза в этот момент старалась испытывать такой же праведный гнев, как Балашков на летучке.

— Но почему? — упрямылся Свистун. — Кувалда и скарпель для скульпторов профессиональные инструменты. Когда мэр с метлой позирует на субботнике — метла его не дискредитирует?

— Метла — нет. Метла — это другое дело. Это ж субботник! — твердо сказала Лиза.

— А здесь скульпторы, они работают таким большим молотком, который называется кувалда.

— Я знаю, что и как называется! — взвизгнула Елизавета. — Вы мэра дискредитировали! Понимаете?..

— Нет, — ответил Игорь твердо. — Не понимаю.

— Вас, Игорь, за это уволить можно.

Свистун пожал плечами:

— Увольняйте, если хотите.

— Игорь Петрович, вы хоть вину свою признаете?

— Нет.

Вот упертый какой! Менты, что ли, научили этого журналисту так на допросе держаться? С ним надо еще поработать, решила Лиза и нырнула в ближайшую комнату пресс-центра. Оттуда донесся ее пронзительный голос:

— Вы понимаете, Лена, что вы натворили?!

Игорь за начальницей не пошел, хотя первоначально направлялся в эту же комнату. Он стянул через голову галстучную петлю-удавку, достал сигареты и медленно двинулся в курилку.

Ангела настигла его уже на половине сигареты.

— Что случилось, Игорёк? — спросила она с порога. — Только учти, ты не виноват!

— Я надеюсь, — сказал Игорь, которому напор Елизаветы задним числом уже не казался совершенно беспочвенным. — Постой, ты же не знаешь, что было... Тогда почему...

— Я крик слышала. Но ты не виноват.

— Откуда ты знаешь? Елизавета говорит, что я там что-то не так написал с кувалдой...

— Неважно, что она говорит. Во-первых, пока ты стажер, за твои ошибки отвечаю я. Если б там было что-то серьезное, она бы с меня начала. Во-вторых, мы не можем знать причин, по которым Елизавета Яновна что-то говорит. Она сама может их не знать. В мэрии так все сложно. Я сама еще не понимаю, хоть работаю третий год. Главное — научиться принимать все как есть. У всех на все есть серьезные причины. Никто ни на кого просто так не орет. Даже мэр. Если он орет — значит, так надо.

— Уволить обещала... — пожаловался Игорь.

— Ну вот! Лишнее тебе подтверждение! Никого из-за такой ерунды, как кривой пресс-релиз, не выгоняют. Тут бы тогда никого не осталось. А за твой релиз я отвечаю, я же тебе уже говорила. Тут все — чистая метафизика. Замечено, что кого Елизавета Яновна полгода по понедельникам ругает, те скоро начальниками отделов становятся.

— Ну ладно. — Игорь вроде успокоился. — Может, это у нее... дамская истерика из-за раннего старения?

— Ты что, Игорь! Она ж молодая.

— Это сколько?

— Такую секретную информацию новые работники пресс-центра узнают не раньше чем через год.

— Сорок? — прикинул Свистун.

— Да ты что, прикальываешься? Смотри не ляпни кому, ей же тридцать пять еще. Самый активный возраст.

— Знаю — бальзаковский.

— Да нет, Бальзак имел в виду стареющих женщин — лет в пятьдесят.

— Это сейчас, а в его время раньше старели — как раз в возрасте нашей начальницы.

— Елизавета Яновна очень хорошо выглядит. Просто ты из другого поколения... и не понимаешь. Вот сам за тридцатник перескочишь — узнаешь.

— Ты-то что за нее обижаешься? Из женской солидарности?

— Просто объективной хочу быть. И ты со злости на нее не наговаривай.

— Да я уже не злюсь. — Игорь потушил сигарету. — Тем более ты говоришь, она за свои слова не отвечает. Вот бы узнать, кто тут за всех отвечает...

— Я не так говорила, — сказала Анжела. — Я говорила, что она сама может не знать настоящих причин. А причины, они... Короче, Елизавета Яновна — она хорошая.

— Но дерганая, — добавил Игорь ложку дегтя.

Когда он, успокоенный, в галстук, повязанном Анжелой, вернулся на свое место, ему передали вызов к начальству. «Продолжение следует», — понял Свистун и ошибся: в Елизаветином кабинете его подждал один Василевский.

— По вашему вызову явился, — сказал Игорь.

— Молодец, докладываешь по форме. Служил?.. Садись.

Игорь кивнул и сел. В маленьком кабинете помещался всего один стол, поэтому заместитель сидел сбоку на приставном стуле, не посягая на кресло начальницы. Кстати, Свистун заметил, что, даже когда начальница уходила на неделю в отпуск и оставляла за себя Василевского, он все равно на ее место не садился и проводил совещания со своего приставного.

— Такой религиозный, а сам в армии служил?

— Какой — такой? — не понял Игорь.

— Написал же вот, смотри: «Чертова дюжина шедевров». Вот я и спрашиваю: в бога, что ли, веришь?

— А где тут бог? — ошалел Свистун.

— Сатанист, значит? — по-своему понял Василевский.

— Нет.

— А чего «чертова дюжина» написал?

— Так просто. Чтоб заголовок поинтересней был.

— Для кого — поинтересней? Для сектантов?

— Для читателей, Алексей Иванович. Я же журналист.

— Знаю, коллеги аттестуют тебя хорошо. И стрелок ты хороший, мне майор Субботин из пресс-службы армии рассказывал — все мишени в решето!

— Да это я спьяну, — разулыбался Игорь.

— Выходит, к религиозному вопросу относишься отрицательно... — сказал Василевский и отметил что-то в тетрадочке. — А кто положительно? Знаешь?

— Никак нет.

— Ладно, свободен, — кивнул Алексей Иванович.

Игорь быстро вышел за дверь. Знала бы Елизавета, чем в ее отсутствие развлекается заместитель, ни за что бы его в свой кабинет не пустила. Права Анжела, тут все странно. Но не могут же все быть сумасшедшими! Значит, есть и причины, и объяснения. Но кто ему все это расскажет, если Анжела тут три года работает, а поняла только, что все надо принимать так, как есть...

Оставшееся до конца рабочего дня время Свистун провел, путешествуя из одной курилки в другую. Сигареты помогали ему думать. Но мозговой штурм не получился. Сколько он ни ломал голову над двумя сегодняшними разговорами, так ничего путного и не надумал. Вспомнил, как, устраиваясь на работу, заполнял огромную анкету с вопросами не слабее замовских: «Участвовали ли ваши родственники в боевых действиях во время Гражданской войны?», «Находились ли вы или ваши родственники на территории, оккупированной армией Колчака?», «Имеются ли у вас родственники, осужденные международным Гаагским трибуналом?».

«Принимать как есть...» Но ведь хочется понимать, что ты принимаешь, чистый продукт или паленку какую-то... Так и травануться недолго — на духовной, spiritus, почве.

7.

На летучке у мэра Сергей Валентинович отсутствовал по уважительной причине: он был в командировке в соседнем городе. Впрочем, одной из целей этой командировки было собственно получение командировочного удостоверения с печатью чужой мэрии. Теперь, если спросит кто Сергея Валентиновича, где он был в понедельник, ответит — в командировке и нигде более. А удостоверение, сданное в бухгалтерию, его слова подтвердит. И сомнений ни у кого не возникнет. Иногда бумажка чудеса делает и очевидные вещи опровергает.

Дела в соседнем городе у Шибанюка, конечно, были: обмен опытом в русле административной реформы, встреча с коллегами на семинаре «Эффективное использование недвижимости в решении задач муниципального развития» и охота на уток. Вернее, сначала была воскресная охота со старыми знакомыми — Сергей Валентинович когда-то работал в этом городе и связи еще не растерял, а потом, уже в понедельник, семинар и обмен. Старые знакомые, кстати, интересовались, какую недвижимость он (его мэрия) собирается в ближайшее время продавать. Видимо, старым знакомым хочется деньги, полученные от продажи местного леса, превратить во что-то более фундаментальное, каменное. Шибанюк сослался на то, что перед выборами Балашков никого не хочет дразнить планами по продаже муниципальной собственности. «Вот и хорошо», — сказали знакомые, поняв так, что когда время придет — Сергей Валентинович их известит. Известит, конечно, и о приемлемых условиях конкурса позаботится — всё как обычно.

Так и должно все идти — по заведенному. Позвали тебя три раза на охоту хорошие знакомые — на третий раз отказывать нельзя. Стрелял уток раньше — и сейчас стой на номере, пали из ружья. Пил всегда коньяк — и сейчас не отказывайся. И так далее. Из таких простых понятных правил и состоит жизнь. Во всяком случае, у человека служивого, при должности. А после уток печеных — семинар, разговоры коллег и опять коньяк, от которого необходимо вовремя оторваться. В этот раз была у Шибанюка задача не только не потерять лица — он давно уже не допускал «перелива», необходимо было пораньше вернуться домой, где на вечер запланировано еще одно важное дело: его пригласили на заседание клуба «Фонарь Диогена», уже в третий раз. Кто и на кого там будет охотиться, Сергей Валентинович в точности не знал, но отказываться дальше было уже неприлично, потому что интерес-то — взаимный. И чтобы опровергнуть вероятный слух о своем участии в заседании политических противников мэра Балашкова, Шибанюк подгадал на этот день командировку. Конспирация не ахти какая, но всерьез играть в заговор против действующего мэра он не хотел. В конце концов, клуб Путятты — не подпольная организация, а вполне легальное и даже в чем-то элитарное место. Некоторые идиоты туда до сих пор стремятся. Хотя за десять лет существования клуб уже самому Дмитрию Олеговичу должен был надоесть.

Клуб размещался в небольшом, старинном по сибирским меркам, купеческом особняке, удобно расположенном в трех кварталах от центральной площади города. Фигурный красный кирпич, чугунные балясины и деревянные карнизы под шиферной кровлей вызывали у Шибанюка, архитектора по образованию, смешанные чувства — раздражение от эклектики и умиление подлинной городской стариной, сохранившейся под ударами капремонтов обидно малыми фрагментами.

Создание клуба задумывалось под лозунгом эллинских традиций просвещения и демократии, вспомнил Сергей Валентинович, едва зайдя в зал заседаний. Путята, как и многие комсомольские функционеры, был выпускником исторического факультета местного пединститута. Видимо, во время обучения Древняя Греция произвела на Дмитрия Олеговича неизгладимое впечатление. Или, как судачили злые языки, их роднила привычка пить красное сухое вино. Впрочем, употребляют его у нас, в том числе и члены клуба, по-варварски — не разбавляя водой, как древние философы.

Декорации соответствовали и навевали дух, это Шибанюк мог оценить, как бывший архитектор. Чернофигурные амфоры и скифосы стояли вдоль стен на гипсовых обломках ионических колонн. Углы зала украшали гипсовые же копии античных скульптур. Но особенно впечатляли две нимфы, встречавшие гостей, созданные из слегка задрапированных моделей. Нарочито грубая шерстяная ткань туник выгодно оттеняла гладкую смуглость кожи, полученную в фирменном солярии «Солнце Эллады», владельцем которого был тоже Дмитрий Олегович. В такой эстетически выверенной политической ссылке находится весьма приятно, подумал Шибанюк, может, Путята и не собирается возвращаться?.. Нет-нет, собирается, иначе бы не звал.

Зал был предусмотрительно затемнен; полумрак создавал не только ощущение легкой театральности, но и иллюзию незаметности. Первые ряды в зале занимали члены клуба, одетые в древнегреческие хитоны, схваченные на плечах застежками-фибулами. Полумрак играл еще одну важную роль: слабое освещение скрывало толстовки, поддетые славными последователями Диогена. Еще бы, на дворе осень, центральное отопление еще не включено, а Сибирь не Эллада, тут в бочке не проживешь. Зато по городским малоосвещенным улицам с фонарем ходить — самое то.

Члены клуба встали со своих мест и зажгли фонари, стилизованные под старинные. Только вместо масляных фитилей в них горели лампочки в форме свечек. Что ж, Диоген их не упрекнет. Зато стало посветлее, и Шибанюк кое-кого узнал. Сергею Валентиновичу даже показалось, что он заметил Аристарха Сидорова — известного местного режиссера, который до сих пор в симпатиях к экс-мэру замечен не был. Напротив, Шибанюк всегда натыкался на улыбающуюся физиономию Аристарха на официальных мероприятиях у Балашкова. Сидоров всегда отличался умением дружить с властью, неужели он решил сделать ставку на Путяту?

Заиграла заунывная музыка, фонарщики запели клубный гимн. Видимо, в их представлении просвещение, основная задача клуба, вещь нужная, но скучная. А может быть, виноват исключительно автор

музыки Зыков — вон он с левого края, с трудом открывает рот. Сергей Валентинович слышал, что когда зашла речь о гимне, то Путята наотрез отказался платить за работу, объяснив это несовместимостью с высокой альтруистической миссией клуба. В итоге автором гимна стал тот композитор, который согласился сочинить его в обмен на членский билет. Может быть, то, что работа была невдохновляюще бесплатной, и вылилось в такую занудную мелодию...

Точно так же «Фонарь Диогена» обзавелся штатным поэтом (гимну нужны были слова), скульптором-дизайнером (декорации зала, организация «Каменной поэмы»), писателем (летопись клуба, статьи, прессы-релизы). А вот уборщицу, вахтера и шофера до сих пор ищут: видимо, нет среди представителей этих профессий идейных просветителей. В шофере, правда, особой нужды нет, ведь костяк «Фонаря Диогена» составляют не деятели культуры (которые и на троллейбусе доедут, если что), а бывшие чиновники: заместители Путяты, начальники департаментов и управлений, а ныне — бизнесмены малой и средней руки. У них транспортная проблема решена давным-давно.

После пения гимна на сцену выбрался маленький и шустрый скульптор Вениамин Рябков, которому хитон доходил до пят, и взахлеб начал читать лекцию о влиянии древнегреческой архитектуры на облик сибирских городов. Порттики, колонны и капители так и сыпались в зал. Шибанюк подумал, что вот для него и еще одна отмазка — профильное мероприятие посещал. Оно действительно оказалось таковым, и Сергей Валентинович сразу заскучал, ибо никакой преемственности между родной Диогена и городом, основанным через два тысячелетия после упадка Древней Греции, до сих пор не замечал.

— Добрый вечер, Сергей Валентинович! — Рядом с ним возник сам Путята — тоже в хитоне. Шибанюк испугался, что переговоры пойдут насмарку, если он в неподходящий момент рассмеется.

— Добрый вечер, Дмитрий Олегович.

— Давайте отойдем и не будем мешать коллегам.

Путята направил Шибанюка по короткому коридору, шепнул:

— Я сейчас! — и вдруг исчез.

Сергей Валентинович попал через коридор в пустой секретарский предбанник, потоптался там немного, но, решив, что это как-то несолидно, открыл дверь в кабинет, точнее в типичную переговорную, где на столике между двумя креслами стоял подносик с его любимым коньяком (весьма красноречивая забота!) и блюдцем с оливками. Поразительно, но в одном из кресел сидел Путята, а самое удивительное и приятное, что одет он был уже в цивильный костюм. Жестом гостеприимного хозяина Дмитрий Олегович предложил гостю сесть и наполнил крошечные рюмочки. «Что за цирк? — мелькнула у Сергея Валентиновича мысль. — Возможно, тут есть второй вход, но когда, черт возьми, он успел переодеться?»

Первая мензурка коньяка растекалась по языку, в горло не попав. Шибанюк поморщился: уж пить так пить, чего зазря рот поганить.

— Понимаю ваше нелегкое положение, — тут же откликнулся на гримасу Путяты. — Вам, Сергей Валентинович, не позавидуешь!

Шибанюк снова поморщился.

— Знаю, знаю, что говорю. Ваш бывший зам набрал силу и метит в вице-мэры!

Брови у начальника департамента предательски поползли вверх.

— Не знали? — удивился в свою очередь Дмитрий Олегович. — После выборов намечено не только слияние ваших с ним департаментов, но и открытие новой вакансии вице-мэра. Кленовязов имеет все шансы занять это кресло.

Шибанюк захотел выпить и с тоской посмотрел на мелкую тару.

— Ваша невысокая информированность — следствие того, что в нашем распоряжении только собственные источники, а в моем — еще и источники друзей. Вы же ни с кем не дружите!

— За что Эдуарду такая честь?

— За дружбу.

— Про дружбу я уже все понял, — сказал Шибанюк. — Я не понимаю, чья дружба в нашем городе может быть такой полезной.

— А он не в городе, он в Москве дружбу свел. С кем точно — пока не знаю, но структура очень влиятельная.

— Вот оно как... — задумался Сергей Валентинович.

— Вот я и говорю...

— Я согласен.

— С чем?

— Я согласен с вами дружить, Дмитрий Олегович.

— Вы мне портите всю игру, — ухмыльнулся Путята. — Я приготовил такие приманки, такие сети завел под самого несговорчивого начальника департамента... Но результат меня радует.

— Осталось договориться о цене вопроса.

Путята наполнил мензурки. Шибанюк выпил и снова поморщился.

— А вы мне нравитесь, — сказал Дмитрий Олегович. — С вами не нужно хитрить. И даже объяснять не нужно. Это всё, — он махнул в сторону зала, — так, декорация для теневого кабинета. Это ясно. Но я своих людей сохранил не только здесь, но и в мэрии. Их там много, они объединены. Поэтому у меня высокие шансы на победу, но недостаточные. Мне, как Архимеду, нужен был рычаг, чтобы передвинуть Балашкова. Я его создал. Но я не знаю точку приложения сил. Это задача для вас — вы должны найти слабое место Балашкова, а я его свалю.

— А как же ваши многочисленные агенты в мэрии? — спросил Сергей Валентинович. — Или их не так много?

— Они идиоты. Клерки. Дальше своего носа не видят. Все их рассуждения заканчиваются императивом «авось». Перед ними нужно ставить прикладную задачу, и они ее выполнят не задумываясь. Это же люди системы, вы их каждый день наблюдаете, да что там — формируете. Им же запрещено думать... Я, когда в мэрию вернусь, я их всех сменю — и своих и балашковских. Постепенно, конечно. Я хочу, чтобы там работали инициативные, творческие люди.

— Так я тоже там работаю, — напомнил Шибанюк.

— Я говорю о рядовых. О генералах разговор особый, среди них и сейчас есть таланты... — Путята сделал жест в сторону собеседника. — У меня грандиозные планы: я хочу, чтобы в наш город ехали жить москвичи и даже питерцы. Я хочу сделать наш город настоящей третьей столицей, а потом и второй, и первой. Здесь, на сибирской земле, центр страны, здесь ее кладовая, здесь должна быть ее столица!.. В общем, вы понимаете, что разговор об этом пока преждевременный...

— Что я получу, если найду слабое место Балашкова?

— После победы на выборах вы получите пост вице-мэра и будете курировать деятельность Кленовязова. А там уж делайте с ним что хотите. Увольняйте, мытарьте, разоряйте, ловите с поличным — пожалуйста. Москва после проигрыша Балашкова от Эдуарда, я думаю, откажется, во всяком случае вмешиваться не будет. Если мы не победим, я постараюсь сохранить за вами нынешние позиции. Гарантировать, правда, ничего не могу. Более того, возможно, Балашкову станет известно о нашем сотрудничестве. Но тут мы все играем ва-банк.

— Условия сложные, — обронил Сергей Валентинович по размышлении, — но я постараюсь.

— Это в наших общих интересах, — заметил Дмитрий Олегович. — И помните, что я вам предложил больше, чем вы ожидали, и больше, чем предложит Балашков.

Шибанюк покосился на коньяк — редко он бывает таким бесполезным, как в этом кабинете — и встал.

— Счастливо, Сергей Валентинович, — сказал Путята. — Извините, что не провожаю, мне нужно сделать срочный звонок. Я позже к вам присоединюсь.

— До свидания, Дмитрий Олегович.

Шибанюк вышел из переговорной и через коридорчик снова попал в греческий зал. Оратор все не унимался, и Сергей Валентинович отметил дисциплинирующую роль фонариков: ключевого носом члена клуба фонарь выдавал, как поплавок — голодную рыбу. Зато гости в задних рядах преспокойно посапывали — путь просвещения в России всегда был сродни гипнопедии.

— Жду вашего скорого ответа, — услышал вдруг Сергей Валентинович и резко повернулся. У него за спиной оказался Путята, и что самое странное — снова одетый в хитон. — До выборов осталось мало времени, и чем раньше вы найдете слабое звено, тем легче будет нам принять меры. До свидания.

Шибанюк пожал протянутую руку и вышел.

«Что за страсть к скоростному переодеванию? — думал он всю дорогу до винного бутика и потом, до дома, и позже, прихлебывая любимым коньяк. — Предложения Путяты заманчивы и, учитывая усиление Эдика, не имеют альтернативы. Но можно ли доверять этому бывшему мэру, ставшему клоуном?..»

Утром мнение Шибанюка о вчерашнем свидании изменилось на позитивное. Балашков многим поднадоел, а вот воспоминания о правлении Путяты обрели со временем ностальгическую привлекательность. А если у бывшего мэра не получится стать новым, то Сергей Валентинович останется в тени — зачем Дмитрию Олеговичу выдавать своего тайного союзника? А Балашков Шибанюку пока нехороших намеков не делал. В общем, все не так уж плохо.

Подъезжая к мэрии, Сергей Валентинович издали заметил на площади Ленина разноцветные шары и транспаранты. Он и не знал, что сегодня какой-то праздник. Шибанюк остановил машину так, чтобы пройти на работу мимо веселой компании, что-то кричавшей сразу в два мегафона. «Нет — воздушным шарам!» — прочел он на первом плакате. «Долой опасное развлечение, калечащее наших детей!» — гласил второй.

— Мы протестуем! — кричал в мегафон какой-то активист. — Мы протестуем против безнадзорного использования аэростатов. Долой воздушные шары!

Шибанюк понял, что попал не на праздник, а на какую-то акцию протеста, только никак не мог отождествить аэростаты ни с одной оппозиционной партией. Да и вообще — какое дело партиям до монгольфьеров...

Мегафон передали человеку в инвалидном кресле.

— В июне прошлого года мы с моей невестой решили отметить помолвку катанием на аэростате. Нам представлялось, что это очень романтично. Но этот день стал самым ужасным днем в моей жизни! Воздушный шар, арендованный нами за крупную сумму денег, не был оборудован средствами безопасности. Сначала мы замерзли на высоте, потом чуть не вывалились, потому что там не было ремней безопасности, а после на шаре начался пожар! — Человек в инвалидном кресле почти рыдал.

«Театр абсурда какой-то», — подумал Шибанюк.

— Момент падения я не помню, потому что подушек безопасности на воздушных шарах тоже нет, — продолжал оратор. — Я с тех пор прикован к этому креслу, а моя невеста пропала без вести! Не доверяйте воздушным шарам — это опасное и страшное развлечение! Помните, что от катания на аэростате до катания на коляске — один шаг, который вы к тому же оплачиваете из собственного кармана! Отпустите шары в небо без людей!

Активисты отпустили шарики с гелием, и они плавно потянулись ввысь. Зеваки захлопали.

«Точно, — сообразил наконец-то Сергей Валентинович. — Это же замещающее мероприятие! Видно, кто-то хотел мэра поругать, может, тот же Путята, вот управление общественных связей и организовало встречное мероприятие с привлечением общественности. Судя по душераздирающему монологу, еще и укрепило силами театральной самодеятельности. Раньше такие штуки Аристарх Сидоров для мэрии репетировал. Только тема какая-то странная — чего им эти аэростаты дались?»

Увидев, что к инвалиду спешат телевизионщики с камерами, Шибанюк побыстрее двинул к мэрии — не хватало еще попасть в кадр и засветиться на таком дурацком мероприятии.

В приемной его уже ждал Виктор Быстров (по-настоящему преданный заместитель, не то что Эдик), в его обязанности входило докладывать обо всем, что произошло в отсутствие шефа.

Быстров рассказал о том, что произошло в понедельник на летучке, буквально дословно: Виктор владел утраченным ныне искусством стенографии. Вести в кабинете мэра записи на диктофон было бы неприлично и подозрительно, а вот кропать в ежедневник — так все на летучках делают, но обычно пишут что попало, а Виктор мог восстановить разговор до мельчайших деталей.

От пересказанного Сергей Валентинович пришел в восторг. «Моя девка!» — понял он, слушая отчет о выволочке мэра и перепалке Елизаветы с Эдуардом.

— Далее мэр сказал: «Насколько я помню, мы решили выпускать вместо газеты вестник... Где он, Елизавета?.. Чтоб был через месяц...»

— Спасибо, Витя, я все понял, — остановил Сергей Валентинович, а в голове билось: «Моя Елизавета! Теперь она сделает все, что надо!»

Эйфория была такая, словно она пообещала Шибанюку... переспать! Теперь Елизавета даже без денег должна против Эдика начать копать. А с другой стороны есть поддержка Путяты. Еще вчера он был один на один с Эдиком и его московскими друзьями, а сегодня у него есть два сильных союзника — Жнач и бывший мэр. С такой поддержкой у него все козыри на руках.

Интересно, а московские друзья всё знают о художествах Эдика? Вот бы им через третьи руки слить компромат... Может быть, москвичей заинтересует шумиха в СМИ, которую поднимет Елизавета? Вот тогда они начнут собирать информацию на своего протеже, и тут Сергей Валентинович своего не упустит. Недаром Эдик последнее время притих — знает кошка, чье мясо съела. А вот подавится!

9.

«Ваш еженедельный отчет принят. Прошу прояснить состояние ваших отношений с Елизаветой Жнач. Постарайтесь добиться прежнего расположения объекта. Активизируйте поиск секты. Кутузов».

Хоть отчет приняли, вздохнул Эдуард, прочитав сообщение. А то первые несколько раз переделывать заставляли. Как школьника какого-то, ей-богу. Не по форме, мол, составлено. Уже по одним этим придирам можно было догадаться, что руководят им люди военные. Ну а кто еще, собственно, должен составлять костяк Антитеррористической комиссии?.. Тут и к гадалке не ходи. А вот по поводу отношений с Лизой и гадалка не поможет: он и сам не знает, какие у них сейчас отношения. Все так перепуталось... Эдуард вздохнул и, предавшись воспоминаниям, закурил прямо в кабинете.

В какой-то момент дела у него пошли отвратительно. Шибанюк перестал ему доверять, и он уже не знал, как бы зацепиться, чтобы не вылететь из замов. И тут на Кленовязова вышла Антитеррористическая комиссия. С виду это самое обычное место для просиживания штанов: депутаты какие-то малоизвестные, еще менее известные чиновники из аппаратов нескольких министерств. Но, видимо, у генерала, ее возглавляющего, были большие возможности и ресурсы. Сначала Эдуард подумал, что все обещания Комиссии — ерунда, но когда его не только не понизили, но и назначили начальником департамента, Эдуард почувствовал всевозрастающую преданность. Раз им нравится играть в шпионов и общаться через электронную почту — пожалуйста; хочется, чтобы он сблизился с начальницей пресс-центра — пожалуйста; чтобы искал какую-то секту — да ради бога! Любой каприз, как говорится, за ваши кресла.

Почему Комиссии понадобилась именно его душа, Эдуард так и не понял, но упускать такого щедрого покупателя нельзя, и он запродался. Тайнственные московские кураторы многого не требовали. Роман с Лизой, девушкой среднего возраста, обладающей пышными, но еще упругими формами, оказался значительно более приятным, чем он ожидал, а поиски таинственной секты можно было продолжать бесконечно. По словам Кутузова, секта представляет опасность для законной городской власти. Кленовязов не был силен в религиозных вопросах и на это списывал свое недоумение: если это религиозная секта, то на фигу ей мэрия? А если какая-то организация добивается смещения мэра, то почему она религиозная? Должна быть общественная, политическая, клановая, наконец, да хоть спортивная — но не религиозная.

Поскольку целью секты было руководство мэрии, то ее адептов было предписано искать среди сотрудников городской администрации. Эдуард, выполняя рекомендации кураторов, иногда заводил с коллегами и подчиненными разговоры на религиозные темы, но только для того, чтобы было чем заполнить отчет. Если уж секта законспирирована, то глупо надеяться на то, что ее члены так легко пойдут на контакт и сразу всё выложат. В конце концов, если Комиссия действительно хочет ее найти, то надо подключать не чиновников, а других профильных специалистов. Честно говоря, Эдик даже побаивался наткнуться на эту самую секту. Если ею интересуется федеральное ведомство, значит, это опасная организация, лучше бы с ней дела не иметь. Не потому что трус, а просто из разумного расчета взрослого человека.

Слабое его место — это Елизавета. И не только из-за настойчивости Кутузова, но и из-за собственной неудовлетворенности. Когда отношения только начинались, Лиза была в восторге, а теперь охладела. Это значило, что Эдуард ее разочаровал, и сознавать это было нестерпимо. У него уже так было — сначала восторг и сумасшедший секс, а потом — «До свиданья, Эдик, ты меня не устраиваешь!» Почему? За что?.. Он так переживал, что у него импотенция случилась на нервной почве — даже лечиться пришлось. Вылечился, но комплексы-то остались! И тут вдруг с Лизой все повторяется точь-в-точь. Эдуард так понял про себя: если он

Жнач сейчас не победит, то с другими женщинами, особенно помоложе и покрасивее, будет еще сложнее. А на проститутток переходить — это ему еще рано, это для немощных. Тем более что с проститутками и попутать могут, на карьере отразится; в общем, не по нему это. А чтобы не ставить на себе крест, надо сделать все, чтобы Елизавета снова его захотела.

10.

Мэр Балашков звезд с неба не хватал, а очень хотелось. Он завидовал тем, у кого карьера складывалась легко — как, например, у его предшественника Путятты. Тот быстрее других овладел перестроечной риторикой, и этого оказалось достаточно, чтобы обогнать служак-ровесников и вскоре оказаться в кресле мэра. Правда, задержался он там всего на один срок. Балашков двигался к своему трону медленнее, зато сидел увереннее. В эпоху оголтелой демократизации и гласности лепил образ надежного хозяйственника, по кальке столичного мэра. Он на память знал, сколько денег потрачено на благоустройство дворов и ремонт лифтов, лично забирался в аварийные котельные и спускался в заброшенные школьные подвалы. И лишь постепенно, по градусу в год, добавлял он новые ингриди... ингреде... в общем, добавлял. Копил, копил — и надеялся, что это поможет в будущем подняться выше. Куда-нибудь в Москву. Да не просто в столицу — в Кремль, но в этом Антон Александрович не признавался даже себе.

То, что он постепенно накапливал, мало кто понимал. Лизавета Жнач покорила Балашкова тем, что с ходу сформулировала его тайную путаную мечту: «политик федерального масштаба». Ему нужен был человек, который умеет так формулировать малопонятные ощущения. Антон Александрович тут же взял ее на службу, часто уединялся с ней в кабине и мечтал о будущем, слушая доклады по продвижению его кандидатуры на федеральный уровень. Многоуровневая схема-многоходовка иногда путалась в голове, но Антон Александрович вновь выстраивал весь план, каждый раз убеждаясь, что идет в правильном направлении. И даже сейчас, накануне выборов, он продолжал упорно двигаться вперед: эта тема была важнее. Выборы — никуда они не денутся, на городском поле Балашков соперников для себя не видел. Его планка была выше, цель сияла золотыми башенками, мечта звучала в ушах курантами.

Раз в квартал мэр собирал совещание по инновациям. Оно проходило как парад, как смотр перед генеральным сражением. У Антона Александровича было техническое образование, и когда-то его научили, что все можно рассчитать. Он был уверен, что если все учесть и распланировать, то и удача никуда от него не денется.

Елизавета Жнач тоже была уверена в том, что все получится, если удача будет на их стороне. Но удача настоящая, которую нельзя просчитать и нельзя запланировать. Планы — это только стартовая площадка для ракеты, считала она. А полет совершится, если не сработает «закон бутерброда». К сожалению, в политике, по ее наблюдениям, это основной закон.

Во всем этом процессе Лизе не нравились два момента. Первое — это то, из какого материала ей приходилось лепить образ политика федерального масштаба: Балашков бесконечно путал инвестиции с инновациями и не видел в этом ничего страшного. Второе было иллюстрацией первого — то, что шеф единственный называл ее Лизаветой. В этом было что-то обидное, неуважительно-фамильярное и одновременно старушечье, затхлое, местечковое. Местечковость — вот самое точное, что не нравилось Лизе и в обращении, и в самом шефе. Из лощеного чиновника, завсегда политический тусовок федерального уровня вдруг высккивало какое-то «надьсь» или «окромя», и сразу становилось ясно, что аттестат о среднем образовании будущий мэр получал вместе с полезной профессией в единственном техникуме родного городка.

С другой стороны, были же федеральные чиновники, у которых слова в предложения складывались случайно, как стекляшки в калейдоскопе, и ничего — взлетали на самый верх, до кресла премьер-министра. Чем наш не гожд?

Лиза еще была обижена на Балашкова за разнос на летучке. Понятно, под горячую руку попала, но одной наказал — другой поощри, премию выпиши. Лиза к тяготам службы относилась ровно, но подчеркнуть обиду никогда не было лишним. Потому на очередном совещании по инновациям она тихонько сидела в уголке и рисовала в ежедневнике чертиков. Да и без нее тут было кому поговорить: шеф созвал своих замов и руководителей департаментов — тех, что больше всего продвигали инноваций.

— Школу мы освоили, — докладывал Семён Семёнович, начальник главного управления образования (Лизу всегда интриговало, почему управление главное, если другого, не главного, вовсе нет). — У нас в гимназиях в каждой параллели — своя система обучения, — хвастался Семён Семёнович. — В нынешнем году в тридцать восьмую гимназию набрали пять первых классов, и каждый обучается по своей передовой инновационной системе.

— Это инновация? — полувопросительно сказал Балашков.

— Замечательно, — сказал вице-мэр Васильев, который когда-то курировал образование.

— Что еще? — спросил мэр.

— Половину школ оснастили энергосберегающими лампочками, — доложил Семён Семёнович. — За год вторую половину сделаем. Вот если бы на них еще плафоны пуленепробиваемые — сносу бы им не было.

— За разбитые лампочки пусть родители платят. Что еще?

— Загвоздка у нас одна — с инновационным обучением в детских садах. Мы им и методики, и пособия — но контингент слабоват. Особенно ясельного возраста. Им бы все играть и развлекаться, потом поесть — и на горшок...

— Ясно. Что собираетесь делать?

— Нужно больше интерактивных игрушек закупить... да вот Юрий Михайлович против.

— Он у меня пятнадцать миллионов просит на игрушки, — вставил вице-мэр Соколов, курирующий финансы.

— Дороговато, — задумался мэр. — Ладно, что еще у кого?

— Мы используем инновационные материалы для ремонта, — выступил «дорожник» Лимонов. — Это самая передовая в мире сларри...

— Ладно, — махнул на него рукой Балашков. — Я каждый день по твоей срали езжу. Колея... как на полевой дороге. Когда поправишь, тогда и докладывать будем.

— Так ведь погода, Антон Александрович! — заныл Лимонов.

— Вот и помолчи. Так... сколько мы осваиваем федеральных пилотных проектов?

— Семнадцать, — подсказал советник Макеев.

— А сколько неохваченных осталось?

— Пятнадцать. Из городов нас только Москва опережает — там по двадцати трем проектам средства осваивают.

— Надо подтянуться. Ты, Слава, подумай, где бы нам еще поучаствовать, — приказал он Макееву. — Нам бы как-нибудь в сельском хозяйстве приспособиться, это сейчас важное направление...

— Так мы ж город, Антон Александрович!

— Да я знаю... Там сейчас животноводство в моде, может, им что-нибудь надо? У нас химзавод простаивает — может, заделать средство от мошкары для телок? Инновационное, с нанотехнологиями? С учеными посоветуйтесь. Надо в мафстрим попасть... Лизавета, а ты что молчишь? Животноводство тебе как?

— Это, конечно, тренд, но для нас — не мейнстрим, — сказал Лиза.

— В смысле?

— Животноводство, образно говоря, не входит в наш карас.

— Не понял! — сказал Балашков.

— Это мультик такой, про ворону, — подсказал шефу Макеев.

— Елизавета Яновна, при чем тут вороны? — строго спросил Васильев.

— Ни при чем. Нам необходимо формировать месседжи, понятные как для федерального центра, так и для городского сообщества, — сказала Жнач.

— Это как? — переспросил Балашков. — Лизавета, не мудри.

— Мне кажется, сейчас, во время выборов, необходимо создавать проекты, которые будут положительно восприниматься и в городе, и в федеральном центре.

— Легко сказать... — заметил Макеев.

— И сколько это будет стоить? — спросил Соколов. — У нас и так бюджет по швам трещит.

— Можно обойтись и малыми формами.

— Скульптурными? — догадался Балашков.

— Можно и скульптурными. — Елизавета отложила ежедневник с пирамидой из чертиков. Ее вдруг настигло вдохновение. — Вот сейчас у нас «Каменная поэма» проходит... В чем ее смысл? Раньше централизо-

ванно делали скульптуру, «Девушку с веслом» какую-нибудь, и рассылали по всем паркам страны. А теперь мы их ежегодно мелкими партиями делаем — и что?

— Предлагаешь наладить у нас серийное производство? — спросил Балашков.

— Это дорого, — отреагировал Соколов.

— Да нет, зачем нам серии, нам прецедент нужен. Один памятник, но какой!

— Я слышал, в одном городе поставили памятник первому городовому, — сказал Makeев.

— Это как городской домовый? — не поняла Лиза.

— Нет, это первому полицейскому.

— Это все приколы. В другом — памятник домашним тапочкам сделали: горожанам смешно, а федералам все равно. Я предлагаю возродить монументальную пропаганду. У Пушкина юбилей на носу — кто против будет?

— Интересное начинание, — пробормотал Балашков.

— А давайте поставим памятник царю Николаю!

— Первому или Второму?

— Первый — всегда первый, — пробормотал мэр.

— Если Первому, то только за то, что декабристов к нам в Сибирь сослал.

— Тогда Второму.

— Может, тогда лучше декабристам?

— Они же революционеры — как коммунисты!

— Да какие там коммунисты, это ж сплошь аристократы были.

— Тогда Достоевскому — он в Сибири сидел.

— Да мало ли кто в Сибири сидел!

Лиза поразилась, какую краеведческую дискуссию вызвало ее предложение.

— Главное, кто тут жил!

— А кто тут жил?

— Мамонты тут жили. Давайте памятник мамонту поставим!

— Памятник мамонту уже где-то закладывали. Можем опоздать.

— Кто самый знаменитый сибиряк?

— Мамин-Сибиряк?

— Стоп! — прекратил галдеж Балашков. — Давайте в конструктивном русле. Ты, Лизавета, кашу заварила... Ты что думаешь?

— Надо что-то общее и символичное.

— Тогда, может быть, памятник всей Сибири? — сказал Васильев.

— И мы себя обозначим как центр территории.

— Отлично, — сказал Балашков, потирая руки.

— Сепаратизмом пахнет, — заметил Соколов.

Все замерли. Нет страшнее обвинения для того, кто хочет дружить с Москвой и в перспективе там обосноваться. Это же экстремизм на территории, где все закрома родины лежат.

— Ну, Лизавета, ты и даешь! — вздохнул Балашков. — От тебя деструктивизм один.

Лиза поняла, что перестаралась.

— Надо памятник приурочить к юбилею покорения Сибири. Тогда федералам понравится.

— Точно! Молодец, Лизавета. Слава, запиши! И остальное, что говорили, тоже. Пропиаримся по полной и Путяте нос утрем! У нас — покорение Сибири, а у него — мальчик с рыбой. Космополитизм, да и только.

11.

Поскольку Лиза не отвечала на звонки, Эдуард трижды за день притаскивался к ней в кабинет, каждый раз налетая на заместителя Василевского, нес какую-то деловую околесицу, уходил, а потом опять возвращался. Василевский, конечно, идиот, но и его извилину от форменной фуражки нельзя так перенапрягать. В итоге Лизе пришлось самой позвонить Эдуарду.

— Чего тебе надо? — спросила она.

— Хотел извиниться за летучку.

— Ладно, считай, простила. Это все? Или ты через полчаса опять за какой-нибудь хренью явишься?

— Лизочка, я не за хренью, я за тобой. То есть... я хочу объяснить, почему я...

— Я же приняла твои извинения.

— По голосу этого не чувствуется.

— Будь доволен таким, какой есть.

— Я все понимаю, ты обижена, но я не отстану — и через полчаса приду за хренью.

— Чего ты хочешь?

— Пригласить тебя к себе в гости. Поговорить. А уж потом ты решишь — последнее это свидание или нет.

Лиза задумалась. Дома-то она у него не была, а посмотреть сильно хотелось. А потом — все.

— Хорошо.

— Я за тобой заеду в восемь.

Одно дело — знать, что Эдик живет, как многие чиновники его уровня, в коттеджном поселке, другое дело — видеть этот сказочный трехэтажный домик с башенками и мансардами, окруженный маленьким садом. Эдуард, как радушный хозяин, провел ее по участку, совершенно не опасаясь, что их могут увидеть соседи. Правда, сама Елизавета никого не заметила. Жилье Эдика — и сад, и надворные постройки, и сам дом — было устроено со вкусом, и Лизу это приятно поразило. Вторым сюрпризом для нее стали бриллиантовые сережки, которые Эдуард неловко сунул ей прямо в прихожей — нелепо по форме, но очень красиво по содержанию. И дорого.

Лиза поблагодарила, скромно и с достоинством, и остановилась примерить серьги перед зеркалом. Эдуард воспользовался моментом, сразу приник и облапил.

— Я тебя еще не простила по-настоящему. Или ты привык к тому, что стоит сделать девушке подарок — и сразу можно тащить в постель?

— Нет, извини. Просто я соскучился.

Эдуард вновь принялся играть роль радушного хозяина и стал водить ее по дому. Содержание соответствовало форме: внутри дом был изящным, стильным и удобным. Продумано было не только расположение комнат, но и все интерьеры и даже мелочи вроде ночника с символикой Водолея — Эдикова знака зодиака. Нет, с грустью решила Лиза, Эдуард, с его повадками проголодавшегося пса (около ночника он повторил попытку и чуть не повалил ее на кровать), вряд ли способен так обустроить гнездышко, тут чувствуется женская рука.

Кленовязов заметил ее настроение.

— Моя жена была дизайнером, это она занималась домом.

— Почему же она оставила его тебе?

— Валентины нет со мной уже пять лет... — Эдуард отвел взгляд, и его глаза заметно увлажнились.

— Извини, я не знала.

Лиза почувствовала себя скотиной, а Кленовязов на время опять стал для нее Эдиком.

Затем был ужин при свечах — заказанный в ресторане, но вкусный, а хорошая еда всегда повышала у Лизы настроение. Красное вино согрело и обезоружило. Поэтому, когда после десерта Эдик поволок ее в спальню, как паук муху, Лиза уже не сопротивлялась.

В прежние времена брюлики, вкусная еда и качественный секс в одном флаконе соответствовали ее представлению о совершенстве. Но поскольку Эдуард проштрафился (ах с каким животным напором в этот раз он старался загладить свою вину!), то Лиза не могла поверить ему до конца и хотела испытать еще раз.

— Милый, у меня намечаются рамсы с Шибанюком: ему не нравится то, как пресс-центр работает по его департаменту, мол, много негативных публикаций в СМИ. Ты мог бы меня поддержать? Просто у вас схожая тематика, и если ты дашь положительную характеристику работы пресс-центра по земле, то это поможет мне защищаться.

— У меня к пресс-центру претензий нет, только по... желания. — Эдик придвинулся и попытался опрокинуть ее в самую неудобную для ведения переговоров позу.

— Я серьезно. Шеф и так на меня злится — ты же слышал.

— Я не против, — промямлил Эдик, — но такая форма отчетности не предусмотрена. И как тогда это будет выглядеть со стороны? С чего вдруг один начальник департамента будет писать записки о хорошей работе пресс-центра?

— Но...

— Другое дело, — перебил ее Кленовязов, — если будет подходящий разговор у мэра на каком-нибудь совещании, я обязательно выскажусь в твою поддержку.

— Эдуард, я ведь прошу...

— Вот если бы я был вице-мэром, — второй раз перебил он, — тогда, конечно, у меня бы было больше возможностей и я бы никому не дал в обиду мою девочку! Потерпи до выборов, и все устроится. А Шибанюк ничего тебе сделать не может, в крайнем случае немного покусает.

— Да при чем здесь выборы! — разозлилась Елизавета. — Ты ради меня не хочешь пальцем о палец ударить. Я ведь просила только о поддержке!

— Я не могу...

— Скажи — просто боишься!

— Не в этом дело. — Эдик обнял ее и крепко прижал. — Лиза, если кому и нужна сейчас поддержка, так это мне, но я, заметь, ничего у тебя не прошу. Хотя у тебя есть возможности... Я не могу всего тебе сказать, но сейчас я не в состоянии помочь тебе. Я на наши отношения смотрю очень серьезно, поверь мне. Но какие бы ни были у тебя проблемы — мои в десять раз крупнее. Идет большая игра — ты, наверное, и сама догадываешься... и сейчас все очень шатко. Любое неверное движение может все испортить. Сергей Валентинович против меня, поэтому я не мог на летучке подставить свою комиссию перед мэром. Тогда ее соединят с шибанюковской и он меня прижмет по конкурсным документам. Пойми, зайка, я хочу, чтобы у нас все было хорошо, а нам бы за это ничего не было. Но для этого нужно потерпеть...

Лиза успокоилась: слова Эдика про злого Шибанюка ее убедили. Если он с ней неискренен, но при этом действительно ничего не просит, подарки дарит, то... для чего? Ответа нет, получается, посыл неверный. А Эдик как раз — верный!

Эдуард этой ночью определенно превзошел самого себя и довел Лизу до головокружения. Вместе с чувством равновесия у нее улетучились и все опасения насчет любовника.

Когда Эдик наконец задремал, Лиза отправилась на кухню за соком. Она не любила холодный, поэтому прошлась по шкафчикам. От находки у Елизаветы опять закружилась голова: рядом с початой коробкой сока лежала початая упаковка виагры. И сок был гранатовый — видимо, Эдик старался действовать наверняка. Вот с чего Эдик такой бойкий! А она уж было подумала, что от любви. При таком допинге он может не только ее одну обслуживать. Еще намекал, жеребец, что ему поддержка нужна... Наверное, она опередила его со своей просьбой, не зазря же он брюликами одарил, наверняка хотел с утра поплакаться, на долю горькую пожаловаться, пресс-центр в ее лице бесплатно напрячь. «А вот фиг тебе! — решила Лиза. — Все, хватит баловаться, надо деньги зарабатывать!»

12.

Оля — это то, что ей нужно, Елизавета поняла это с первого взгляда. В пользу данной кандидатуры безусловно говорили пустые блестящие птичьи глаза, круглое румяное лицо, напоминающее розовую подушку, и коса бесконечной длины, свернутая на голове в воронье гнездо. Так и казалось, что из-за кромки сейчас высунется с требовательным писком голодный птенец.

— Можете не сомневаться, Елизавета Яновна, — качнув гнездом, сказала рекрутерша. — Я идеально подхожу для этой работы. У меня филологическое образование, отличное знание русского языка, меня не нужно редактировать. У меня широкий кругозор, я быстро обучаюсь любым новым знаниям и хорошо понимаю политику государственной службы.

В другой раз Лиза обязательно бы спросила: «А такая есть? И в чем она заключается?» Но сегодня задача была другой.

— Знакомы ли вы, Оля, с земельным законодательством?

— Конечно. То есть... не досконально. Раньше земля была общенародной собственностью, а теперь она частная... может быть частной, если ее продают. То есть... когда продают, она становится частной. Это точно. А еще землю можно сдавать в аренду. То есть... если сдают в аренду, то ее можно брать в аренду. Такой человек называется арендатор!.. Правильно?

— Очень хорошо, — ответила Лиза, но скорее на свой собственный вопрос. — Минуточку... — Она набрала номер телефона. — Добрый день... Игорь Петрович?.. Зайдите ко мне.

13.

Игорь Свистун как раз вымучивал очередной пресс-релиз, но вызов к начальству — не лучшая альтернатива этому мытарству. После истории с кувалдой его каждый раз одолевали сомнения, правильно ли он все делает. Начальница его больше не ругала, но сомнения эти подпитывались тем, что Анжела каждый раз что-то в его текстах правила. «Что там можно напортачить в тексте на полстраницы?» — каждый раз удивлялся про себя Игорь. Оказывается, можно. Может быть, после того случая к нему стала придираться Анжела? Тоже вроде нет. Она ему, напротив, сочувствует и объясняет, что может. Игорь поправил галстук и отправился наверх.

При виде его Елизавета улыбнулась до ушей, и Свистуну это показалось плохим предзнаменованием.

— Игорь, вот наша новая сотрудница — Оля. Она с сегодняшнего дня будет курировать департамент земельных отношений. Вы, пожалуйста, передайте ей все контакты по департаменту и объясните, что делали в последнее время. Хорошо?

— Что ж тут хорошего. То есть... передам.

Вот, понял Свистун, прилетела ему обратно эта кувалда злосчастная. Все-таки Жнач решила его уволить. Но, оказывается, не сию минуту.

— Оля, вы можете обращаться к Игорю по всем вопросам. Если возникнут какие-то сложности, я всегда готова помочь. Хорошо?

— Конечно, Елизавета Яновна. Будьте уверены.

— А что я буду делать? — спросил Свистун, не понимая, его оставляют для сдачи дел или подольше.

— У вас, Игорь Петрович, будет новое задание. Вы будете редактором «Вестника органов городского самоуправления».

Игорь встрепенулся.

— Вместо кого?

— Никого. «Вестника» еще нет. Давайте я вам в двух словах объясню, тут ситуация совершенно понятная. «Вестник» предназначен для публикации распоряжений мэра, решений горсовета и конкурсных документов по муниципальному заказу. Сейчас источником таких публикаций по закону является одна газета «Городские новости». Когда-то эта газета принадлежала городу, в ней традиционно публиковались все официальные документы. Сейчас «Городские новости» акционировались и стали частными, поэтому мэрия вынуждена публиковать все свои документы по цене коммерческой рекламы. Все это было терпимо до тех пор, пока не появился закон о местном самоуправлении. Теперь в целях экономии бюджетных средств все закупки мэрия должна вести через конкурсы, тендеры и аукционы. Пока понятно?

— Ага.

— Публикация условий аукционов по мупзаказу показала, что документов сейчас нужно печатать в десять раз больше, чем раньше, и платить «Городским новостям» тоже на порядок больше — а это уже ощутимые для бюджета деньги. И горожане могут спросить, куда мы тратим народные деньги. Короче, для публикации документов мэрии необходимо учредить свой печатный орган — этот «Вестник». Ваша задача — подготовить документы, необходимые для его создания, и организовать выход этого издания. Документы — это изменения в постановлении, где «Городские новости» указаны как единственный источник публикации, положение о порядке формирования и издания «Вестника», положение о редакционном совете... и еще что-нибудь — по мелочам. В помощь вам прикрепят юриста из нашего юридического управления. Документы по «Вестнику» должны быть приняты на сессии горсовета. Сроки сжатые — первый номер необходимо выпустить до выборов. Помните, что за публикацию всех документов по закону о местном самоуправлении отвечает лично мэр Балашков. В принципе, тут сложностей быть не должно — и чиновники и депутаты заинтересованы как в публикации документов, так и в экономии бюджетных средств. Но если сроки сорвем — на мэра наедет прокуратура, а мэр — на нас. Понятно?

— Вполне, — расцвел Свистун. Оказывается, Жнач на него не сердится, даже дает «одно маленькое, но ответственное поручение». — Спасибо, Елизавета Яновна!

— За что? — не поняла начальница. — Вот когда «Вестник» издадите — тогда мы вас сами поблагодарим. Все, Игорь, проводите Олю и сдайте ей дела.

Игорь вернулся на рабочее место в приподнятом настроении, которое не испортило даже невольное сравнение — на кого променяла его Жнач. В комнате пресс-центра Оля принялась кокетливо моргать и переспрашивать все, что он говорил, по два раза. А о том, что видела — по три. Но Свистун этого не замечал. Его дело теперь — «Вестник». Там ничего писать не надо — только организовывай.

— Чего сияешь? — Анжела первой заметила состояние Игоря.

— С меня бутылка. Я больше не пишу пресс-релизы! Я буду выпускать «Вестник»!

— Господи! Бедненький ты мой! — воскликнула Анжела и погладила его по голове.

— Ты чего?

— Представляете, Игорь будет выпускать «Вестник»! — громко сказала Анжела.

В пресс-центре повисла тишина.

— Кошмар!

— Сочувствую.

— Ничего, может быть, еще как-нибудь обойдется.

— Мои соболезнования.

— Да вы что все?! — возмутился Свистун. — Это же простое дело, понятное...

— Понятные — это самый отстой, — вздохнул кто-то.

— Геморрой — всегда с тобой! — срифмовал другой.

— И чиновники и депутаты заинтересованы в экономии бюджетных средств, — повторил Игорь слова начальницы и сам почувствовал, что почему-то в ее кабинете они звучали убедительно, а здесь — нет.

— Там еще и бабки на кону!

— Ну ты и попал! Попадалом на ежа!

— На Жнач! Да, Елизавета поставила тебя в ответственное положение!

— Перестаньте меня разыгрывать, — попросил Свистун не очень уверенно. — Что в «Вестнике» такого? Нормальное дело. Надо только документы подготовить, на сессии утвердить, а потом издать.

— Тебе еще и через сессию... Это ж надо так извернуться — как ориентацию переменить.

— Да ну вас! — Свистун окончательно убедился, что его, как новичка, разыгрывают. Только как на это реагировать — непонятно. — Пойду покурю.

Анжела пошла с ним.

— Ты, главное, не бойся, все это перемелется. Помнишь, я говорила: здесь никто не знает, что и почему ему приходится делать. Но, возможно, это как инициация, чтоб потом получить бонус... Помни, всякой работе на свете приходит конец. И никогда так не бывает, чтобы после черной полосы не наступила светлая.

— Да иди ты! — рассердился на затянувшийся розыгрыш Свистун.

Но Анжела почему-то не обиделась, а только погладила Игоря по руке.

— Из юристов ты к Толстопятову просись. Он сообразительный.

— Угу.

— А в горсовет когда пойдешь...

— Зачем? — спросил Игорь.

— Ну, в «Вестнике» же решения горсовета будут публиковать?

— Ага.

— Значит, с ними тоже все согласовывать надо, — объяснила Анжела. — В любом случае если через сессию идти, то горсоветовские юристы добро должны дать. Если не дадут, то депутаты и рассматривать ничего не станут. Даже на профильной комиссии.

— Черт возьми! — Игорь в задумчивости теребил узел душащего галстука. — Там еще и комиссия какая-то...

— Ничего, все постепенно утрясется, рано или поздно уладится.

— Жнач сказала, что это все до выборов сделать надо.

— Ох! — вздохнула Анжела. — Я тебе буду помогать.

14.

— Елизавета Яновна, вас Антон Александрович приглашает. — Неизменно ровный голос секретарши не давал ни малейшего намека на повод. И лишь непосредственно перед кабинетом шефа она могла намекнуть, если он не в лучшем расположении духа.

Елизавета никогда перед дверью не пасовала — она же профессионал.

Жнач зашла в кабинет и поздоровалась с присутствующими. Особенно любезной улыбки удостоился Аристарх Сидоров, местный режиссер и обаятельный собеседник. Судя по пустым чайным чашкам на столе, ее вызвали напоследок. Остальную компанию составляли шеф, вице-мэры, начальник управления культуры и Шибанюк с Эдуардом. Лиза решила быть особенно осторожной.

— Присаживайся, Елизавета, — пригласил шеф. — Мы тут одну темку прорабатываем, оцени идею. Прошу, Аристарх Сергеевич, нас убедил — теперь попробуйте нашу главную пиарщицу победить.

Сидоров широко улыбнулся навстречу присаживающейся к столу Лизе. Ему было приятно одержать еще одну легкую победу.

— Елизавета Яновна, — начал он, — представьте себе карту нашей страны, где мы находимся посередине между Западом и Востоком. Это уникальное положение уже по-разному эксплуатируется, но пока не рассматривалось всерьез в культурном контексте. У нас тут огромный потенциал. Если казаки Атласова, Хабарова и прочие прошли всю Сибирь насквозь и добрались до Тихого океана, то мы, наш город находимся на переднем крае культурной экспансии...

— В смысле? — по-балашковски спросила Лиза.

Сидоров перевел дыхание, растянул улыбку до ушей и продолжил.

— Теперь смотрите — практически в каждом городе Сибири есть театр, а то и несколько. Кто снабжает их кадрами?.. Да кто попало. А должны — мы!

— В смысле? — ничего не могла с собой поделаться Елизавета.

— Я предлагаю взять культурную инициативу в свои руки и создать в нашем городе театральный институт!

— Но это же дорого? — Лиза вопросительно посмотрела на вице-мэра Соколова.

— Ты, Елизавета, об этом не думай. — Балашков вскочил и заходил по кабинету. — Мы уже варианты помещения подобрали, ресурсы прикинули... Ты это по-своему, по пиару оцени!

— Погодите, погодите, Аристарх Сергеевич... но ведь стены и деньги — это не главное, — осторожно сказала Лиза. — Вы же понимаете?

— Улавливаю ваш скепсис, — заранее победно улыбнулся Сидоров, — преподавательский состав мы усилим кадрами из Москвы и Питера. Можно даже чартерный рейс сделать! Это дополнительный пиар будет, вы согласны, Елизавета Яновна?

— Свой чартер — это как-то по-купечески звучит.

— Но согласны, что звучит?

Лиза оглядела собравшихся. Никто от нее ответа, похоже, не ждал. Бабки они уже подсчитали... и их все устроило. А то, что из каменной коробки новый вуз не создашь, это им до лампочки, главное — вывеску сделать. Это как с журналистами — сроду их у нас в городе не учили, а как профессия модной стала, так даже в технических вузах факультеты понаоткрывали — штук десять уже. И что? Учат их там всему подряд, от эстетики до философии, только профессии учить некому. Ну да кому до этого дело, если абитуриенты на эти платные факультеты в очередь стоят!

— Преподаватели так и будут вечно летать? — спросила Лиза.

— Через три года свои кадры воспитаем, получше столичных! — не моргнув глазом заверил Аристарх Сергеевич.

— Звучит, — признала Лиза очевидную вещь. — Первый театральный вуз за Уралом — звучит! Это можно так пропиарить... И над соседями подняться. А то ведь кто только себя столицей Сибири не называет...

Аристарх довольно улыбнулся — он знал, что победа над дамой будет легкой и приятной.

15.

Вместе с деньгами Елизавета получила от Шибанюка и тоненькую папочку с компроматом на Эдуарда. Лиза с некоторым волнением открыла ее, но ничего интересного для себя не обнаружила: никаких амурных походов и порочащих связей — чистый бизнес. Наверняка большую часть (может, самую интересную) Шибанюк оставил себе — не все же стоит оглашать. А вот с баксами не пожадничал — все сразу выдал. Похоже, он подумал, что из этой суммы часть средств она передаст журналистам и редакторам. Ну нет, Лиза твердо решила действовать на бесплатной основе. И вовсе не из жадности, а из профессионального гонора. За деньги-то и дурак компромат опубликовать может... Есть еще два соображения. Во-первых, у многих журналистов привыкание к деньгам наступает с первого раза, как к тяжелому наркотику. И в следующий раз

они без денег даже не пошевелятся. Во-вторых, факт передачи денег может всплыть, а это коррупция, и тогда она мгновенно лишится должности начальника пресс-центра. Это избыточный риск.

Лиза прочла тоненькую папочку, посвященную грехам бывшего возлюбленного. Смертных не нашла, а вот тех, за которые прокуратура может епитимью наложить, — немало. Отдавать всё в одни руки — неэкономно, потому Лиза рассортировала компромат Шибанюка на три части и распечатала на трех листках. Три источника для мочилова пока достаточно. Каждый получит немного эксклюзивной информации и по кусочку, пересекающемуся с другими. Так будет достигнут необходимый негативный информационный фон. А там посмотрим...

Теперь осталось найти эти три источника. Самое простое — это обратиться к Паше. Лиза один листок положила в сумке поближе, остальные подальше и вызвала машину.

Паша хитрый, будет про себя кумекать-догадываться, но во всех местных делах он занимает позицию наблюдателя, потому его догадливость ей не опасна. Лиза это уже проверяла, так что не впервой. Когда нужно было сделать какую-нибудь гадость местному начальнику, многие обращались к Паше. Паша руководил представительством официальной федеральной газеты, и его начальство требовало от него хвалить московскую власть и ругать местную. Поэтому многие обиженные обращались к Паше, и мэрии часто доставалось. Хотя внешне отношения оставались хорошими: Пашу звали на все официальные мероприятия и даже вручали иногда благодарственные письма за освещение чего-нибудь. А то, что он план по критике властей выполнял за счет мэрии, в этом ничего личного — чистый бизнес, как говорится. На орехи попадало не только городской администрации, но и местным ведомствам. Особенно Лизе запомнилась история о том, как десятилетнему мальчику пришел счет из налоговой инспекции — компьютер ошибся. Родители возмутились, местная налоговая извинилась, но было уже поздно: Пашины журналисты об этой истории пронюхали и накатали огромную статью в защиту ребенка. И даже договорились до того, что только вмешательство федеральной власти спасло малыша от преследования местных налоговиков. Появление *deus ex machina*, «бога из машины», допрыгнувшего в сибирскую глухомань из-за Садового кольца, венчало почти каждую такую публикацию. Но примитивная схема федеральному начальству не надоедала и пользовалась успехом таким же неизменным, как у широкой публики сюжет о Золушке.

Лиза заехала в гости к Паше, обменялась с ним последними профессиональными сплетнями и оставила ему на попечение первый листок. Осталось пристроить еще два.

16.

Второй листок Елизавете пришлось вызубрить: с Лилией Аркадьевной шпаргалки не проканоют. Шпаргалкам нет места в разговоре двух светских львиц. Лиза даже перед зеркалом подобрала подходящее выражение лица — скучающе-просвещенное: вроде как она из числа из-

бранных, знающих сакральную истину из первых рук. И фон для встречи подгадался самый что ни на есть подходящий — день рождения мэра.

Наверное, сам Балашков и завел эти правила проведения дней рождений. А может быть, традиция была заложена Путятой или кем-то еще. Во всяком случае, когда Елизавета пришла в мэрию, порядок уже был установлен. Именинник — от начальника управления и выше — заказывал в столовой праздничный стол (каждому рангу соответствовала определенная сумма, а значит, и размах). Фуршет накрывали прямо в кабинете, и именинник весь день не работал, а принимал гостей и подарки. В зависимости от влиятельности чиновника, к нему выстраивалась соразмерная очередь. К самым крутым ходили по записи: секретари вели списки очередников и заранее приглашали. Новорожденного, по правилам хорошего тона, должны поздравлять подчиненные и все, кто пересекался с ним по работе. В этом смысле сотрудники пресс-центра, контактирующие со всеми подряд, находились не в самом выгодном положении: очевидная несправедливость заключалась в том, что стол заказывался на представительские расходы, а подарки все оплачивали лично. Но для искренне любящих друг друга коллег это не имело значения.

На правах начальника пресс-центра Лиза была вхожа в кабинет мэра в любое время. Благодаря этому у нее сложились почти доверительные отношения с обеими секретаршами шефа. Ей не составило труда узнать, в какое время записана поздравлять мэра Лилия Аркадьевна, директор уважаемой газеты «Nota bene — Сибирь». Лиза пристроилась в ту же группу поздравлянтов.

Запускали человек по десять, не больше. Вместе с Лизой пришли начальники отделов пресс-центра, Лилия и еще одна семейная пара, владевшая издательским домом «Параллель», а также трое проспиртованных главных редакторов старейших газет города. Среди них был и редактор «Городских новостей» Валерий Петрович Тимофеев.

Шеф встречал гостей с дежурной рюмкой коньяку: в такие дни с ней не расставался, но опустошал редко. День, конечно, был сумасшедший, новорожденному можно было только посочувствовать. Мэр терпеливо всех выслушал, мужчинам твердо пожал руки, женщин расцеловал, помоложе — в щеки, постарше — в ручки. Лизе, естественно, достался поцелуй в щеку. Она еще раз оценивающе посмотрела на Аркадьевну. Та заглядывала мэру в глаза, терлась рядом, как подобранная на улице кошка, манерно хихикала, в полной мере наслаждаясь близостью к высшей власти. Шеф произнес благодарный спич «высокопрофессиональным деятелям СМИ» (как у него язык-то так поворачивается!) и пригласил всех в комнату отдыха, где был накрыт стол.

Елизавета пристроилась рядом с Лилией и шепнула ей на ухо:

— Антон Александрович как-то заметил, что только в твоей газете стиль директора совпадает со стилем издания.

— Спасибо, — растрогалась эта дура.

Шеф чокнулся со всеми и таки выпил свою рюмку коньяку. Присутствующие славословили новорожденного и закусывали чем бог послал. Но недолго. График поздравлений мэра оказался таким напряженным,

что приглашать на выход их стали всего через три рюмки у редакторов, полторы рюмки у Лизы и семейной пары или глоточка — у Лилии Аркадьевны. Балашков проводил дорогих гостей до порога кабинета, а на встречу им из приемной уже просачивались новые поздравляющие.

Елизавета подхватила Лилию под локоток и пригласила к себе — «не могу отказать себе в удовольствии пообщаться с законодательницей газетных трендов». Лиза бы руку отдала на отсечение, что Аркадьевна на точного значения этого слова, «тренд», не знает. Зато железно знает, что оно актуальное. Так мода на новое слово объясняется модным словом прошлого сезона — передается, словно эстафетная палочка.

С миной радушной хозяйки Елизавета подогрела чай и выкатила новую коробку «Комильфо» — бренд попроще здесь бы не прокатил.

— Как приятно — мои любимые! — воскликнула Лилия, а Лиза сама себе подмигнула — все точно, без осечек.

— Ах, к сожалению, мы так редко видимся, — щебетала она.

— Да-да-да! — звучало в ответ.

— Мы с тобой говорим на одном языке!

— Это так классно, когда понимаешь собеседника с полуслова...

— Твоя газета — единственный в городе эталон... Такой высокой планки ни у кого нет, я считаю.

— Спасибо.

Лиза чувствовала, что каждый комплимент попадает в виртуальную копилку. И этот виртуальный кошелек позволит ей оплатить услуги Аркадьевны без использования грязной наличности.

— После всех этих листков на желтой бумаге так приятно взять в руки твою газету. Она... как белый человек, несущий бремя.

— Благодарю.

— Она настолько полно отражает жизнь элиты города, все основные тренды... И прекрасные фоторепортажи... И политические обзоры... — Здесь Лиза не сильно кривила душой: у Аркадьевны был хороший обозреватель по политике, статьи которого та любила цитировать в разговорах, а бильдредактор покупал репортажи у лучших городских фотографов.

Было видно, что внимание начальника пресс-центра Лилию Аркадьевну очень тешит. Лиза подседа к ней поближе, но не настолько, чтобы светский разговор сменился болтовней двух товарок.

— К сожалению, я в последнее время слишком занята, — томно сказала Лиза. — Столько хлопот.

— Я понимаю — выборы.

— Ой, да что выборы!.. Реальной альтернативы Антону Александровичу нет.

— Верно, основной тренд нынешней избирательной кампании — сохранить статус-кво властных структур, — сказала Лилия Аркадьевна с приятной улыбкой.

«Не я одна текст учила», — мелькнуло у Лизы.

— А так хотелось бы с тобой посоветоваться вовремя...

— О чем? — наострилась Аркадьевна.

— Наметился один тренд. Мне кажется, что в последнее время Антон Александрович как-то охладел к Эдуарду Борисовичу. Но особых причин вроде бы нет. Вот я и ломаю все голову... Может быть, дело в том протесте прокуратуры на проект застройки Центрального сквера? Ведь это очень важный для города объект... В нынешний-то момент... Ну ты понимаешь... Не опасно ли это?..

Наконец Аркадьевна сообразила:

— А тут выборы! Опасно!

— Мне очень интересно услышать твое мнение как независимого эксперта.

— Я думаю, что на фоне избирательной кампании такой негативный факт...

— Да еще проблема старой гостиницы: помнишь, ее хотели сносить, а там оказался спорным вопрос с владельцем земельного участка — федеральный он или городской. И еще кредиты под земельные участки — они оказались не по правилам оформлены. А Эдуард Борисович то ли не разобрался, то ли мэра неточно информировал. И два детских сада, вместо того чтоб в аренду сдать, с молотка пустили, их теперь не вернешь, а ведь демографическая политика...

— Да-да-да, мне думается, что это целая цепочка недоработок! А тут выборы... И если уж сам Антон Александрович...

— Тебе тоже так показалось?.. — переспросила Лиза.

— Это же должно быть очевидно серьезным наблюдателям...

— Экспертам, — уточнила Лиза.

— Конечно!

— Не хотелось бы, чтобы твоя газета пропустила этот тренд!

— Безусловно, картина политической жизни должна быть полностью отражена, — подчеркнула Аркадьевна. И тут как раз конфеты закончились.

«С приятным человеком в приятной обстановке... Мысли о предметах, приятных во всех отношениях...» — крутилось в голове, хотя Аркадьевну Лиза уже выпроводила со всеми положенными реверансами. Во рту осталась приторная сладость. До такой степени, что Елизавете вспомнилась недопитая у мэра рюмка коньяку. Лиза налила себе чаю без сахара и прополоскала рот. С приторной Аркадьевной вроде все получилось. Кто следующий?

17.

Юристы мэрии отвечают на запросы коллег как плохие торговки: «Вас тут много, а я одна». Что делать, не хватает пока юристов на все законодательные проекты. В результате Игорь Свистун, получив от прикрепленного юриста Толстопятова от ворот поворот, был вынужден попробовать себя на ниве законотворчества.

Это оказалось посложнее пресс-релизов. Игорь застрял сразу же, как только попытался определить, сколько бумажек нужно сочинить. Ему-то было все равно, но ведь существуют какие-то правила... Ели-

завета Яновна помогать отказалась. Поскольку для опытного чиновника вопрос, на взгляд Свистуна, был простой, а ответ — короче полученного отказа, он понял, что Жнач в этом сама ничего не понимает. Василевский, присутствовавший при разговоре, помочь тоже отказался. Анжела покачала головой, напряглась и посоветовала написать как можно больше, чтоб потом было из чего выбрать. Остальные коллеги ограничивались одним покачиванием головы.

Пришлось снова обращаться к Толстопятову. Жаль, что Игорь не взял с собой диктофон, поскольку юрист разразился целой тирадой по поводу того, при каких обстоятельствах какие бумаги сочиняются. Игорь старался запоминать фразы, начинающиеся словами «в нашем же случае». Не надеясь на память, Свистун бегом примчался на рабочее место и записал: решение об отмене, решение о замене, решение об источнике опубликования, регламент и распространение. Всего получилось пять позиций. Многовато. Со слов Толстопятова, какие-то можно было объединить, но какие — из головы уже вылетело. Пойти переспросить? Игорь плюнул и стал сочинять все пять.

Сначала никаких мыслей не было. И не ожидалось.

— А где у вас прошлогодние поздравления с Днем работников сельского хозяйства? — услышал он вдруг спасительный голос Анжелы. — Елизавета Яновна почему-то мне поручила...

Игорь шлепнул себя по медному лбу: если нужно старое решение сессии горсовета отменить, то ведь с него и надо новое списать! Свистун разыскал то самое решение, где говорилось о том, что источником опубликования документов мэрии и горсовета является газета «Городские новости». Это ж готовая болванка! Свистун возликовал: в конце тоннеля замаячил свет. Одновременно он снова почувствовал себя студентом, сочиняющим свою курсовую по чужой работе. Как и тогда, совесть его не мучила. Игорь стянул через голову галстук, и работа закипела.

...В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», законом Российской Федерации «О средствах массовой информации» городской совет решил: учредить периодическое печатное издание «Вестник органов городского самоуправления», признать утратившим силу решение № 256. Решение вступает в силу с момента опубликования, а опубликовать его во все тех же «Городских новостях». Подпись — мэр А. А. Балашков...

Игорю даже понравилось сочинять решение, за которое сначала единогласно проголосуют депутаты, а потом подпишет сам мэр. Осталось согласовать текст с Толстопятовым — и можно показывать начальству. Свистун опять надел галстук и отправился в управление.

Конечно, Игорь, хоть и гордился своей находчивостью, предполагал, что юрист что-то в тексте исправит. Но тут он заблуждался. Маленький и злой, как гном, Николай Георгиевич сказал, что у него есть свободных два часа, и за это время переписал черновик напроочь.

Игорь даже обиделся, но, учитывая, что это был его первый опыт законотворчества, смирился с переделкой, забрал новый файл, позвонил

Елизавете Яновне и доложил, что текст решения для сессии написан и согласован с юридическим управлением.

— Как, уже готово? — удивилась та. — И с Сашей согласовано?

— А кто такой Саша? — удивился Игорь.

— Помощник нашего вице-мэра, Александр Черненко. Прежде чем Васильев документ увидит, его Саша должен подготовить.

— А вице-мэру зачем это все читать?

— Игорь, вы что?! Вы не понимаете, где вы работаете?

— Понимаю.

— Вот и хорошо. Еще вопросы есть?

— Если этот Черненко готовит документы для вице-мэра, то, может быть, он и сделает...

— Игорь, вы хотите изменить должностную инструкцию помощника вице-мэра?

— Пока нет, — пробормотал Свистун.

— Тогда не отвлекайте меня от работы.

Свистун распечатал черновик и отправился искать Черненко. Интуиция репортера его не подвела: Черненко нашелся в кабинете, соседнем с кабинетом вице-мэра Васильева, курировавшего работу пресс-центра. Черненко был молодым человеком с профессиональными чиновничьими залысинами на крупной голове. Его рабочий стол был так завален бумагами, что Игорь боялся отдать ему свои листки: они в этом море обязательно безвозвратно потонут.

Черненко взял бумажки, спросил, о чем все это, и погрузился в транс, который Свистун назвал про себя «юридическим деструктивным трансом». Сейчас Игорь увидел его в действии впервые. Александр замер над документом, прочел его дважды, шевеля губами, потом взял карандаш и начал вычеркивать строчку за строчкой, приписывая сверху каракулями новый текст.

Свистун возмутился:

— Погодите! Что вы делаете? Это юрист писал!

— Я сам юрист, — сказал Черненко. — Кто писал?

— Толстопятов.

— Он тут ошибся. Наверное, неправильно понял. Держите.

Игорь взял листки и вернулся на рабочее место. Там он подшил пострадавший черновик в папочку, исправил файл, заново распечатал и на следующий день показал Толстопятову. Тот возмутился:

— Он ошибся. Наверное, неправильно понял.

Николай Георгиевич минутку посидел в состоянии того же деструктивного юридического трансa и начал исправлять уже новый текст.

— Погодите! Что вы делаете? — Игорь заметил, что слово в слово повторяется. — Это же был текст, который согласован с Черненко!

— Я отвечаю за этот текст со стороны юридического управления. Я не могу пропустить его в сыром виде.

Черненко Игорь застал на месте только к вечеру следующего дня. Александр несколько не удивился новым исправлениям, а быстренько впал в юридический транс. Затем покивал, соглашаясь с какой-то прав-

кой Толстопятова (Игорь даже подумал: вдруг обойдется), но дальше снова начал метить документ каракулями. Пояснил:

— Принципиальный вопрос!

— Это принципиальный вопрос, — сказал наутро Николай Георгиевич, вычеркивая правку Черненко и возвращая свой вариант. — Пойдемте.

Игорь уже давно порывался свести гиен пера, но какой-то особый юридический этикет до сих пор заставлял соавторов документа воздерживаться от прямого общения. А потом этикет перестал давить, и юристы встретились лицом к лицу. Свистун ждал обсуждения, перепалки, дуэли, но услышал лишь две жалкие реплики.

— Я считаю, что нужно собирать совещание, — заявил Толстопятков оппоненту.

Черненко солидно кивнул:

— Согласен.

Толстопятков вышел из кабинета Черненко, потирая руки.

— А мы здорово продвинулись за эту неделю, да, коллега? Фундамент, можно сказать, уже заложили.

Игорю стало плохо, как первый раз в морге. Он ослабил галстук-удавку и расстегнул ворот рубахи.

— Это ничего, — хлопотала возле него Анжела. — На, попей. Это после юристов бывает. Особенно, если сырые... Еще водички?

— Нет, спасибо. — Игорь потряс головой, прогоняя серую мусть. — Кто — сырые? Юристы?

— Документы. Ха-ха, придумал... Юристы — они свежие. Они всегда готовые... Тебе бы полежать... Ты, главное, не задумывайся. Как в пинг-понге.

— В смысле?

— Когда ты в пинг-понг играешь, ты же не думаешь, почему шарик туда летит, а не сюда, почему быстро или медленно скачет. Игра такая. Вот и все. Здесь то же самое, только шарик — это ты.

— А юристы — игроки, — догадался Игорь. — Вот они меня и гоняют!

— Нет. Юристы — ракетки. А кто игроки — нам знать не положено. Каждая ракетка думает, что она игрок. На самом деле игрока не знает никто. Его нельзя узнать. Можно почувствовать... предугадать...

— Мистика какая-то.

— Хочешь, так назови. Врачи вот, даже самые профессиональные, признают, что часто не могут понять, почему безнадежный пациент выжил, а вполне стабильный — умер.

— А еще врачи любят говорить о вреде курения с сигаретой в зубах.

— Вижу, ты уже оклемался. Тебя Елизавета Яновна просила доложить, как дело с «Вестником» продвигается.

— А мэр — тоже ракетка? Или игрок?

— Мэр, наверное, может быть игроком, но вообще-то он вне игры. У него особая роль, у него — предназначение.

Все департаменты и управления мэрии были распределены между сотрудниками пресс-центра, каждый курировал от одного до трех подразделений. Кураторы участвовали в совещаниях, летучках, мероприятиях своего департамента и писали пресс-релизы, в правильном свете отражающие деятельность службы. Они же организовывали для прессы интервью и комментарии сотрудников, но так, чтобы информация из департамента подавалась положительно. В ситуациях, когда это было невозможно (этого ни начальники департаментов, ни мэр понимать не хотели), задачей кураторов было свести негативные публикации к минимуму. Елизавете Жнач при этом каждый раз приходилось выкручиваться и доказывать, что ее сотрудники сделали всё, что могли. Иногда это было правдой, иногда — нет.

В очередной понедельник Оля впервые попала на еженедельное совещание в департаменте земельных отношений и вернулась, воодушевленная грандиозными задачами — как департамента, так и личными. Ее тут же вызвала к себе начальница.

— Земельные отношения — это так, оказывается, интересно! — сказала Оля с порога.

— Да что вы говорите... — вторила Жнач.

— Елизавета Яновна, там такие планы! Они хотят Центральный сквер перестроить, гостиницу там сделать. И Эдуард Борисович такой интересный, креативный, веселый.

«Ах он еще и веселится!» — отметила Лиза.

— Так вам начальник департамента понравился?

— Нет, ну все понравилось. И он тоже. Но вы не подумайте, я ничего такого...

— Это хорошо, что Эдуард Борисович вам понравился, — сказала Елизавета. — Это только будет помогать вам в работе. Ведь ваша задача — обеспечивать информационную поддержку департамента и его руководителя. Это сложный департамент, потому что городская земля — она всем нужна, все хотят купить, а кому не удастся, те обижаются...

— Точно, есть такие! — перебила начальницу Оля. — Эдуард Борисович на совещании сказал, что кто-то пытается наехать на департамент. Так и сказал — наехать! На прошлой неделе сразу несколько изданий написали о департаменте полную чушь.

— По земле информационный фон полностью положительным не бывает, — объяснила Елизавета. — Наша задача — чтобы позитивных и нейтральных публикаций было больше, чем негативных. Но в последнее время негатива заметно прибавилось. Возможно, это не случайно.

— Да, Эдуард Борисович так и сказал. А еще сказал, что тут недалеко до прокуратуры. И вообще, это какие-то «маски-шоу».

— Вот вам и нужно реагировать.

— А как?

— Нужно предотвращать появление негативной информации — дать опровержение, что слухи о повышенном внимании прокуратуры к

деятельности департамента не имеют никакого основания, речь не идет не только об обысках, но и даже о простых претензиях. Хорошо бы еще организовать позитивное интервью о планах. Самого Эдуарда Борисовича беспокоить не надо, обратитесь непосредственно к разработчикам проектов. Ведь намечены уже определенные участки земли к продаже, пусть расскажут, что там предполагается возвести. Скрывать недостатки — не наш метод. Если Эдуард Борисович указывал на недоработки, это значит, что департамент критически относится к своей деятельности, понимает и исправляет ошибки. Хорошо?»

— Да, я поняла, Елизавета Яновна.

— Тогда можете идти. И не торопитесь, это же работа не одного дня. Если вам понадобится совет — обращайтесь прямо ко мне. Наша задача — поддержать Эдуарда Борисовича в этот сложный момент.

Оля ринулась спасать Кленовязова.

Лиза сняла трубку и позвонила Анжеле:

— Хочу облегчить тебе работу.

— Э-э... спасибо, Елизавета Яновна, — с запинкой поблагодарила Анжела.

— Зря не веришь. Я по поводу Оли. Обычно ты всех новеньких курируешь, но в случае с Олей я кураторство поручаю Игорю. Он по этому департаменту работал — ему и карты в руки.

— Хорошо, Елизавета Яновна. Спасибо еще раз.

— Не за что. И пусть Свистун ко мне зайдет с «Вестником» — я ни черта не понимаю, что там происходит.

19.

Предвыборный штаб кандидата-фаворита, когда он при власти, напоминает партхозактив времен расцвета застоя. По крайней мере, Елизавета так себе его представляла. Довольно просторный Малый зал был забит чиновниками и членами штаба, среди которых были коротко знакомые кандидату представители бизнеса и городской общественности. Еще здесь тусовалась масса советников, референтов, экспертов, политологов и пиарщиков. Поскольку победа кандидата была predetermined, то царило самое благодушное настроение. Сам Балашков на этом заседании скорее отдыхал, чем работал. Чиновники докладывали по своим направлениям, эксперты обозначали присутствие несущественными замечаниями. Суетиться пытались только пиарщики, которым необходимо отработать деньги. Но даже их засасывала общая атмосфера вялости.

Самый известный городской пиарщик Артём Исмаилов мобилизовался и ударил по самому болезненному — информационному фону. Он, конечно, не мог не упомянуть наметившуюся тенденцию.

— Меня беспокоит, что при общей довольно стабильной ситуации вдруг резко негативным стал информационный фон по департаменту земельных отношений, — сказал Артём. — Пока это касается только одного департамента, но, возможно, это только пробный шар более широкомасштабной атаки. До выборов еще время есть, и наши противни-

ки, не получив должного отпора в этом направлении, могут развернуть серьезную негативную кампанию. Если они начали с такого серьезного направления и так хорошо осведомлены в профильной проблематике, то, вероятно, их следующая атака будет значительно сильнее, ведь главные козыри всегда выкладывают накануне голосования. Через месяц этот ручеек компромата может превратиться в мутный поток, который сметет наши благоденствующие редуты...

— Понятно, — остановил его очнувшийся от дремы Балашков. — Это вопрос к тебе, Лизавета! Ты вообще за фоном-то следишь?

— Где тонко, там и рвется, — нагло ответила Лиза. Она, конечно, подготовилась к единственной опасной теме. — Понятно, что противники подтягивают компромат, но глубоко копать они не могут — тащат то, что лежит на поверхности. Видимо, земельный департамент больше всего намусорил, потому и фон такой.

— Почему это мы намусорили? — вскинулся Эдуард. — Это работа пресс-центра — создавать позитивный образ мэрии и мэра. Разве не вы за это отвечаете, Елизавета Яновна?

— Да, я отвечаю, — спокойно парировала Лиза. — Именно поэтому, несмотря на предвыборную кампанию, информационный фон сохраняется таким же, как и полгода назад, когда она еще не начиналась. А то, что негатив идет по вашему департаменту, уважаемый Эдуард Борисович, так это только потому, что за последний год по земле накопилось много резонансных тем. Это же очевидно из беглого просмотра негативных публикаций — истории-то все старые, они так или иначе в прессе уже всплывали.

Шибанюк готов был заплотировать Елизавете. Вот отчаянная девка: сама все организовала, а теперь не защищается, а прет на рожон!

— Этой кампанией кто-то руководит, — сказал Эдик. — По имуществу ведь историй не меньше, это же общий комплекс проблем. Но по имуществу ничего такого нет!

— Я думаю, что скоро настанет очередь и департамента по имущественным отношениям... и ряда других — если мы неотреагируем, — сказал Артём.

— Надо найти стервеца и поставить в ответственное положение! — заявил Кленовязов.

— Раком! — послышалось с последних рядов.

Задремавший народ встрепенулся смешком.

— Эдуард Борисович, у нас пресс-центр один на всех, и никто не жалуется, — сказал мэр. — Если не можешь найти общий язык со своими коллегами, как же ты с посторонними договариваешься по земле?

Тут Лизе захотелось заплотировать Балашкову. Вместо этого она сказала:

— Я постараюсь сделать все возможное, чтобы сгладить ситуацию. Но кардинально ее изменить до конца выборов не удастся, потому что, с одной стороны, СМИ сейчас на этих скандальных публикациях перед выборами повышают свою популярность за наш счет, а с другой — они так вымогают у мэрии деньги.

— Может быть, тогда заплатить им пора... — пробормотал деморализованный Эдуард.

— Никому ни копейки! — приказал Балашков. — Начни им платить — до окончательного подсчета голосов не отвяжешься, так в раж войдут. Это мы проходили. И повода нет: положение у нас крепкое.

— Безусловно, — тут же подскочил Исмаилов, — согласно последним рейтингам, у вас, Антон Александрович, пятьдесят пять процентов голосов, а у вашего ближайшего соперника Путьяты — не более семи. Так что наши позиции...

— Ну и говорить нечего, — сказал Балашков. — Нужно обходиться собственными ресурсами. Вы оба, Лизавета и ты, Эдуард, обсудите, что можно по департаменту сделать. На следующем заседании доложите.

Лиза поймала косой взгляд Эдуарда. Кажется, только теперь он начинает ценить ее по достоинству!

20.

— «И», — сказал Черненко.

— «Или», — возразил Толстопятов.

— «И», — настаивал Черненко.

— «Или», — упорствовал Толстопятов.

Каждый боец юридического фронта был уверен, что правда за ним, и отступать не хотел. Совещание в кабинете у вице-мэра Васильева длилось второй час. Блокнот Игоря был сплошь покрыт фиолетовыми чертами. На последних рисунках даже черти выглядели побледневшими: в ручке заканчивалась паста.

— Что-то я уже ничего не понимаю, — в третий раз за совещание сказал вице-мэр Васильев.

— Если мы поставим «и», то смысл в «Вестнике» вообще пропадает. Зачем нам публиковать документы и в «Городских новостях», и в «Вестнике»?

— Но ведь нас к этому никто не обязывает. Мы просто указываем два источника для опубликования.

— И между ними нужно поставить «или». Тогда публикация будет или там, или там.

— А если нам понадобится использовать оба источника публикации — мы это не сможем сделать.

— И не надо.

— А вдруг — надо?

— А зачем нам вообще «Городские новости»? Это же теперь частная газета.

— Зато она ежедневная. Мы же не можем публиковать «Вестник» ежедневно. А вдруг необходимо будет что-то срочно опубликовать? Сроки выходят, остается один день, иначе придется тендер переносить. Мы забрасываем текст в «Городские новости» — и проскочили.

— И заплатили по коммерческой цене.

— За счет того департамента, который этот конкурс проводит. Что ему проще — двадцать тысяч заплатить или конкурс на несколько месяцев перенести? А за этим — сроки строительства, ремонта, а там и сезон заканчивается!

— Какой сезон заканчивается? — переспросил Васильев.

— Это я к примеру, Семён Яковлевич.

— А про двадцать тысяч?

— Это реальная цифра. Даже больше.

— Кстати, а сколько мы сейчас платим «Городским новостям» за все эти конкурсы-тендеры?

— Миллиона по два в месяц.

— Это как же они там жируют! — поразился Васильев. — А во сколько обойдется «Вестник»?

— Тысяч в двести.

— Да вы что! — воскликнул вице-мэр. — Избиратели узнают — головы нам отвернут. Это же форменное разбазаривание бюджетных средств. Антон Александрович нас не одобрит. Мне, кстати, уже к мэру на совещание пора. Вы свои формулировки утрясайте — даю два дня. А через три-четыре соберемся в расширенном составе. Пора депутатов привлекать. Они ведь тоже свои решения сессий будут в «Вестнике» публиковать — и с ними все должно быть согласовано. Саша, вы их юристам черновики отправили?

— Нет. Мы еще здесь не согласовали.

— Немедленно согласовывайте и отправляйте. Формулировки должны быть правильные, непротиворечивые. Всё. Если надо будет на депутатов надавить — я надавлю.

Черненко и Толстопяттов договорились встретиться через час.

— И вы приходите! — сказали они хором Свистуну.

— Я? — удивился Игорь. — А надо?

— Обязательно. Мы же только начали работу.

Свободный час Игорь просидел в курилке. Рядом с ним хлопотала Анжела.

— Юристы горсовета еще разик все перепишут, — уверенно сказала она, — а потом и на сессию пойдешь. Осталось месяца два, не больше. — Она сняла согревшийся компресс и приложила новый, холодный.

— А у вице-мэра предназначение есть? — спросил Игорь.

— Нет. У него нет будущего. У него все счастье — в настоящем, — просто ответила Анжела.

Свистун начал ей верить.

21.

Вице-мэр Семён Яковлевич Васильев всегда был собой доволен, но что еще лучше — им всегда был доволен Балашков. Они с мэром давно уже работали вместе, с веселых комсомольских времен. Веселыми те времена запомнились мэру именно благодаря Семёну Васильеву. Антон Александрович был в молодости застенчив — в силу косноязычности и

провинциального происхождения. Семён был коренной городской, зажигательный настолько, что из любого заседания бюро мог устроить сабантуй. С годами оба обрастали связями. Антона Александровича за молчаливую преданность ценили больше и быстрее двигали карьерно. А уже Балашков тянул за собой Семёна, который всегда умел устроить себе и друзьям сибаритское существование. Именно это умение Васильева, отсутствующее у Балашкова напрочь, больше всего нравилось будущему мэру.

Деловые качества Семёна Яковлевича ограничивались умением красиво говорить и определенным родом клептомании: ко всему, что плохо лежит, его тянуло произвольно. Но на большие дела он не замахивался, а мелочь ему прощали. Правда, это привело к тому, что он за время своей карьеры сменил множество сфер деятельности: заведовал общепитом и профтехобразованием, внешнеторговыми связями и стройинспекцией, социальным обеспечением и ремонтом дорог. Новые назначения Семён Яковлевич принимал с легким сердцем и во всех сферах чувствовал себя как рыба в проруби — в любой момент нырнет и в ил зароеется, ищи-свищи.

В обязанности каждого вице-мэра входит курирование сразу целого блока департаментов и прочих подразделений. Делил их между своими замами сам мэр: кому-то расширял полномочия, а кому-то урезал. Когда курируешь какие-нибудь управления по связям с войсковыми подразделениями или религиозными конфессиями, то и поживиться там особо нечем. После того как Васильев пожировал на дорожном ремонте, Балашков его на время сделал «министром без портфеля» — отправил руководить представительством мэрии в Москве. Это была своего рода почетная ссылка, где делать было нечего — нечего было курировать.

Пресс-центр был значительно более интересным полем для деятельности. Свежая история с «Вестником» это подтвердила: ни шиша, да вдруг алтын. Семён Яковлевич давно подозревал, что журналисты только приbedняются, а на самом деле жируют себе припеваючи. Во всяком случае, те, кто дружат с мэрией родной.

Васильев попросил секретаршу (надежный кадр, вместе с ним сменила уже третье место работы) соединить его с редактором «Городских новостей».

— Привет, Валерий Петрович, Васильев беспокоит.

— Здравствуйте, Семён Яковлевич, — обрадовался Тимофеев. — Как поживаете, как ваши дела?

— Да вот вашими делами занимаюсь, — не стал крутить Васильев. — Знаешь ведь, мы тут планируем тебе кислород перекрыть?

— Это вы про «Вестник», Семён Яковлевич? — спросил Тимофеев. — Так ведь это не кислород, это манна небесная. Сегодня есть, завтра нет. Да и по крупнице клюем — это ж дебиторка сплошная. С мэрии деньги получить — как у паука муху отобрать... я хотел сказать, как у лимона кислоту...

— Поправился уже? — догадался вице-мэр.

— Нет, это у начальника департамента информатизации день рождения сегодня был, а я поздравить заходил.

— Почему ко мне не зашел повидаться? Тем более, говоришь, дебиторка... Валерий Петрович, ты ведь знаешь, я всегда готов помочь.

— Спасибо на добром слове, — сказал Тимофеев.

— Ну так заходи, поговорим.

— Обязательно. Как только дела тут раскидаю...

— Всегда рад. — Васильев повесил трубку в раздражении.

Что за привычка — надираться до конца рабочего дня! С такими людьми никакие вопросы решить нельзя: с утра у них голова болит, а после обеда — плывет. Вот и Тимофеев этот такой же. А с другой стороны, чего ему не гулять: по два лимона в месяц мэрия отстегивает, а делать ни хрена не надо. Но ведь и о будущем, даже ближайшем, думать необходимо. До ближайшей сессии горсовета — месяц. Если законопроект по «Вестнику» на нее вынесут и утвердят — кончится у «Городских новостей» малина. А если сделать так, чтобы документ готов не был, то можно ближайшую сессию пропустить... и даже последующую. А каждая оттяжка — это месяц, а каждый месяц — это два лишних миллиона! А кто курирует подготовку документов, кто на сессии будет докладывать по «Вестнику»? Он, Васильев. И при этом Тимофеев обходит его кабинет стороной. А ведь Семён Яковлевич и с дебиторкой поможет. Что лучше — на дебиторке месяц посидеть или поделиться с полезным вице-мэром и лишних пару месяцев мэрию подоить? С другой стороны, если его разозлить, то Васильев может сделать так, что эта тимофеевская дебиторка станет вечной без всяких причин. Ничего, теперь-то прибежит. Жадина!

22.

Оля справилась на отлично: жажнула интервью со специалистом департамента о планах по застройке парка, хотя сначала участки продаются, а потом уж победитель придумывает проект. А раз проекты есть, значит, известно, кто на аукционе землю купит — так, что ли?.. Журналисты зашевелились.

Следом Оля выдала опровержение: прокуратура, дескать, департаментом земельных отношений не интересуется и обыски не проводила. «Выхлоп» пошел — негативных публикаций по департаменту Эдика сразу вдвое больше стало. Тут же полыхнул скандал.

Елизавета как раз собиралась поехать на студию к Камилле Алексеевне, когда позвонила секретарша шефа и вызвала ее в кабинет. Там уже находился Эдик с багровой апоплексичной мордой. Такой Лиза не видала у него даже в пароксизме страсти — умеет все-таки шеф доводить до предельного экстаза своих подчиненных. Слава богу, что Балашков начал с Эдуарда и на Лизу запала для полноценного пистона уже не хватило.

— Лизавета, что там у тебя в пресс-центре творится? Там что, дуры одни? Что они у тебя пищут? Ты сама-то читаешь это?! Лизавета, это ж форменная... — Все красноречие шеф истратил в предыдущем разговоре и ругал совершенно не обидно. Даже с прошлой летучкой не сравнить.

— Я виновата, — сразу покаялась Лиза. — Понадеялась на двух молодых сотрудников. Один из них готовит документы по «Вестнику» —

закрутился, видно. Больше этого не повторится. Но, насколько я знаю, Эдуард Борисович был доволен прикрепленной к нему сотрудницей. Они с Ольгой нашли общий язык.

— Да я... — пробормотал Эдик.

— Ты помалкивай! — одернул его Балашков. — Ее дура не смогла бы ничего опубликовать, если бы ты дурака не валял. Она же не сама про прокуратуру придумала, она же тебя процитировала, так?

— Но я это на планерке... в своем кругу.

— А твои идиоты почему без разрешения интервью дают? Они что, ни разу не ученые? Или ты им разрешил?

— Антон Александрович, я бы никогда...

— Болтун — находка для шпиона! Кто сказал?

— Не знаю.

— Лизавета, ты зачем на службу шпионов принимаешь?

— Я отвлеклась, по выборам больше работаю. Вот и проскочили эти два текста. Не углядела. Больше не повторится. Я материал готовлю для совещания в Москве по инновационному развитию в дошкольных учреждениях, — сменила тему Елизавета.

— Это в детсадах? — кивнул мэр.

— И в яслях тоже.

— Круто! — оценил шеф. — Никого, значит, не упускаем.

— Ага, тотальное инновационное воспитание, — сказала Лиза.

— Ты только роддома пока не трогай. Там другая инновация обкатывается, с материнским капиталом.

— Хорошо.

— Да ничего хорошего... — снова взбрыкнул успокоившийся было шеф. — Учти, если по департаменту Кленовязова информационный фон не выправится, то я его уволю... и тебя вместе с ним. Мне всего этого на выборах не надо. Мне спокойная обстановка нужна. Понятно? А пока — обоим по выговору... и валите работать.

Лиза Олю приструнила, приказала все пресс-релизы показывать. А что тут показывать — всё, что можно, та уже наворотила. Молодец!

Такой пиар сразу отдачу дает, слетелось воронье косточки Эдиковы поглотать. Особо ловкие сначала обстановку разведывать стали, а особо наглые — прямо через нее.

— Здравствуйте, разлюбезная Елизавета Яновна! — раздался в трубке вкрадчивый баритон главного редактора радио «Сибирский голос». — Как поживаете?

— Вашими молитвами, Станислав Михайлович.

— Что, молиться уже пора? — заржал тот.

— Нет, это я так, к слову. Как ваши дела?

— Нормально. В соответствии с колебаниями рынка. — Снова ржет.

Странно, что эта веселость распространяется только на личное общение. Лиза специально слушала со Станиславом прямые эфиры — кремь! Ни намек на безудержную веселость. До Лизы долетала сплетня, что в мо-

лодости его за срыв эфира лишили зарплаты на полгода — вот с тех пор он работал без проколов. Всегда в голове держит, сколько бабок потеряет, если не вовремя заржет.

Всем было известно, что за копейку Станислав Михайлович что угодно сделает, и этим необходимо было воспользоваться. При условии, что расплачиваться со Стасиком будет кто-то другой.

— В кризис колебания в одну сторону, — сказала Лиза. — В сторону сокращения до полной ликвидации. Слышала, у вас эфиры сократились?

— Ничего, пока скрипим. Даже помочь можем, — сказал Станислав Михайлович с особой интонацией. Ему наживка не нужна, он сам — сука стреляная. Ну и сука, конечно, порядочная.

— Да у нас все вроде нормально.

— А как же Кленовязов? В прокурорских проверках, говорят, увяз?

— Наветы. Не было ничего. Вы, Станислав Михайлович, опровержение-то читали?

— Дыма без огня...

— Я сама вопрос изучала. — Лиза быстро отыскала третий листок. — С федеральной службой по земле — да, поцапались, но это уже давно было, месяца два тому. Застройщик один жаловался: участок у него выигранный отобрали, ну да эти застройщики всегда жалуются. Тоже старая история. Так что все нормально по Кленовязову.

— Как-то вы его не бережете, Елизавета Яновна. Как будто он вам неродной.

Тут Лиза вздрогнула: вдруг об их шашнях пронюхал? Вот тогда точно придется платить. И уже ей!

— Да родной, родной, — непринужденно рассмеялась Лиза. — Вот только у нас помощь бесплатная, в отличие от вашей, и для всех департаментов одинаковая. А для СМИ у нас бюджета нет до конца года.

— Да я под честное слово могу помочь, хороший материал в поддержку Кленовязова сделать. В новом-то году, после выборов, денежки появятся?

— После выборов обычно ничего не остается, вы же знаете, Станислав Михайлович. Разве что сам департамент что-то в закромах наскребет...

— Если смогу помочь — всегда готов. До свидания, Елизавета Яновна.

— До свидания, Станислав Михайлович.

Лиза прямо услышала бархатный баритон: «Сегодняшний эфир посвящен злободневной теме: мы решили разобраться, что происходит с городской землей? Чем занят начальник департамента и куда смотрит мэр, если его подчиненный конфликтует и с федеральными структурами, и с бизнесом?» Теперь, пока Стасику не заплатят отступного, он будет принципиально информировать горожан обо всех промахах Кленовязова. А бюджета на отмазку Эдика и впрямь нет. И Лиза его выбивать не пойдет. Ни за что.

23.

Дверь распахнулась, и в кабинет на коленях вполз Эдуард. Лиза замерла, потом бросилась к двери и захлопнула ее.

— Ты с ума сошел! Что ты творишь?!

— Я решил сразу привести последний аргумент. Все равно на тебя ничто другое не подействует.

— А если бы тут Василевский был?.. Что тебе надо?

— Я его на соседнем этаже видел. Так что еще не окончательно тютю. — Эдик покрутил у виска.

— Все равно — псих, — убежденно сказала Лиза. — Этот коридор охранник видит. И народу всякого... Вставай.

— Давай помиримся, дай мне еще один шанс.

— Нет.

— Будешь неткать, как говорила моя бабушка, я обратно так же пойду. Еще встречу кого-нибудь.

— Ну чего тебе надо?

— Пошли в ресторан? Посидим, поговорим.

— Спихватился...

— Я, кажется, стал исправляться.

— С помощью виагры?

— Да, с помощью. Тебе не понять.

— Где уж мне. Вставай.

— В восемь в «Сорренто»?

— Нет.

— Ладно, я пошел. Очень медленно! — Эдик все так же на коленях развернулся к двери.

— Стой! Псих!.. Ладно... Только в девять.

Эдуард вскочил на ноги.

— Вот и хорошо, а то колени устали. — Кленовязов попытался то ли опереться, то ли приобнять Лизу. Она увернулась и быстренько вернулась в свое кресло.

— Я уступила силе тяжести — мне ж тебя с колен не поднять.

— Тут главное — замотивировать. До вечера.

Ну вот, застал врасплох — у нее не то что прически, даже очереди к стилисту не запасено. А сам, как всегда, сразу облапить норовит. Медведь Эдька, чистый зверь. Надо признаться, эта звериность в нем ей и нравилась. От такого не вырвешься.

Переодеться и какую-то прическу сделать Лиза все-таки сумела.

Эдик был невероятно услужлив. Он так и вертелся, чтобы доставить Лизе приятность. Как же важно ей это было раньше! А теперь, что ж... К чистому чувству неприязни примешивалась и мысль о тридцати тысячах. Все-таки она его не просто не любит. Она его еще и продала! Лиза не сомневалась, что Эдуард за хороший куш ее бы тоже продал, но как-то коробило отдыхать в ресторане за счет человека, которому она практически поломала карьеру, да еще не без выгоды для себя.

- Тут грибочки исключительные подают, хочешь?
  - Нет, спасибо.
  - А икры?
  - Не люблю.
  - Вина?
  - Я одна не пью. А ты за рулем.
  - Ради тебя я вдребезги напьюсь.
  - Чего ты хочешь?
  - Ты же знаешь... — игриво ответил Эдик.
  - Зачем ты меня звал? — Лиза решила быть деловой.
- Эдуард наконец стал серьезным.

— Меня журналисты затравили. Помогите мне. Еще немного — и Балашков меня сольет. Помнишь, как было с его первым начальником финуправления? Он мне рассказывал. На него прокуратура наехала — несерьезные, в общем, нарушения нашла, такие за всяким из нас водятся. Но все это подхватила пресса, и такой шум поднялся! Балашков его к себе вызвал: пиши, говорит, заявление. Тот написал. Мэр закорючку раз — и даже руки не подал. А ведь тот для него изворачивался, деньги на выборы собирал и сам развозил по тем же СМИ. А Балашков руки не подал... И со мной так скоро будет.

— Финансист, насколько я помню, на следующий день вице-президентом банка стал. Другие за такой карьерный крах всю жизнь бы молились.

— Дура ты, Лизка. Ты сама представь: вот тебя из мэрии вышибли, и устроилась ты в какую-нибудь дрянную газетенку аж главным редактором. Обрадуешься?

— Сам дурак.

— Извини. У тебя власти, может, и немного, но ты к мэру близко, и бросать этот пост ох как не хочется. А ты представь: власти в десять раз больше, денег, уважения... Понимай, что с чем сравниваешь. Помогите мне, а? Все эти писаки — они же по твоей части. Ты их знаешь, они тебя. Договорись, а?

— Это не в моей компетенции.

— Самым наглым я и заплатить могу. Ты только договорись.

— Как? У нас же пресса независимая, что ты от меня хочешь, милый? — спросила Лиза.

Эдуард налил себе бокал вина и выпил залпом.

— Что ты меня лечишь... Я, может, что не понял — так объясни. За что ты на меня окрысилась?

— С чего ты взял, милый?

— Не называй меня так. У тебя как-то гадко получается. — Эдуард налил еще бокал и выпил. — Не держи меня за идиота, милая. Никаких особых подвигов в последнее время я не совершил, а волна пошла — и ее кто-то гонит. И вместо того, чтобы прикрывать, как раньше, ты приставила ко мне эту дуру Олю.

— Но я...

— Погоди, не ври. Я с ней поговорил и узнал, что это ты посоветовала ей написать опровержение по поводу прокуратуры и обысков. Это или некомпетентность, или сознательная дискредитация. Такого я от тебя не заслужил. Я не ждал, конечно, любви до гроба, но, мне кажется, на простую лояльность мог рассчитывать. И заметь, я-то тебя вламывать Балашкову не стал. Хотя мог бы.

— Какой ты благородный! — сказала Елизавета. — Да кто тебе поверит!

— Я с тобой ссориться не хочу. Мне тебя не хватает... Мне с тобой было так хорошо, как давно не было. — Эдуард выпил еще.

— Эдичка, хороший, — Лиза погладила его руку, — но я и правда ничего не могу поделать. Я напутала с этой девчонкой, но она-то, дура, все неправильно поняла. Эдичка, прости, я виновата, но весь этот шум приобрел такие масштабы... Так просто это не заткнуть.

— Ты думаешь, меня кто-то заказал?

— Может быть, — холодея, сказала Лиза. — У тебя есть враги?

— Шибанюк, наверное. Я ему поперек горла. Он меня выскочкой считает.

Эдуард задумался, а Лиза поняла, что она сначала подставила любовника, а теперь еще и своего поделщика Шибанюка. Ей стало неудобно.

— У нас же все было хорошо. У меня так хорошо не было с тех пор, как моя жена... С тех пор, как ее со мной нет...

Эдуард был готов заплакать; Лиза видела это и обняла его. Он был большой, горячий, даже липкий. Но такой родной...

— Отвези меня домой, Эдик, — слабея, прошептала Лиза.

И все получилось как в первый раз. Он ее тогда подвез домой, потом начался ливень, она позвала переждать его за чашкой кофе, и кофе затянулся до утра. Лиза даже испугалась немного, что все повторилось точь-в-точь. И еще ее испугало собственное тело, которое так к нему льнуло. Елизавета поняла, что она тоже соскучилась по Эдику.

Утром Кленовязов ушел очень рано — опять, наверное, из соображений конспирации, но Лизе на это было наплевать. Она решила выспаться во что бы то ни стало и проспала допоздна. Уснула она в сказке, а просыпаться и решать проблемы не хотела. На чьей стороне ей теперь быть между двумя врагами? Работа у нее мужская, а психология бабская, слабая, жалела себя сквозь сон Лиза, и по ее розовым щекам катились прохладные слезы.

24.

Курьером в юротдел горсовета Толстопятов и Черненко единогласно отправили Игоря:

— Вам надо познакомиться с коллегами, вам с ними работать.

— Гусь свинье не коллега, — пробормотал Свистун, взял распечатку последней версии документов и отправился в горсовет, расположенный в одном из крыльев общего с мэрией здания.

Надежда Константиновна Грушина, которой начальник юруправления поручил заниматься «Вестником», уже находилась в состоянии того самого деструктивного юридического трансa, так что слабую надежду, что все сойдет гладко, Игорь тут же потерял. Через пять минут Надежда Константиновна ожила и сказала:

— Они тут ошиблись. Наверное, неправильно поняли. — Потом добавила: — Это принципиальный вопрос! — и стала черкать листки с такими ровными и красивыми строчками.

Игорь обреченно вздохнул.

* * *

Курьером Свистун служил недолго, но интенсивно. Обмен мнениями между юристами привел к тому, что у «Вестника», как самого настоящего издания, появилась редколлегия, в состав которой кроме чиновников попала пара депутатов. Теперь в горсовете Свистун навещал не только Надежду Константиновну, но и депутатов Авдеева и Густова. Оба они периодически говорили: «Они тут ошиблись. Наверное, не поняли. Это принципиальный вопрос!» — из чего Игорь сделал унылый вывод, что и они не чужды юриспруденции.

Одна Анжела понимала Игоря и утешала его.

— Ты хочешь, чтобы это все побыстрее закончилось? Так и случится, но в свое время. И вспоминать ты об этом будешь с улыбкой. А сейчас нужно набраться терпения. Это большая игра в пинг-понг, ты должен выполнять свою роль и больше ни о чем не думать. Кто-то там, наверху, наиграется и остановится... точнее, затеет новую игру. А тебя оставят в покое, ты отдохнешь и перейдешь на новый уровень... Все испытания для чего-то нужны, — говорила еще Анжела. — Все перемелется — мука будет. И той мукой вскормятся новые поколения. И будут они служить, ходить по этим вот коридорам, согласовывать и противопоставлять, изменять и оставлять неизменным.

— Анжела, ты меня совсем заморочила!

— Игорь, лучше думать как я. Потому что иначе ты вспомнишь, что «Городские новости» будут получать два миллиона в месяц до тех пор, пока ты не запустишь «Вестник». А это значит, что кому-то выгодно процесс согласования затягивать. И чтобы не видеть в каждом коллеге такую заинтересованную сволочь, лучше относиться к этому философски. Если у тебя самого не получается выстроить такое отношение, я могу познакомить с людьми, которые помогут овладеть этой техникой.

— А может, эту сволочь вычислить?

— До тебя этот вопрос задавали миллионы раз. А потом люди, чиновники, выработали альтернативный взгляд. Хочешь — ищи, но обычно такие поиски заканчиваются тем, что начинаешь подозревать всех. Я пробовала.

Перекур кончился, и Игорь, подтянув узел галстука, опять отправился в горсовет с новой версией документов в папочке.

Как он понял, Черненко с Толстопятовым в борьбе с юристами горсовета отстаивали два пункта положения о периодическом печатном издании «Вестник органов городского самоуправления», а один изменили в соответствии с пожеланием Надежды Константиновны. Итоговый счет 2:1 Игорь принял за выигрышный, но правила тут оказались ближе к шахматным, чем к футбольным. Потому что ситуация стала патовой: Грушева хотела заработать для своих еще одно очко, а Черненко, Толстопятов и поставленный в известность вице-мэр Васильев были против. Вопрос преткновения был финансовый: юристы горсовета отказывались участвовать в финансировании «Вестника». А печатать там решения сессий собирались. Мотив простой — мэрии «Вестник» нужнее, пусть она и финансирует.

— Это принципиальный вопрос, — в свою очередь сказал Васильев. — Надо обсудить его на заседании комиссии по местному самоуправлению с участием всех заинтересованных сторон.

Но для комиссии одного вопроса было мало, пришлось ждать, когда будут готовы еще хотя бы два. На счастье Игоря, в недрах мэрии созрело еще несколько законодательных инициатив. Депутатам из комиссии по местному самоуправлению предложили обсудить проекты решений о создании в городе двух памятников — А. С. Пушкину и 425-й годовщине завоевания Сибири Ермаком.

Спустя еще два миллиона (месячный заработок «Городских новостей», как помнил Игорь) заседание наконец состоялось. Открыл его, как положено, председатель комиссии Виктор Тутышко. Его вступительная речь была вдохновенна: он десять минут жевал перед собравшимися одну простую мысль, что за хорошую работу комиссии горожане будут благодарны всем присутствующим. А за плохую — не будут благодарны. Затем Тутышко назвал вопросы повестки дня архиважными и предложил приступить к обсуждению.

Вопрос о «Вестнике» докладывал сам вице-мэр Васильев. Семён Яковлевич решительно потирал руки, его готовность отстаивать интересы мэрии была бескомпромиссной. «Это вопрос принципиальный», — вспомнил Игорь и внес в мысленный список подозреваемых всех, кто говорил эту фразу.

На заседание пригласили нескольких руководителей департаментов, под началом которых работали самые активные комиссии по муниципальному заказу. Пришли те, кто подумал, что дело касается новых правил работы комиссий; в их числе оказался и Шибанюк. Пока он разобрался с темой, заседание уже началось и демонстративно уходить было неудобно. Сергей Валентинович матюгнулся про себя и остался сидеть.

Вице-мэр Васильев начал рассказывать сказку с самого начала: конкурсные документы необходимо публиковать, а для этого нужно прекратить финансировать «Городские новости» и создать «Вестник органов городского самоуправления».

— Почему «Вестник»? Давайте создадим новую газету вместо «Городских новостей», — выступил кто-то из новеньких депутатов, еще не знакомых с темой «Вестника».

— Деньги на газету в бюджете, к сожалению, не заложены, — объяснил Васильев.

— Давайте вынесем вопрос на сессию, заложим деньги и будем издавать газету! — настаивал депутат. — Это принципиальный вопрос!

— Как его фамилия? — спросил Свистун, мысленно открывая список.

Анжела, которая пришла поддержать Игоря, пояснила:

— Сапаткин. Очень хороший человек, хоть и депутат.

— Это мы еще посмотрим... — пробормотал Игорь.

— Откладывать рассмотрение вопроса о «Вестнике» мы не должны, — сказал вице-мэр. — Бюджет пресс-центра, выделенный на опубликование документов, почти весь израсходован на «Городские новости». Скоро получится так, что, с одной стороны, нам будет нечем платить, а с другой — мы будем обязаны это делать по закону. Придется вносить поправки в бюджет текущего года, чтобы найти необходимые средства. Без опубликования конкурсной документации мы также не можем обойтись, ведь тогда все результаты конкурсов будут аннулироваться. Более того, обязанность по опубликованию документов возложена законом непосредственно на мэра.

Шибанюк насторожился.

— Вот поэтому юристы горсовета настаивают, чтобы финансирование «Вестника» целиком взяла на себя мэрия, — сказал депутат Авдеев.

— Можно уточнение? В какой срок необходимо выпустить «Вестник»? — спросил Шибанюк.

— Два месяца — это максимум, — ответил Васильев.

— А сколько мы платим «Городским новостям» за публикации?

— Сейчас — по два миллиона в месяц, а со следующего года будет в два-три раза больше, поскольку ожидается увеличение объема конкурсной документации.

По залу прокатился шепоток. Сергея Валентиновича прошиб пот, а Игорь занес его в свой список подозреваемых, врагов «Вестника», к которому, рождающемуся в таких муках, он испытывал уже отеческую нежность.

«Эврика! — мысленно воскликнул Шибанюк. — Надо еще закон пролистать, но если Васильев ничего не переврал... Эврика! Вот же ахиллесова пята Балашкова — у них перед носом!»

Сергей Валентинович добросовестно хотел заседать дальше, но неожиданное открытие жгло и торопило. Просидев как на иголках минут пять, Шибанюк приложил к уху мобильный телефон и двинулся к выходу — чтобы «ответить на звонок». Надо срочно оповестить Путятю! До выборов осталось чуть больше двух месяцев, и тут такая удача с этим «Вестником». Все в линеечку выстраивается!

К концу заседания депутатской комиссии в список Игоря попали все присутствующие, за исключением Анжелы.

— Вот видишь, — сказала она. — И как ты собираешься со всем этим разбираться?

— Не знаю пока. Может, через «Городские новости» удочку забросить?»

— Так они тебе и скажут, с кем делятся!

— Что же тогда делать?»

Анжела с сочувствием посмотрела на Игоря.

— Беденький! Все идет с возможной скоростью, — сказала она. — И к выборам все закончится. Выборы — это всегда конец старой жизни и начало новой. Каждому воздастся, а предназначение сбудется.

25.

Тринадцать новых каменных идолиц выстроились вдоль аллеи, в партере разместились скульпторы и зеваки (офисный планктон из мэрии), а члены клуба «Фонарь Диогена» заполнили трибуну. То ли трибуна в этом году оказалась мала, то ли полку членов избранного общества прибыло, но им было очень тесно. И когда кто-то из «фонарщиков» пробирался к микрофону, на краях трибуны возникало опасное волнение — казалось, что люди сейчас посыплются вниз. Но то ли исключительная спайка, то ли умение держаться за свое место под солнцем позволяли «фонарщикам» сохранять позиции на трибуне. Да и свалиться перед глазами нацеленных телекамер было бы неприлично. Это испортило бы общий праздник. Так что помогала спайка. Конечно, именно она.

Шибанюк, удрав с заседания комитета, не решился звонить Путятю по телефону (хоть его и не считают серьезным соперником, но могут прослушивать) и воспользовался мероприятием, чтобы рассказать Дмитрию Олеговичу о своем открытии. Но он как-то не подумал о том, что закрытие фестиваля Путятя превратит в предвыборное мероприятие, позвав сюда прессу. Впрочем, вспомнил огорченный было Шибанюк, телевизионщики обычно снимают первые пятнадцать минут, а потом сматываются. Так что возможность переговорить у него будет, но попозже.

Выступить перед широкой публикой «фонарщикам» удавалось нечасто, потому любую возможность они использовали на полную катушку. Сам Путятя занял позицию рядом с микрофоном, но говорил совсем мало, зато много улыбался и приветственно махал руками. Его соратники, напротив, были неумны. Они подробно говорили о значении скульптуры в жизни горожан, о том, как выросла культура малых форм за время проведения фестиваля, о прозорливости Дмитрия Олеговича, который его создал. Штатный скульптор заикнулся о корнях города, тянущихся из античной архитектуры, композитор пообещал городу новый гимн в случае победы Путятя на выборах. Дольше всех болтал штатный писатель Шаманов. На радость жителям, он придумал символ для города — мальчика Городулькина, который, если на выборах победит Путятя, будет ежегодно руководить Днем города. Чтоб подарок смотрелся наглядней, Шаманов вытолкнул к микрофону ряженого артиста. Упитанный мужчина в рыжем парике, круглых очках-велосипедах и коротких штанах на помочах воплощал симбиоз Малыша и Карлсона без мотора.

— Мальчик Городулькин — это символ нашего молодого мегаполиса; очки на его носу — символ ума и нашей городской науки, — гордо пояснил Шаманов. — До ближайшего Дня города больше полугода, и никому не хочется расставаться на такой долгий срок с нашим обаятельным Городулькиным. — Было видно, что Шаманов подтолкнул «символ» локтем, и тот приветственно замахал. — Так вот, чтобы вы без него не скучали, я написал о приключениях Городулькина книгу! — Шаманов помахал в воздухе книжкой. — И сейчас я прочту вам из нее первую главу, которая называется «Неожиданная встреча».

В толпе и на трибуне раздался стон, но Шаманов не обратил на него внимания и захлеб начал читать:

— «Запашисты осенние вечера в Сибири. А ночи — прохладны, начиная со дня Никиты-репореза, который празднуется пятнадцатого сентября. Вот в такой погожий денек вышел мальчик Городулькин на берег могучей сибирской реки, услышал нежное перешептывание речных волн и аж заколдобился...»

Телевизионщики как по команде стали скручивать кабели с микрофонами, а Шибанюк заскучал и стал озираться по сторонам.

Самым интересным ему показались скульптуры, ради которых, собственно, все и затевалось. Сугубые абстракции из шаров и пирамид здесь соседствовали с работами в духе соцреализма: мальчик с рыбой, мужик с гитарой, а какой-то шутник изготовил натуральную девушку с веслом — символ паркового искусства. Шибанюк присмотрелся к барду, но никого из известных музыкантов не узнал, хотя смутные ассоциации были. Сергей Валентинович подошел к нему еще ближе, изменил угол зрения и вдруг признал — это же вылитый (вернее, высеченный) мэр Балашков! Шибанюк присмотрелся — он. Как такое могло получиться? Бывает такое случайное сходство? Или в этом что-то есть?.. Сергей Валентинович стал обращать внимание на детали, и тут оказалось, что отверстие акустической гитары — вовсе не отверстие, а центр мишени, нарисованной на гитаре. «Бард» держит инструмент необычно высоко и чуть слева, так что этот самый центр нацелен на мэрское сердце.

Что за чушь?.. Сергей Валентинович изучил скульптуру еще раз. Да точно! Но как же этого никто не заметил? Он оглядел публику: стоят, глазают на трибуну — хоть бы что! Не может быть, чтоб он один... Или он рехнулся? Тогда, может, и всё в порядке.

Он постарался успокоиться. Двенадцать лет правления Балашкова истекают, и вот перед ними тринадцатая скульптура — сам мэр с мишенью, нарисованной на сердце. Тринадцатый — всегда лишний. Тринадцать — перебор в какой-то карточной игре. Символика понятна, но непонятно, кто ее создал, что он в нее вкладывает. Сергей Валентинович присмотрелся к гладкому и розовому улыбающемуся лицу Пуляты. Бывший чиновник, успешный бизнесмен... Неужели его так подкосила отставка, что он впал в какую-то мистическую ересь? Ну да, клуб этот создал, фонари завел, ритуалы... Но ведь все это антураж, чтобы сохранить команду. Или не только?..

Сергей Валентинович потряс головой, стараясь избавиться от мешанины мыслей. Ерунда какая-то. Ладно, потом в спокойной обстановке подумает. А сейчас, когда телевизионщики свернулись и его никто не сможет запечатлеть с бывшим мэром, ему надо перехватить Путятю, объяснить ситуацию и... ждать результат.

Шибанюк дочитал главу, раздались аплодисменты. Шибанюк побрался к трибуне и жестом показал Дмитрию Олеговичу, что нужно поговорить. Путятя отрицательно покачал головой. Потом указал рукой в сторону, где был расположен «Фонарь Диогена», и отвернулся. Шибанюк еще помаячил, потом развернулся и выбрался из редкой толпы. Встреча назначена в клубе — лучше он там и подождет Путятю. Не хватало еще ездить вместе с его кофдой и этим ряженым символом.

26.

Шибанюк вызвал свою машину (до сквера, расположенного рядом с мэрией, он демократически дошел пешком) и поехал в клуб дожидаться Путятю.

На этот раз в предбаннике кабинета-переговорной оказалась секретарша.

— Я Дмитрия Олеговича подожду, мы встретиться договорились.

— Вы же Сергей Валентинович?.. Дмитрий Олегович вас ждет, приходите.

— Как ждет? Он же на трибуне был, когда я... — удивился Шибанюк, но приглашению последовал.

Точно, Путятя оказался в кабинете. Он опять сидел на диване, рядом опять был коньяк и мелкая посуда.

Шибанюк растерялся.

— Здравствуйте, Дмитрий Олегович.

— Так мы ж виделись! Разве не поздоровались?.. Здравствуйте, Сергей Валентинович. Как ваши дела? У вас есть что мне рассказать? Выпьете?

Шибанюк кивнул на все вопросы сразу и сел. Путятя неловко разлил коньяк, и под рюмками образовались неровные лужицы.

— Извините, — сказал он.

— Ничего, — ответил Шибанюк и опрокинул рюмку. Ему показалось, что выпил он столько же, сколько скатилось с доньшка на руку.

— Ваш противник Кленовязов сейчас в трудном положении, — тоже выпив, заметил Путятя. — На него дружно ополчились местные СМИ. Что только не говорят... Вы, конечно, читали. Или сами писали?

Шибанюк скривился, вытирая коньяк с руки.

— Извините за неловкую шутку. Я рад за вас и за нас. Еще немного, и Эдуарду Борисовичу станет совсем плохо: Балашков не любит держать при себе тех, чье имя слишком сильно... на слуху.

— Туда ему и дорога, — сказал Шибанюк. — Там и половины грехов не прозвучало.

— Ну а кто не без греха... Грех полезен. Кроме того, что это приводной ремень совести, это еще и удобный инструмент управления с позиции моральной силы. Впрочем, то, что вы собираетесь рассказать мне, с точки зрения Балашкова — безусловный грех, а с моей — правильный поступок... Так я вас слушаю, Сергей Валентинович.

— Я, правда, не уверен... Мне кажется, что я нашел для вас точку приложения сил. Сейчас у нас реализуется девяносто четвертый закон, в его рамках все нужды мэрии должны реализовываться через систему конкурсов. Все нужно покупать через аукцион или тендер, это называется муниципальный заказ.

— Я знаю. Короче.

— Ни один конкурс или аукцион не может состояться, если неправильно оформлены бумаги или материалы не вовремя опубликованы. Публиковать можно только там, где определено. Это делается решением сессии горсовета. Для этого сейчас создается специальное издание — «Вестник». Фишка в том, что ответственность за правильность документов и своевременную публикацию несет лично мэр. И все нарушения будет фиксировать прокуратура. И если сорвать выпуск «Вестника»...

— Или взять его под контроль! — вставил Путята.

— ...то Балашков может на этом сильно погореть, — заключил Шибанюк. — Мэрия же покупает продукты для школ и детсадов: сорвется контракт — дети голодными останутся. Не закупят что нужно для медицины — пациентов в городских больницах нечем будет лечить.

— За это стоит выпить! — Путята снова налил, они выпили. — Но сейчас все эти конкурсы публикуются в «Городских новостях»? — спросил Путята.

— Да, только по рекламным расценкам это обходится бюджету в два миллиона ежемесячно. Скоро сумма будет еще больше. Если «Вестник» в ближайшие месяцы не появится, будет огромный перерасход средств. И нецелевое использование.

— Понятно, тоже Балашкову прилетит.

— Ну да... «Городские новости» могут взять в компаньоны кого-то из чиновников или депутатов, и те будут срывать выход «Вестника» еще хоть квартал.

— Прекрасно. Нам это подходит, — сказал Путята после короткого размышления. — Дальше я сам тему раскручу. А Балашков... Он выполнит свое предназначение.

— Что? — не понял Сергей Валентинович.

— У каждого есть свое предназначение — учат нас многие религии мира. Должно оно быть и у мэра Балашкова. Более того, человек его ранга всегда близок к тому, чтобы исполнить свое предназначение, да? Как вы считаете, Сергей Валентинович?

— Вам виднее, Дмитрий Олегович.

— Я тоже так думаю, — ответил Путята, выпивая коньяк. — А вы свое знаете?

— В каком смысле? — переспросил Шибанюк.

— Я уверен, что у всего есть предназначение. У вас, у меня, у всех людей... Даже у городов. Более того, я знаю предназначение нашего... Понимаете, когда я... Мне хочется рассказать вам одну историю... Сергей Валентинович, вы вообще знаете, почему я пропустил прошлые выборы?

— Нет.

— Дело в том, что я как-то, за полгода до выборов, решил прокатиться на воздушном шаре. С детства мечтал, Жюлем Верном зачитывался. Хотелось путешествовать. Поездить по миру я успел — на самолетах и поездах, а вот на аэростате не пришлось. — Путята налил снова и выпил, не дожидаясь Шибанюка. — В общем, шар понесло ветром, потом он упал, и я сильно разбился. А этому пилоту хренову — вообще ничего, даже обидно. Я два месяца в больнице провалялся — тут уж не до выборов стало, другие мысли в голову лезли. Я испугался, что вот так останусь лежать, не смогу никуда поехать, ничего нового не увижу. Потом стал думать, что тогда я здесь могу на что-то новое посмотреть. Взял справочники по истории города, книжки почитал — оказалось, я про город ничего не знал. И еще, в нем всё есть. Жизни не хватит, чтобы изучить. А позже понял, сколько всего здесь еще может быть. Валяясь на больничной койке, я понял предназначение нашего города: он великий культурный аккумулятор. Он может стать гигантским культурным центром, культурной столицей России. Мы еще построим свой Голливуд — Сибголлывуд!.. Самое главное — у нас древняя земля. Только дураки думают, что жизнь в Сибири началась с приходом советской власти. Спросите любого археолога, он объяснит, что здесь люди жили со времен каменного века. Здесь города были тысячелетия назад! Здесь, в конце концов, Александр Македонский проходил! Его следы и следы многих других великих хранит наша земля. Это нужно извлечь, показать. Этим нужно гордиться. Я понял, что, даже не покидая наш город, я уже оказался в центре мира. Вы меня понимаете?

— Не знаю, — честно сказал Шибанюк.

— Я, может, и на выборы-то иду только для того, чтобы эту идею осуществить. Напилить денег или пробраться в Кремль, как мечтает Балашков, — мне это неинтересно. Я ему, может быть, даже помогу — чтоб здесь не мешался. Пусть сваливает... хоть в Вашингтон. Он мне безразличен. Нашему городу нужна легенда. Горокулькин — это так, пристрелка. Хотя... почему бы и не Горокулькин... Позитивный, молодой — у него вся жизнь впереди. Как, заметьте, у нашего города, как у всей Сибири. Она же только просыпается! Просто люди еще не дошли, не разбудили ее всю. Для этого много голов нужно, а еще больше — рук. Где их взять? — Путята лукаво сощурился. — А я знаю где! Тут далеко ходить не надо. Все просто. Все решаемо. Вот есть такой город в Бразилии — Куритиба, на наш похож. Не слышали? Там за копейки построили чуть ли не лучшую в мире систему общественного транспорта. А почему не у нас? Да просто цели такой не было. Это никому, кроме горожан, не нужно. Мне хочется сделать что-то, что нужно жителям, а не департамент мэрии. Вы меня понимаете?

— Да, — соврал Шибанюк. И на всякий случай добавил: — И полностью разделяю.

Путята посмотрел на него, словно хотел сказать еще что-то важное. Но потом передумал. Он достал из кармана телефон.

— Спасибо за помощь, Сергей Валентинович. Извините, мне необходимо срочно отдать распоряжения.

— До свидания, Дмитрий Олегович.

У Шибанюка вдруг испортилось настроение, и повлиял на него Путята. «Мутный он какой-то. Куритибы какие-то в голове. Фантазии... Балашков — он понятнее, без сюрпризов. И говорит Путята — словно с трибуны выступает, а когда на трибуне стоял — отмалчивался».

27.

Только Лиза распечатала графики мероприятий мэра и собралась отвезти их на студию к Камилле Алексеевне, как раздался звонок, вновь преградивший ей путь на телестудию.

— Елизавета Яновна, Антон Александрович просит вас зайти.

Лиза взбила прическу и направилась в кабинет шефа, мысленно перебирая события последних дней: нет ли за ней каких косяков.

Шеф бегал по кабинету зигзагами, описывающими восьмерку, а перед ним, опустив очи долу, стоял начальник управления здравоохранения Николай Вырин.

— На, почитай. — Шеф сунул ей листки, а сам, заморенный бесконечным бегом, припал на стул.

Елизавета заглянула в листки. Это была справка аналитического управления по здравоохранению. Один абзац был отчеркнут ядовито-желтым маркером — об инвалидизации населения. По данным аналитиков, за два года инвалидизация выросла в десять раз. Балашкову было отчего взбеситься: в городе полным ходом идет реформа здравоохранения, пресс-центр выдает только победные релижи, сам Вырин разъясняет, насколько жителям стали доступнее медицинские услуги и как повысилось качество последних. И вдруг — на тебе! Такая припарка накануне выборов.

— Антон Александрович, я не понимаю, как это может быть, — бормотал Вырин. — Мы же сами тоже статистику ведем, отчеты составляем регулярно — не могли мы такую тенденцию упустить.

— По-твоему, аналитики врут?

— Антон Александрович, необходимо сначала проверить, как они все это насчитали. Такой рост показателя — это же эпидемия какая-то.

— Вот ты мне и доложи, что это за эпидемия такая. И как с ней бороться. А ты, Лизавета, подготовься на случай утечки информации: вместе с Николаем Викторовичем подумайте, что мы можем предъявить горожанам и как все это объяснить. Все, идите, у меня дела.

За порогом кабинета Вырин ожил и стал яростно доказывать, что в аналитическом управлении сидят тупицы или гады, которые хотят его подставить. Что все это жонглирование цифрами, ложь и наветы. Засели, понимаешь, сто человек, ерундой занимаются и в отчетах пишут что попало!

Лиза поняла, что сейчас с Выриным говорить бесполезно.

— Николай Викторович, вы не переживайте так, я думаю, что все разъяснится. У меня тоже свои претензии к аналитическому управлению накопились — как они определяют информационный фон. Меня они тоже постоянно подставляют, так что я ваше возмущение отлично понимаю. Пусть ваши сотрудники подготовят свою справку — с реальными цифрами. Потом вы доложите Антону Александровичу, а я, со своей стороны, расскажу о претензиях к аналитикам. Хорошо?

— Ну я им отвечу! — пригрозил Вырин. — Я им покажу! Я среди них самих обеспечу рост инвалидизации на тысячу процентов!

Николай Викторович, как и всякий чиновник, очень трепетно относился к статистическим показателям подконтрольной сферы. Он их отслеживал. Он их анализировал. И тут вдруг такой удар в спину! Николай Викторович не мог поверить, что пропустил такую важную информацию. Городская медицина в мэрии была на хорошем счету благодаря усилиям самого Вырина — этим он мог гордиться без ложной скромности. Николай Викторович создал ноу-хау — непрерывную систему реформирования системы здравоохранения. Она состояла из нескольких элементов, основными из которых были укрупнение медицинских учреждений и изменение их структуры. То и другое обеспечивало возможность передачи функций как между учреждениями, так и внутри них. Функции тоже можно было дробить, укрупнять и даже создавать — что давало уже мультипликационный эффект. Этот бесконечный процесс перемен был благодатным источником информации для множества пресс-релизов, в которых любое изменение без сомнения называли позитивным. Здесь сотрудничество управления здравоохранения с пресс-центром достигало апогея. Особую благодарность к Николаю Викторовичу Елизавета испытывала за то, что одно новшество наслаивалось на другое и никто уже не мог сказать, что предыдущее было плохим: дать оценку каждому в отдельности было невозможно. Таким образом, информационный фон по здравоохранению неизменно складывался положительным или нейтральным и почти никогда — отрицательным. На выринское ноу-хау с интересом поглядывали из главного управления образования, более того, сам Балашков думал внедрить его во всех отраслях народного хозяйства. Понятно, что мэр разозлился, когда вдруг оказалось, что в образцовом хозяйстве городского здравоохранения обнаружился такой серьезный недосмотр.

Ситуацию нужно было срочно исправлять.

Николай Викторович вызвал к себе зама, который курировал тему инвалидизации, и в самых жестких выражениях потребовал за неделю поднять и перепроверить все данные за два года. Заместитель вызвал к себе в кабинет начальника отдела медицинской помощи населению. Начальнику отдела на ту же работу заместитель выделил четыре дня. Начальник отдела, вернувшись в свою вотчину, передал ответственное поручение ведущему специалисту, назначив срок в три дня. Ведущий специалист так углубился в работу, что даже не пошел на обед. Когда все коллеги из отдела отправились в столовую, он снял трубку телефона и набрал внутренний номер аналитического управления.

— Иван Сергеевич? Это Воронов тебя беспокоит из управления здравоохранения, позвонил вот на авось. Ты готовил справку по инвалидизации населения?

— Я, — ответил собеседник. — Подготовил на авось.

— Мне сегодня поручили то же самое сделать.

— Какой срок?

— Три дня.

— Хорошо, я тебе все материалы подготовлю, зайди завтра в обед.

Авось, застанешь.

— Авось, — ответил Воронов. — Зайду. До свидания.

— До завтра.

28.

Дым благовоний разъедал глаза, и свет фонаря над головой наставника расплывался в нимб. Анжела опустила голову и украдкой вытерла глаза.

— Веруешь ли ты в силу числа «тринадцать»?

— Верую, — ответила Анжела.

— Веруешь ли, что время его пришло?

— Верую.

— Веруешь ли ты в предназначение мэра Балашкова и иже с ним?

— Верую.

— Так знай, что пришли последние циркуляры, потому что наступили последние времена перед последними выборами. Готова ли ты следовать высшим циркулярам даже в нарушение приказов начальства и распоряжений мэра?

— Готова.

— Вот тебе часть последнего циркуляра. Исполни свое предназначение.

— Я следую циркуляру всегда и во всем, — сказала Анжела привычную, как утренняя молитва, формулу.

— Авось, дитя мое, — сказал наставник.

В бумажке, которую она получила от своего наставника, оказалась повестка очередной сессии, разделенная на две части. В левой колонке были указаны вопросы, положительное решение которых полезно братству, а в правой — вопросы, решению которых следует препятствовать. Анжелу неприятно поразило словосочетание «последние циркуляры». Она так привыкла жить, подчиняясь этим свыше ниспосланным циркулярам, что уже не представляла, как будет обходиться без них. Она даже хотела спросить об этом, но воздержалась, потому что за это можно было получить упрек в недостаточности веры. А она — верила. Сдержалась Анжела еще и потому, что твердо знала: высшая сила не оставит ее без водительства. Просто на смену циркулярам придут параграфы или регламенты, мандаты или инструкции по эксплуатации. Главное, что придут и будут придавать смысл ее жизни — в это она верила непоколебимо. Авось.

Лиза не корила себя за слабину, наоборот, ей как-то стало покойно и даже весело после того, как она провела ночь с Эдиком. Словно она вернула ему часть долга, словно ее вина перед ним уменьшилась. Даже совсем исчезла. Да, она устроила ему мочилово, но он сам виноват, надо было больше уделять ей внимания. В общем, она и сейчас не уверена в его чувствах, как и тогда, когда брала деньги у Шибанюка. Но по-бабьи она его жалела. Может, даже поддержала бы в будущем. Во всяком случае, баксы Сергея Валентиновича она отработала и больше мочить Эдика не станет.

Сегодня была суббота, и Лиза могла расслабиться, попить кофе, плясая в утренний телевизор. А чтобы новости не задавали ускоренный деловой ритм, Лиза искала что-нибудь позитивное, но не требующее пристального внимания — старый хороший фильм или развлекательную передачу. «Квартирный ответ» — это то, что ей сейчас надо. Она сварила себе кофе, распаковала круассан и порезала французский сыр — ей нравилась европейская кухня. А всякие там американские подушкообразные блины с кленовым сиропом казались совершенно неаппетитными.

Лиза сама собиралась делать ремонт, и в такой передаче можно было увидеть что-то полезное. Ей нравилось, когда из убогой комнаты советских времен вдруг появлялось современное пространство — чистое, сверкающее, как ограненный камень. Иногда ее смущал вид спальни, освещенной болотного цвета фонарем, или черный потолок кухни — все-таки у нее, видимо, консервативный вкус. Точнее, она, наверное, предпочитает классику... Да, так лучше: «консервативно» — это как-то... не ее стиль. Она же молодая женщина, и фигура у нее ближе к классике, а классика, кстати, всегда в моде.

В неспешные раздумья вдруг вторглось что-то мешающее им. Лиза вздрогнула и внимательно прочла на экране титр: «Дизайнер Марина Кленовязова». Кофейная чашка покатила из руки, и горячий напиток обжег Лизу через халатик. Вот черт! Лиза сорвала с себя одежду, потеряла обожженную ляжку и уставилась на экран. Вот она — неожиданно воскресшая Эдикова жена: стройная, вернее даже худая, с длинными черными волосами, не красавица, конечно, но миловидная и... живая.

А она-то нюни распустила: бедный Эдик, потерял жену, живет в дизайнерском музее ее имени, страдает. Вот кобель! На такой дешевке ловит женщину! Внутри заклокотала ярость. Его счастье, что рядом не оказался, она бы его обязательно чем-нибудь тяжелым приложила. Или кипятком облила... Лиза подхватила халат, отнесла в ванную, замочила, потеряла на руках — нет, бесполезно... Ну как же так! Никому верить нельзя, все сволочи!

Настроение было безнадежно испорчено. Лиза сначала хотела заплакаться, потом представила себе, что будет дальше. Вот она плачет, потом постепенно успокаивается. Потом выпивает бокал мартини, сидит в кресле или валяется на диване до вечера, жалеет себя, плясится в телевизор на всю эту жизнерадостную шушеру, которая то соревнуется, то скачет, то поет. А к ночи опять подкатит жалость к себе, и она снова разревется.

Нет, только не так! Надо сделать что-то такое, что бы помогло собраться и... отомстить! Только придется ждать до понедельника.

Лиза успокоила дыхание, подсушила глаза, наложилась легкий грим. И, подчиняясь какому-то озарению, позвонила Камилле Алексеевне.

— Добрый день, Камилла Алексеевна.

— Здравствуйте, Елизавета Яновна.

— Простите, что беспокою в выходной. Я тут на одном предвыборном мероприятии, скоро как раз мимо студии буду проезжать — и подумала, что вы, наверное, работаете. Не ошиблась?

— Нет. Милости прошу.

— Спасибо, я тогда заеду, есть пара вопросов.

Лиза натянула деловой костюм и вызвала из гаража дежурную машину. Пока ждала, перекурила, мысленно составляя разговор.

Камилла Алексеевна руководила местным филиалом крупного федерального канала. Лиза заметила: когда филиалу сократили вещание до минимума, Камилла Алексеевна стала все выходные пропадать на службе. При встрече она каждый раз находила способ сказать, что работает без выходных и что ей можно смело звонить в эти дни по срочным делам. Что уж Камилла в своем кабинете делала дни напролет, Лиза не представляла. Зато она хорошо поняла, с каким трепетом Камилла Алексеевна относится к своей деловой репутации, если даже такой дурацкий способ добавить себе солидности взят ею на вооружение. Бывая в кабинете Камиллы, Елизавета всякий раз любовалась стеклянным шкафом, заставленным призами, завоеванными студией на всяких провинциальных конкурсах. А когда премия «Тэффи» стала проводить отдельный конкурс для региональных студий, Лиза даже искренне порадовалась за Камиллу Алексеевну — будет куда вложить тщеславие и нерастраченный пафос федерального по названию, но дремучего по содержанию контента, производимого студией ее имени. Однако качество передач никогда не было определяющим в деле влияния на аудиторию. Определяющим всегда было только качество сигнала и его охват территории. Если твой канал ловится везде и на любую антенну, то будь уверен, что твое влияние на земляков — максимальное. Сигнал канала Камиллы Алексеевны был как раз такой, и у нее были все основания считать себя влиятельной медиа-фигурой. Лиза поддерживала с Камиллой Алексеевной деловые отношения, стараясь, со своей стороны, убедить ее в собственной деловитости и, что важнее, близости к мэру.

По краям на столе у Камиллы Алексеевны лежали две стопки бумаг. Лиза тут же представила, как хозяйка по выходным от скуки перекладывает листки из одной стопки в другую. Или, напротив, в каждую стопку по очереди добавляет исписанные листки, которые никто никогда читать не будет. Дело обычное — в мэрии, кстати, практикуются оба способа убивания рабочего времени. Камилла Алексеевна, слава богу, не стала делать вид, что вот именно сейчас, в данную минуту, когда пришла посетительница, она особенно занята.

— Добрый день, Камилла Алексеевна!

— Здравствуйте, Елизавета Яновна. Хотите кофе?

— Лучше чаю. Зеленого, — сказала Лиза, вспомнив коричневое пятно, расплзающееся по халатику.

Пока Камилла Алексеевна включала чайник и искала пакетики с заваркой, Лиза рассматривала стеклянный шкаф.

— Мне кажется, что в прошлый раз наград было меньше.

— Да, наверное, вы еще не видели вот этой золотой антенны за самый точный метеопрогноз по всей Сибири. А этот золотой колос — за лучшее освещение уборочной страды. А этот золотой кирпич...

— Очень интересно, — сказала Лиза. — А вот это что за награда? — ткнула она в значок на бархатной подушке.

— Это лично мне, — скромно опустила глаза Камилла Алексеевна. — «За инновационное освещение тренда по интеграции Сибири в мировое сообщество в сфере современной консервации».

— Прекрасная награда! — воскликнула Лиза. — А главное, она нашла свою героиню! Вы по-настоящему достойны награды в такой серьезной номинации.

Наверняка штук пятьсот этих наград раздали на каком-то сборище СМИ. Но Лиза понимала, что только грубая лезть может достичь сердца, спрятанного за фирменным кожаным пиджаком.

— А вот это грамота Минсвязи; было еще поздравление, подписанное министром, да куда-то заделалось. Я, знаете, не придаю большого значения таким вещам, — сказала Камилла Алексеевна и вытянула из пачки, лежащей на столе, тонкую сигарету. — Я и шкаф бы этот убрала, но ведь это награды студии, ребята ими гордятся. — Она закурила, и в глазах ее сверкнули слезинки. — И молодежь надо на чем-то воспитывать! — закончила Камилла Алексеевна.

Чайник забулькал и щелчком сообщил о своей готовности. Камилла придвинула сигареты к Лизе и отошла за чашками. Елизавета задумалась, чем бы разбавить чаепитие.

— Кстати, Камилла Алексеевна, я с большим удовольствием посмотрела вашу последнюю передачу из серии «Смысл жизни» — о влиянии книги Эмиля дель Торо «Леса Килиманджаро» на экологическое сознание жителей Железнодорожного района. Очень своевременная постановка вопроса... и такая блестящая дискуссия!

— Спасибо. Может быть, вам сахар?

Лиза оглядела стол, сахарницы не нашла и поняла, что чай придется пить пустой.

— Нет-нет, я предпочитаю напиток в чистом виде.

— А я пристрастилась к мате. — Тут Лиза заметила, что в руках Камиллы не чашка, а какой-то бочонок с трубкой. — Это так очищает мысли, бодрит, настраивает на дело. Но зеленый чай тоже ничего.

«Чтоб ты пропала!» — подумала Лиза.

— Да, он тоже прекрасно освежает, — пробормотала она.

— А как вам показалась программа о лапидарности философского концепта современной парадигмы дисперсности общественного сознания?

— Крайне актуально, — вытаращила глаза Лиза. — Я думаю, что эта передача обязательно будет отмечена на конкурсе «Тэффи».

— Мы работаем без расчета на награды, — заметила Камила Алексеевна.

— Вы обязательно получите первую премию!

— Не будем терять времени, — разулыбалась Камила Алексеевна. — Вы ведь по делу!

Лиза отставила чашку и достала прихваченные бумаги.

— Я без преамбул, Камила Алексеевна, вы меня понимаете?.. Выборы скоро, поэтому Антон Александрович просил особенно внимательно относиться к взаимодействию с вашим каналом. Помимо текущих новостей, мне бы хотелось, чтобы мэр присутствовал в актуальных репортажах — вот график и темы его выступлений на ближайшие два месяца. План, конечно, не догма, но обозначенные здесь темы для мэра очень важны. Хотелось бы, чтобы они не затерялись, а все были освещены должным образом.

— Хорошо. — Камила взяла графики, полистала. — Я прочту внимательно, но на первый взгляд — никаких вопросов.

— Тогда у меня следующая просьба: мне бы хотелось знать темы ближайших выпусков «Смысла жизни» и других ваших актуальных передач, чтобы наметить возможность участия в них мэра и людей из его команды. А перед самыми выборами нам бы хотелось, чтобы тема передачи касалась развития города, вы понимаете?

— Конечно, — кивнула Камила Алексеевна. — Но дискуссия будет острой!

— Само собой! — воскликнула Лиза. — Мы же не хотим превращать дискуссионную площадку в инструмент агитации. Напротив, я думаю, что интересы зрителей совпадают с нашими: накануне выборов мы хотим подвести итоги, обнажить проблемы, наметить меры по их решению, рассказать о планах, да?

— Да, безусловно. — Камила приложила к своей бадье. — Интересы зрителей для нас — первоочередная задача. Вы сможете нам обеспечить участие начальников ведущих департаментов? Например, Шибанюка и Кленовязова? А то они не очень любят у нас появляться — точечная застройка, торги городской землей, знаете... Кленовязов охотнее общается, он производит впечатление современного человека, осознающего важность прессы, более открытого, честного, если хотите. А вот Шибанюк...

— Шибанюк никуда не денется, я доложу Антону Александровичу. Но у меня к вам встречная просьба: не основывайтесь на первых впечатлениях, не предоставляйте в дискуссии больше преимуществ Эдуарду Борисовичу. Это не поможет прояснить объективную картину, да и несправедливо по отношению к вам, в конце концов.

— В каком смысле?

— Ну... я от Сергея Валентиновича слова плохого о вас не слыхала...

— А от Эдуарда Борисовича? — насторожилась Камила Алексеевна.

— Я, конечно, не имею права, но вам, как профессионалу, заслуживающему всяческого уважения, я не могу не признаться: Эдуард Борисович позволяет себе некорректные высказывания в ваш адрес.

— Например? — сощурилась, словно в прицел, Камилла Алексеевна.

— Извините, это не очень...

— А все-таки?

— Он вас дурой обзывал, простите. А ваши передачи — пафосным ковыранием пальцем в ж... Извините, не могу повторить. Тем более что эти оскорбления вовсе не заслужены. Наверное, он за что-то обижен, иначе бы не позволил в моем присутствии... и не только в моем. Прошу прощения...

— Обиженный, говорите? Посмотрим, как он запоет, когда... — Лиза увидела, что Камилла уже мысленно нажимает на курок у виска Кленовязова.

Вот это и есть *coup de grâse* — удар милосердия. Таким ударом добивали тяжелораненых на рыцарских поединках, чтоб не мучились. Для такого удара даже специальный кинжал имелся — мизерикордия. Камилла Алексеевна и есть такая мизерикордия. А уж свою работу она сделает профессионально. Смешать с дерьмом любого чиновника опытному телевизионщику ничего не стоит, лишь бы руки были развязаны. А Балашков не станет особенно хлопотать за Эдика, наоборот, ему легче будет сделать Кленовязова козлом отпущения. Вот и пусть этот козел знает свое место. Без жены ему плохо? Пусть ползет к ней в Москву на карачках — может, обратно примет.

Совершив свой *coup de grâse*, Лиза почувствовала легкость. Она избавилась от Эдика, от проблемы Эдика; она ничего не должна Шибанюку (сполна искупила свою временную слабость) и уж тем более ничего не должна Эдику-подлецу. Как ему только хватило наглости жену из дома выгнать? А Елизавета еще подумывала, не стать ли ей мадам Кленовязовой! Нет, с нее хватит. Надо взять в личных делах паузу, успокоиться. А в работе приналежь: скоро выборы, а она встречу с Камиллой вон сколько откладывала. Зато удачно все сложилось, усмехнулась про себя Лиза. И «Вестник» этот чертов надо как-то пропихнуть через сессию. Иначе Балашков не помилует. Что там Игорь наваял? Пора бы уже закругляться...

30.

Игорь сидел, уставившись в стену. Он ждал сессию горсовета, где должны рассматриваться документы по «Вестнику». Больше заняться было нечем.

— Игорёк! — позвала Анжела и погладила его по плечу.

— Что? — отозвался он, не поворачивая головы.

— О чем думаешь?

— Ни о чем. Знаешь, раньше я не мог дождаться, когда кончится суета с этими юристами. А теперь стало еще хуже.

— Но ведь это только до сессии. А потом будем конкурс объявлять, а потом — «Вестник» издавать... Ну что ты раскис? — Анжела готова была обнять Игоря, но постеснялась коллег. Девушке и так казалось, что все напрягаются, когда она в очередной раз утешает Игоря. Она чувствовала, что все в курсе их дружбы. Или догадываются. Но последнее время

у Игоря такая депрессия, что он на нее почти не реагирует. А если даже общается, то делает это как-то механически. Анжела временами думала, что надоела ему, но не могла бросить его в таком состоянии, ведь вопрос по «Вестнику» был особо выделен в ее последнем циркуляре, а Игорь является в этой теме ключевой фигурой.

— Может, уволиться? — с надеждой спросил Свистун.

— Нет, Игорёк, не поможет.

— Почему?

— Потому что «Вестник» не просто так, не случайно он тебе выпал.

— Почему? — уже равнодушно переспросил Игорь.

Анжела посмотрела на его почти сонное лицо.

— Пойдем.

Девушка взяла Свистуна за руку, вытащила из-за стола, сунула ему куртку, накинула свою и, не отпуская Игоря, вывела из мэрии.

— Куда мы идем?

Анжела молча волокла слабо сопротивляющегося Свистуна к цели — скверу, где все еще стояли скульптуры последней «Каменной поэмы». Вокруг одной из них толкалась кучка народу. Анжела решительно отодвинула крайних зевак и подтолкнула Игоря вперед.

— Ну и что? — пробормотал тот.

— Никого не напоминает? — спросила Анжела в ухо.

Свистун присмотрелся.

— Это ж мэр!

— Не кричи.

— Да еще с дыркой в сердце.

— Вот именно, — зашептала Анжела в ухо. — Ты думаешь, что это случайно? Ты можешь себе представить, что скульптор Б. Иванов из города Саранска, как гласит табличка, сам избрал себе моделью нашего мэра? Сам сделал ему мишень на груди и дырку в сердце! Думаешь, он диверсант-одиночка? Тогда почему про его подрывную деятельность не доложил никто из организаторов мероприятия? Для каждого из них это недонесение было испытанием — потому что может карьеру оборвать. А сама скульптура — испытание для мэра: что он будет с ней делать? Выставить в парке — нелепо. Разбить — показать слабость: испугался. Это ведь ему послание...

— От Путятя! — сообразил наконец Игорь, вспомнив свою первую профессию криминального репортера. — Путятя — его соперник на выборах и организатор «Каменной поэмы».

— Да не ори ты! — дернула его за рукав Анжела. — Каждый сам должен догадаться. Пошли отсюда, тут скоро вся мэрия соберется!

— Постой, а ты откуда знала об этой скульптуре?

— Неважно, идем!

Свистун последовал за девушкой, которая повела его назад.

— Как-то это... не по понятиям, — пробормотал он. — Скульптуры, знаки... Вот раньше конкретные пацаны из автомата постреляют или тротилтовую шашку взорвут...

— При чем здесь автоматы! Пойми, они же работали раньше вместе — Путятя и Балашков, у них свои отношения, свои знаки. И это во-

все не значит, что Путята по своей воле их посылает сейчас, ведь он мог сделать это на прошлых выборах, а не сделал. И почему? Тут всё не случайно: и что скульптур ровно тринадцать, а есть легенда о тринадцатом апостоле, и число «тринадцать» — это... Ой!

— Какое — «ой»? — не понял Игорь.

— Жнач!

Свистун увидел, что к ним приближается Елизавета Яновна. Та тоже их заметила и призывно замахала рукой.

— Вот влипли! — сказала Анжела, развернула Игоря и кинулась бежать.

— Ты чего?

— Нельзя нам попадаться рядом с этим изваянием. Бежим!

Начальница им что-то кричала, но они не услышали — пробежали как раз мимо толпы, жужжащей у скульптуры мэра. Толпа все увеличивалась, словно пчелиный рой, облепляющий то ли врага, то ли пчелиную матку.

31.

Лиза в последнее время очень внимательно читала все, что писала Оля, и без своего личного разрешения запретила публиковать Олины измышления. Такая писательница — как обоюдоострый меч: одной кромкой помогает врагов рубить, а другой тебя же порежет. Не зря Лиза опасалась. Сегодня Оля прислала такой пресс-релиз:

«Поэма закончилась, а скульптуры остались.

Красивая сказка, прекрасный творческий процесс, которым был фестиваль “Каменная поэма”, завершился. Всего пара месяцев понадобилась скульпторам, съехавшимся со всей страны, чтобы изваять задуманное. В течение всего этого времени горожане могли воочию наблюдать, как под резцами скульпторов рождаются шедевры. “Мальчик с рыбой”, “Совесть мира”, “Стреляного воробья на мякине не проведешь” — вот названия только некоторых из них. Всего художники подарили нашему любимому городу 13 изваяний, которые украсят парки и скверы мегаполиса. “Каменная поэма” закончилась, но, словно в память о ней, нас будет интриговать оставленная ею загадка: где будет установлена скульптура мэра А. А. Балашкова с раненым сердцем, сердцем, целиком отданным на службу людям...»

Лиза вздрогнула и перечла последнее предложение. Нет, все верно, ей не показалось: и мэр и сердце — все оказалось на месте. «Убью дуру!» — мелькнула первая мысль. А от второй стало по-настоящему плохо: «Не могла эта дурында все это придумать. Значит...» Лиза схватила плащ и вылетела из мэрии. Только на подходе к скверу она заметила, что так и не надела плащ, и оделась, не сбавляя шага. Надо самой посмотреть, может, не так все и страшно, может, Оля все-таки что-то напутала... Но, подходя к скверу, Лиза увидела толпу людей вокруг скульптур и поняла, что случилось что-то ужасное.

Вдруг от толпы отделились знакомые фигуры — Анжела и Игорь. Лиза отчаянно им замахала. Подчиненные ее заметили, развернулись и дали стрекача.

— Стойте! — закричала Лиза, но без толку. Тогда она рванула так, что полы плаща зашлепали, как на ветру. В школе она занималась легкой атлетикой и до сих пор, несмотря на пышность форм, сохранила резвость. Все шансы на победу в беге за неподчиняющимися подчиненными перечеркнул телефонный зуммер. Лиза на ходу достала мобильник: звонил Шибанюк. Жнач перешла на шаг.

— Да, Сергей Валентинович, здравствуйте.

— Добрый день, Елизавета Яновна. Звоню, чтобы вас поблагодарить. Я только что увидел анонс передачи Камиллы Алексеевны — я думаю, что передача станет последним гвоздем в крышке гроба... Спасибо за хлопоты.

— Вы были правы, наши интересы в чем-то совпадают, поэтому я работала от души, — сказала Лиза.

— Я ваш должник. Мне бы хотелось еще как-то вас отблагодарить. Может быть, ужин в ресторане?

— Это как-то не совсем... — опешила Лиза.

— Нет-нет, я не настаиваю — как настроение будет.

— Спасибо за приглашение, Сергей Валентинович.

— До свидания, Елизавета Яновна.

«Это он что — на новый заказ намекает или в ухагеры набивается?» — успела подумать Лиза, пока не увидела памятник... скульптуру Балашкова. Натуральный памятник Антону Александровичу, хоть его и замаскировали под какого-то барда с гитарой. Портретное сходство на лицо, на гитаре мишень с дыркой посередине. Это не раненое сердце, это простреленное навывлет. И что это должно обозначать?.. Лиза, толкаясь, обошла изваяние. Даже фигура похожа, высечена в натуральную величину. «Кувалдой и скапелем, — вспомнила Лиза. — Вот тебе, бабушка, и спокойные выборы». Нет, покоя ей не видать. Только что значит этот демарш... со стороны Путьты, конечно? На что намекает? И кто ему помог все это сделать?

Лиза вернулась на службу и сразу запросила в хозяйственном управлении всю информацию по организации «Каменной поэмы», а также — кто ее курировал от мэрии. Оказалось, что это был заместитель Шибанюка, начальник архитектурного управления Виктор Быстров. Ресторана, похоже, не миновать, подумала Лиза. Осталось два вопроса: согласится ли Сергей Валентинович ей помочь... и что надеть?

Размышления прервал звонок секретаря мэра.

— Елизавета Яновна, Антон Александрович просит вас зайти.

Кто-то про скульптуру сообщил, поняла Лиза. Может, это были стремительно скрывшиеся Анжела и Игорь? Ладно, с этими предателями она еще разберется. Если успеет. Дело-то керосином пахнет. А у Антона Александровича привычка такая: он в каждом деле крайнего ищет, а если не находит, то назначает. И потом сдает в архив — вместе с делом.

(Продолжение следует.)

Константин КОМАРОВ

**ДО ПОСЛЕДНЕГО
ОДИНОЧЕСТВА**

* * *

Так под чужое токованье
неизъяснимых глухарей
проходит жизнь как таковая
и хочет кончиться скорей.

Но страсть прокусывает старость
и вместо имени звучит
местоименье. В нем — усталость
июльской траурной ночи.

А между тем — неуставная,
не как тыняновский Кижэ,
проходит жизнь, не уставая,
и не кончается уже.

* * *

И резонировать, и резать
произнесенный может звук.
Поэзия — не мать Тереза,
стих отбивается от рук.

Но это маленькая мука —
губами воздух чуть разжать,
подобно Маленькому Муку,
звук волен впредь себя бежать.

Ему пространство — не помеха,
 и если слово — это труд,
 то коллекционеры эха
 его немало соберут.

Так пусть молчание раздражит
 гортань на новые слова
 и в праздности размытый праздник
 вновь испытает голова

моя, частично уж седая,
 еще способная варить.
 Пока что я не присягаю
 не говорить. Но — говорить!

* * *

Почта пишет: «Письмо отправлено»,
 я читаю: «Письмо отравлено».
 И тебя я прочел неправильно,
 потому что забыл о правилах.

Торопливо прочел и скомканно,
 безалаберно и поверхностно,
 восставали с тобой из койки мы
 и без ревности и без верности.

Вот пространство мое заужено
 до последнего одиночества.
 Ты ж веселая и замужня
 и по свету собираешь почести.

Я сижу за экраном матовым,
 беспросветно стихи лоббирую,
 и покрыть тебя надо матом бы,
 а язык говорит: «любимая».

А еще говорит — «небесная»
 и смолкает уже по случаю.
 Так вот, казнь перепутав с песнею,
 я в тоску ухожу дремучую.

* * *

Поют блокнотные лакуны
о беззащитности своей,
и в лампочках вольфрам ликует,
и ночь сжигает до бровей.

И если б не был столь наивен,
я б перервал свою игру
и преспокойно бы на иве
повесился бы поутру.

Но, маскируясь под провидца,
который правды не лакнет,
я вижу, как строка кровится,
как набухает ей блокнот.

Поэтому и не до пиршеств
печальной плоти никакой,
поэтому и не допишет
депешу бог моей рукой,

которая идет не в ногу
с размякшей, словно снег, душой,
пытающейся понемногу
найти свой голос небольшой.

* * *

Вернешься ночью пьяный в стельку,
башка пустотами полна,
и бешено бросаешь в стенку
слова, как в детстве «лизуна».

И смотришь, как они сползают
зеленым слизистым комком
все ниже, ниже, — да, пол залит
дешевым мертвым коньяком.

Опять — коньячные разводы,
гороховая каша слов...
И телик ноет про свободы
и равноправие полов —

их одинаковую плоскость,
столь родственную потолкам,
и выбрать жизнь и смерть так просто,
как выбрать «пал» или «секам»,

а кто-то брызжет кока-колой,
а кто-то желчью и слюной,
а ты лежишь в постели — голый
и офигенно несмешной,

втыкаешь в пошлые киношки,
чтобы забыться как-нибудь,
пока отчаянные кошки
скребутся где-то слева в грудь...

Проснешься и узришь несчастый
похмельный дождик. Или снег.
И бог молчит. И все несчастны,
как самый первый человек.

«ПРОЧИТАНО, СМЯТО И ВЫБРОШЕНО...»

С 25 по 29 июля 2015 г. в Томске проходило Первое Совецание молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока. Подготовку и проведение Совецания осуществлял Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ совместно с литературными журналами «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Урал» при поддержке журналов «Арион», «Вопросы литературы», «День и ночь», «Дружба народов», «Енисей», «Звезда», «Знамя», «Москва», «Наши современник», «Нева», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Сибирь», интернет-журнала «Пролог».

Молодые писатели работали в четырех мастер-классах: поэзии (руководители — Е. Исаева и А. Казинцев), прозы и критики (руководители — Е. Попов и А. Курчаткин).

По итогам Совецания четверо авторов приглашены для участия в очередном 15-м Форуме молодых писателей России и зарубежья. Это поэты Антон Метельков (Новосибирск) и Дарья Уланова (Хабаровск), прозаики Дмитрий Райц (Новосибирск) и Максим Чин-Шу-Лан (Хабаровск).

Журнал «Сибирские огни» принял активное участие в работе Совецания, и сегодня мы публикуем тексты молодых авторов, рекомендованных руководителями семинаров.

Артём МОРС

Иркутск

* * *

Прочитано, смято и выброшено,
но что-то впитала душа,
так рыба, хотя и выпотрошена,
смотрит на нас не дыша.
Так замок разрушенный, брошенный
из кубиков на полу,
приснится игрушечный, крошечный,
но победивший тьму.
Из тьмутаракани памяти

всплывает и стыд и страх,
но вот уже замок каменный
привидится в облаках.
Карманная мелочь плещется,
как рыба, попавшая в сеть,
во имя всего человечества
она должна умереть.

Кристина КАРМАЛИТА

Новосибирск

[вечер пятницы]

Тонет вечер пятницы
рукавом в вине,
шарик в небе катится
от вины к вине.

Все на свете спросится,
потому, дружок,
возле тихой рожицы
вытри сапожок.

Все на свете сказано —
почитай века,
все на свете связано —
помни, а пока

помаши летящему
от луны к луне
и подай просящему —
в память обо мне.

Александр ВАВИЛОВ

Екатеринбург

На границе с Техасом

Кто-то типа ребенка спускается к центру Земли,
Добывает огонь от конфорки, несет под кровать...
Но его почему-то родители как-то нашли,
Чтоб зачем-то воспитывать или хотя бы орать.

Кто-то типа него, отвечая на каждый запрет,
Проецировал искренний свет на двуличную тьму,
То есть вроде бы как создавал теневой трафарет
Календарным путем, доверяя во всем никому.

В результате опять нечто среднее между клеймом
И душевным коллапсом. Короче, глобальная тьма.
Кто-то типа него с кем-то типа ребенка вдвоем,
Никогда не взрослея, живут с чем-то типа клейма.

Им и детский психолог не снится в кошмарах давно,
И отец перед сном не читает им вслух эпикриз...
И акценты смещаются, как в мексиканском кино, —
На границу с Техасом — и вверх. Получается, вниз.

Нестабильная психика дарит стабильный полет
К запредельной стабильности. Это дорога длиной
В миллионы абстрактных смертей. И никто не найдет
Под их общей кроватью ракушку с морской тишиной.

Отражение в зеркале — тот еще, блин, трафарет...
Раздвоение личности — способ остаться вдвоем...
Кто-то типа ребенка не верит в чужой табурет.
Кто-то типа ребенка все время стоит на своем.

Кто-то типа ребенка живет, проецируя тьму
На глобальную тьму, потому что зачем-то живет
На границе с Техасом — и только. Но только ему
Нестабильная психика дарит стабильный полет.

Лариса МАРЕЕВА

Томск

Не тот

Не ходи. Не смотри. Ни слова. Не касайся его, не смей. Это дудочка Крысолова — неужели пойдешь за ней? Это призрак, мираж, неправда. Страсти в сердце ищи другом. Уходи, не гляди обратно, не застынь соляным столбом. Отступишь, образумься, хватит. Будто клином сошелся свет. Вон, смотри-ка, в зеркальной глади — может, суженый, может, нет. Может, вспомнить, что есть и кроме, только данный судьбой в кредит. Просто чудо, как ладно скроен — как влитой по душе сидит. Чем не повод побыть счастливой? Пару месяцев, может, год. Только сердце твердит тоскливо и упрямо: «Не тот, не тот». Только воздух не так уж

сладок, и улыбка не так светла. Только выпуклости лопаток не похожи на два крыла. Только я иногда надолго забываю, что он живой. Да чего уж там — только, только... Только много еще всего. Только тем ядовитым зельем всю себя изнутри сожгла. Но, быть может, и впрямь, как землю, удобряет сердца зола? В ожидании малодушном — вдруг со временем и влюблюсь? — я доверчиво и послушно ему в руки теперь даюсь. Заглушит молодая поросль тот, поставленный на повтор, слабый, тихий, тревожный голос, все твердящий: «Не то, не то». Только дымом глаза завесить — не смотреть за ним, не ходить. И уже в третий раз за месяц безуспешно бросать курить.

Антон МЕТЕЛЬКОВ

Новосибирск

* * *

спят растенья гиацинты
 спят животные инстинкты
 спишь растерянная ты
 сбережет рассвет цветы
 утром мы уравновесим
 взмах ресниц и взмахи весел
 телескоп и небосвод
 зелень глаз и зелень вод

* * *

ты уехал я осталась
 до свиданья не сказал
 и осталась только старость
 где вагон а где вокзал
 ты уехал и как будто
 погасил мои глаза
 ты уехал и кондуктор
 не нажал на тормоза
 и по шпалам отбренчала
 цепь надежд и цепь утрат
 у перрона у причала
 я стояла до утра
 ты уехал оборвалась
 в кулаке живая нить
 ты уехал я осталась
 ничего не изменить

Дарья УЛАНОВА

Хабаровск

О Боге

Молодые девочки пишут стихи о Боге
(О любви у них почему-то выходит хуже):
Что в холодном мире Он каждому сердцу нужен,
Что не просто так отражается солнце в луже,
Но понять это правильно, в общем, дано немногим.

Молодые девочки в рифмах ищут ответы,
Почему злое время всех без разбору месит.
Они пишут о том, как трудно дышать без света,
Я выкашливаю бронхит уже третий месяц.

И душа не горит, и глаза — не глаза поэта.
У соседнего дома совсем обвалилась крыша,
Палисадник опять каким-то уродом выжжен
И похож на мое нутро... И в картине этой
Ни ошибки Его, ни промысла я не вижу.

Молодые девочки пишут с верой и страстью,
Потому что вокруг распадается мир — на части...
Ну а я обнимаю обугленные стволы, и
Чаще кажется мне, что — мелкие, жалкие, злые —
Мы одни властелины на этой земле несчастной.

А пока судьба от щедрот бросает под ноги
Прах от наших надежд и смотрит, кто шибче гнется,
Пока мы подводим смешные свои итоги,
Молодые девочки пишут стихи о Боге
И надеются тихо, что Он к нам еще вернется.

К 100-летию Н. Н. Яновского

ПЕРЕПИСКА
Н. Н. ЯНОВСКОГО И В. П. АСТАФЬЕВА.
1965–1979*

* * *

(письмо М. С. Астафьевой-Корякиной)

16.03.78 г.

Дорогие и глубокоуважаемые Фаина Васильевна и Николай Николаевич!

Мы очень были рады получить от Вас весточки, я благодарю за такие добрые, теплые и высокие слова приветов в поздравлении с праздником, коих, наверное, и не заслужила вовсе. Спасибо Вам сердечное. Спасибо и за книги В. Курбатова о Викторе Петровиче [1]. «Теперь, — сказал он, — я обеспечен».

Николай Николаевич, большое Вам спасибо за ту помощь и советы в моей работе над архивом — для меня это очень важно, а для дела тем более. Спасибо Вам.

Я высылаю обещанную Вам книгу В. Белова «Кануны», — вот только вчера удалось купить.

Мы вот уж скоро полмесяца как дома. Поездка была очень интересная и волнительная. Повстречались со своими самыми дорогими друзьями-фронтовиками, наговорились, навспоминались и радовались без конца, что вот все живем, а то, что силы уж не те и удаль не та, так это все закономерно и тут ни у кого к жизни и к судьбе претензий нет. Мы очень порадовались, что все они живут добро, семьи у них хорошие, есть уже внуки, и никто не спился, не опустился, никто не жалуется, мол, и то не так, да это не так бы надо, все читают, работают серьезно и преданно, как это делают сейчас далеко не многие уж, к сожалению. После Орска, Целинограда, Темиртау и Караганды мы побывали еще в Кургане, у Вити Потанина, в Шадринске — у Васи Юровских, в Свердловске у Лёни Фомина, но туда же приходили Коля Никонов и Саша Филиппович.

---

* Подготовка к публикации и примечания Владимира Яранцева. Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2014, № 8; 2015, № 8, № 9.

А в Свердловске мы с Петровичем разъехались: он полетел в Москву, поскольку в дорогу брал читать рукопись одного писателя в Благовещенске, я не очень запомнила фамилию, кажется, Фотьева, — обсуждать ее на секретариате, а я прямым поездом домой, даже в Перми не остановилась — надо было спешить — заболел дед и Иринка сбилась с ног.

А сейчас пока дома. 30 марта у Виктора Петровича в Москве премьера фильма и он поедет туда. А я тоже тридцатого должна уехать в Венгрию — Югославию по туристической путевке. А Виктор Петрович где-то в половине апреля, если все устроится с путевкой в институт им. Сеченова в Ялту на два срока, то и поедет, не дождавшись меня. Ему очень необходимо поддержать, подлечить свои слабые легкие, которые так угнетает сырая погода, я уж не говорю, что творчество забирает все силы, какие есть, и не оставляет их на то, чтоб организм сопротивлялся. А сейчас у него болит нога, видимо, отложение солей, ходит, лечится, но пока результатов благожелательных не наблюдается, боли стали даже сильнее.

Погода стоит весенняя, скользко, ночами подмораживает, днями, мало сказать, капель, просто потоки и с крыш, и всюду на земле. Если станет ему лучше и не поедет на рыбалку в какой-нибудь район, то, наверное, на недельку съездим в свою деревню, а нет, так уж потом.

Ну вот, пока и все.

Очень, всем сердцем желаем Вам доброго здоровья, сил, соразмерных Вашим делам и заботам, и всего-всего хорошего!

Обнимаем, преданные Вам Виктор и Мария Астафьевы.

1. Курбатов В. Виктор Астафьев. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977 (серия «Литературный портрет»).

* * *

23.II.1979

Новосибирск

Дорогие друзья, Мария Семёновна, Виктор Петрович!

Давно не получал от Вас известий, и это меня беспокоит: все ли благополучно, все ли здоровы? Печально, если нарушен почему-либо рабочий ритм жизни. Сужу по себе — это к хорошему не приводит: одна болячка наплывает на другую, особенно если уже далеко за пятьдесят.

Посылаю Вам пополнение в картотеку — библиографию. Кое-что Вам, разумеется, хорошо известно, вероятно, есть вырезки или книги. Но «ученые» издания достать трудно да и учесть их нелегко. Это небольшой улов конца 1978 года.

В январе я, увы, проболел недели три, выбился из рабочего режима и до сих пор войти в него не могу. Отвлекали корректуры, комментарии

к тому Л<итературного> Н<аследства> С<ибири>, его сдача в набор, легкие, сравнительно, недомогания, смена настроения и т. п.

Была корректура «Воспоминаний о Вяч. Шишкове» [1]. Том получился хороший, но все же искореженный изд-вом. Убеждать редакторов по телефону вещь немислимая, а они упрямы и аргументы попросту не слушают: талдычат свое, чаще всего вкусовое, произвольное и нередко конъюнктурное. Подход исторический им не нужен, он слишком беспокоен и требует умственных усилий. Поступают как проще.

Моя статья о В. Распутине [2] — я говорил Вам о ней в прошлом году — пропутешествовала по трем редакциям журналов, побывав прежде в альманахе «Сибирь», потому что для него и писалась (по заказу!) и обрела пристанище в журнале «Север» (№ 2 за этот год). Если получу журнал, — заказал несколько номеров, — прочтите. Она мне казалась в числе моих лучших работ. Редакция предупреждала, что ее публицистическая часть, которую они пока оставляют, может легко «полететь» в корзину из-за вмешательства «влиятельных людей». Все ходим под единым богом.

Пишу сейчас VII гл. книги о «Царь-рыбе», т. е. заключительную. Читали ли Вы «суровую» критику романа в книге М. Лобанова «Надежда исканий» [3]? Я намерен сделать его главным своим «противником» в этой главе. Все-таки расчленять нечто единое на страницы превосходные и неудачные, на главы хорошие и главы плохие нельзя, не разрушив это единое. Я намерен проследить цельность замысла и воплощения.

Очень большое желание закончить все к апрелю, еще раз пройтись по всему тексту и сдать на машинку. Меня поджимает V том ЛНС [4], который я по договору обязан сдать в октябре-ноябре этого года.

Жду от Вас весточку. Всему Вашему семейству желаю добра и здоровья.

Обнимаю

Ваш Н. Яновский

1. Воспоминания о В. Шишкове. — М.: Советский писатель, 1979.
2. См. ниже письмо Н. Яновского от 3.04.1979.
3. Лобанов М. П. (р. 1925) — критик, литературовед. Книга «Надежда исканий» (М.: Современник, 1978).
4. Литературное наследство Сибири. Т. 5. Николай Михайлович Ядринцев. О литературе. Стихотворения. Письма. Воспоминания о Н. М. Ядринцеве. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1980.

* * *

25 февраля 1979 г.

Я брал Ваши и другие письма в Переделкино, вот уже где, думал, всем опишу подробно и с толком-чувством. Хрена! Меня взяли в такой оборот! Началось с вручения медалей в Кремле, а потом выступления —

в Политехнике, человек с тысячу было, а я боюсь таких аудиторий и от боязни начинаю дерзить и вытворять глупости; затем в Библиотеке Ленина, здесь народу было поменьше и народ поотобранней, и говорилось, и отвечалось легче, но страшно мешали телекамеры (снимали для теле); после я читал новую пьесу в театре Ермоловой [1], был на показе нашего фильма «Сюда не залетали чайки» в Доме архитектора, выступал в изд-ве «Молодая гвардия» и еще куда-то меня черти носили. Ни разу ладом не выпался...

Приехал домой, попробовал отоспаться, а тут вызов в Ленинград — показ материалов фильма «Таежная повесть», наснимал сдуру режиссер 3,5 часа, а надо 1 час 30 минут, и все ему жалко, а я должен «отстоять», «помочь» и т. д. А как это я и чем смогу помочь и что сделать, когда государству дарят целую серию фильма, а как минимум 15 миллионов рублей, а оно не берет, ибо «не запланировано»! Глупость, тупость и полнейшее головотяпство!

Приехал и наконец-то, все бросивши, уехал на 3 дня на лед, на реку, отошел маленько.

«Поклона» у меня пока нету [2]. Лежит в Москве, у друга. В начале марта сын поедет туда на машине и привезет. Я сразу вышла. Книга получилась такая, какой я хотел — светлой и горькой до слез, самая моя заветная, самая свободная и искренняя до «глупости», порой, книга, но в ней, в этой глупости, и есть вся прелесть... На глупость тоже надо заработать, право...

Рукопись о Макарове [3] надо дорабатывать — один экземпляр в Москве, один у меня, выслать нечего. Я до конца марта (до 20-го дома, затем еду на совещание молодых — учить писать) так вот заехал бы ты, если в Москву есть путь, и все опять посмотрел бы спокойно, с чувством-толком и покалякали бы мы с тобой и Фаина Васильевна с М. С.? Дальше будет невпротык, в апреле мы с М. С. едем в Польшу, затем в Кострому, на семинар и после (только и вижу!) в Сибирь; в июне будет 50-летие Шукшина, небольшой компанией мы собираемся пробраться на родину Василия Макаровича и без шума-гама поклониться его земле родимой...

В июне 50-летие Игарки — тоже охота побывать; не видел верховьев Енисея, пока не преобразовали строители светлого будущего совсем родимую реку, надо бы посмотреть <...> (текст неразборчив. — В. Я.); и вообще перед тем, как засесть за роман, поездить бы побольше, послушаться, надивоваться, языка поглотать народного, аки кислорода животного...

Много чего хочется, да уже немного можется, так и научили меня распределять свое время, дорожить им, избавляться от суеты и лишних людей. Беда! Вижу и чувую — беда, а характера заломать не умею. Витенька наш растет и перерастет нас с тобою. Все наши посылают Вам поклоны, я Вас крепко обнимаю и целую.

В. Астафьев.

1. Очевидно, пьеса «Прости меня» в 2-х актах. Издана в Москве (М.: ВААП-Информ, 1979). Спектаклю по этой пьесе была присуждена Государственная премия РСФСР.
2. Помимо публикации в «Роман-газете» (1979, № 2, № 3) выходила книга: Астафьев В. Последний поклон. — М.: Современник, 1978.
3. «Зрячий посох».

* * *

3.IV.1979

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Получил твое письмо, а недавно и книгу «Последний поклон». Отвечать сразу не удалось, так как торопился закончить книгу [1]. Так вот, я ее закончил дней 5 назад. Получилось 300 стр., т. е. 12,5 п. л., и 1 апреля везу ее в «Сов. писатель» (в Москве намечаются разные совещания). Жалею, что «Последний поклон» мне не удалось «разобрать» в его окончательной редакции. Теперь я это сделать не сумею. Вернусь лишь после того, как книга будет в плане утверждена (если вообще она окажется «ко двору» строгого издательства).

Твой отчет о пребывании в Переделкино я читал с удовольствием, а вот сейчас в «Лит. газете» подведен итог. Я не верю, что ты мог говорить неинтересно, и сейчас убедился в том, что это не так. Каждый раз жалею, что я чего-то не знал о твоих чувствах, настроениях, мыслях. Надеюсь, ты меня поймешь, учитывая опыт общения с А. Н. Макаровым. Да, мне сейчас твою книгу о нем прочитать не суждено, но я надеюсь ее прочитать и вернуться ко всей этой интереснейшей странице нашей литературной истории.

Появился «сигнал» № 3 «Сиб. огней», где опубликована первая глава моей монографии [2]. Она дана с небольшими сокращениями, и я ее вышлю сразу, как получу номер. Вообще, я хочу прислать всю рукопись, как только получу ее с машинки.

В № 2 журнала «Север» опубликована статья о «Прощании с Матерой» В. Распутина, в ней и кое-что о «Царь-рыбе» (сопоставление), какие-то кусочки из нее вошли теперь и в монографию. Если номер попадет (? — В. Я.), прости, пожалуйста, статья эта методологически принципиальная, и мне было бы важно услышать твое мнение о ней. Вообще, о всех этих проблемах я пытаюсь размышлять как социолог с выходом в «большую» политику, но, говоря честно, задача такая на современный лад невыполнимая. Так, прожекторские потуги. Но лучше — потуги, если совсем без них. Беда нашей критики в том, что она «ударилась» в «чистую» эстетику и равнодушна ко всему остальному.

Сейчас я занят писателем-сибиряком столетней давности — Н. М. Ядринцевым. Представь, он писал о тех же проблемах, о которых пишем мы сегодня. В статье «Привольные места Сибири» («Отече-

ственные записки», 1880, № 4) он писал о том, что лес в Сибири вырубается хищнически и по берегам рек (легче сплавать), что рыбы стало в реках меньше, что реки загрязняются... Словом, я читал ее со странным чувством, будто бы она написана лишь вчера и мы лишь повторяем давно за нас сказанное. Вообще, Ядринцев был человеком пронизательным, и я рад, что занялся «восстановлением» его литературного наследия, сегодня в основном забытого. Первую часть ЛНС, посвященную ему, я уже сдал в производство, вторую — готовлю. Всего будет 50 п. л. Произойдет открытие писателя, открытие яркого публициста-шестидесятника, защитника крестьянства, особенного сибирского.

Как только примут мою книгу, я незамедлительно верну все, что у тебя брал — книги, вырезки, рукописи (у меня есть список всего, подлежащего возврату).

Марии Семёновне, всему Вашему семейству (как здоровье Петра Павловича?) наш сердечный привет.

Будь здоров! Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Яновский Н. Н. Виктор Астафьев. Очерк творчества. — М.: Советский писатель, 1982.
2. Начало. О раннем периоде жизни и творчества В. Астафьева // Сибирские огни. — 1979. — № 3.

* * *

7.V.1979 г.

Новосибирск

Дорогие друзья Мария Семёновна и Виктор Петрович!

ФВ и я поздравляем Вас с праздником Победы! Для всех, особенно для фронтовиков, это святой день, и хочется хотя бы на мгновение почувствовать себя рядом со всеми, кто пережил этот день и все, что ему предшествовало. Такая потребность, по-видимому, и умрет вместе с нами; во всяком случае, она будет жить, пока мы живы.

Мы все нынче делаем с запозданием, потому что задержались на этот раз в Москве — захотелось побывать с внуком и внучкой на Первомае, погулять с ними, ни о чем не думая, всеми порами ощущая и предощущая их будущую жизнь. Оказывается, и в этом радость, доступная лишь старости. Мы ездили с ними в просыпающуюся от зимы рощицу и славно провели время, тем более что и первого и второго мая в Москве было тепло необыкновенно (за +20).

В Москве мы прожили больше двух недель. Я дня три «заседал». Кроме совета по критике, все остальное было для «галочки», формально, бездушно. А совет москвичи тоже поспешили свернуть в кратчайшие сроки, но разговор в чем-то показательный все-таки состоялся. Но я осно-

вательно поработал. После сдачи монографии «Виктор Астафьев» (что-то будет после чтения!) я, наконец, «свободно» приступил к очередному тому ЛНС («Литературное наследство Сибири»), который в июне-июле должен сдать в производство.

Не знаю, получили ли Вы «Сиб. огни», где помещена первая глава монографии. Очень хотел бы, чтобы Вы ее прочли и сделали замечания. 3-й экз. всей книги у меня есть. Любые замечания приму охотно.

Если у Вас путь лежит через Новосибирск (на Алтай, я помню, Вы собирались), известите, будем рады Вас встретить и проведем с Вами любое количество часов или дней, как Вам будет удобно.

Будьте здоровы!

Всем Вашим домашним, всему славному семейству Вашему наш привет, праздничные поздравления и поклон.

Обнимаем

Ваши Ф. и Н. Яновские.

* * *

(отв. 22/V.79)

Дорогой Николай Николаевич!

Ну, раз я пишу на тетрадных листах, стало быть, в деревне обретаюсь. Кое-как, уже перед Днем Победы выбрался сюда — дороги худы, весна нудная, водяная, совсем от нас Господь-то отворачивается, все ветры-ураганы, все снега-холода. Я для начала тут простыл, приболел, но вот и за стол сажусь.

Я прочел «Начало» и оно мне в общем-то понравилось — это хоть немножко восполнит как-то начало творческой и прочей биографии, а то как с неба свалился. Все же выгодно кому-то, чтоб мы молчали о нашей «счастливой» послевоенной жизни, о том, как нас обманули и предали «отцы» наши и, деля манатки, ордена, должности, дачи, звания, совсем о нас забыли и потом удивлялись: «Гляди-ко, есть еще чистые солдаты! Как это они выжили, хоть единично?! Ведь все сделано было, чтоб передохли. Н-ну герои! Н-ну орлы! Зажечь им вечный огонь! Выдать по медали! Раздать залежавшиеся на складах товары, но не свыше тридцати рублей стоимостью. Вот мы какие хорошие!»

Так и шло — Буденному графское поместье с личным конзаводом и рыбным прудом, нам с Марьей талон на сахар и поношенные спортивные сумки из Америк, а к тридцатилетию дали мне — приемник «Вега» 2,6 ры стоимостью. Марье — фотоаппарат «Чайка», и то и другое снятое с производства, т. е. утильсырьё. Но я всегда так говорю: «Так нам и надо! Мы достойны своих “отцов”, они нас родили, мы — их продолжаем рожать».

Мне обязательно надо прочесть Вашу рукопись, там много частных неточностей, как то «жилка» названа «пшенкой» и т. д. и т. п. Прочесть

рукопись я, скорее всего, смогу в Сибири, ибо здесь мое пребывание ограничено, через несколько дней я поеду в Москву, записываться на телевидении, затем ненадолго сюда и стану собираться в Сибирь. Где-то в начале июня, если буду здоров, я уже буду в Овсянке. Не знаю, писал ли я адрес? Вот он: 663081 — г. Красноярск, п/о Овсянка, ул. Щетинкина, 26 (мне). Там я оборудую избушку и в конце июня съезжу в Игарку, а затем передохну и стану собираться на Алтай, где ни разу не бывал, на родину Шукшина — сумели поехать Валя Распутин и Толя Заболоцкий хотел всех нас «возглавить» — это мой земляк, оператор и друг Василия Макаровича.

Я свой «Зрячий посох» отдал в «Н<аш> современник», молчат. А когда вологодские молчат — это всегда ничего хорошего не сулит, я их молчание ввек боюсь. Читал «Посох» К. М. Симонов [1] (рукопись), звонил из больницы (у него обострение пневмонии), говорил хорошие слова, просил встретиться с ним, чтобы кое-что уточнить. (В рукописи много о нем, они были друзьями с Александром Николаевичем [2], учились в Лит. ин-те вместе). Написал я новую пьесу, на этот раз путную, и поэтому проходит в театры труднее.

Ну, обнимаю и целую Вас с Фаинной Васильевной.

От всех наших — поклоны.

11 мая 1979 г.

1. Симонов К. М. (1915—1979) — поэт, прозаик.
2. Макаров А. Н. (1912—1967) — критик, герой «Зрячего посоха», главный редактор журнала «Молодая гвардия» (с 1956 г.)

* * *

21.V.1979 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Очень рад, что статья «Начало» тебе чем-то понравилась (вижу — не всем, и тут ничего не поделаешь). Положено начало научной биографии художника и сделана попытка проследить динамику творчества, его истоки. Ты прав: кому-то выгодно «не знать», откуда и как мы вышли на свет божий...

Всю рукопись я готов тебе прислать в любое время по первому сигналу. В Овсянку так в Овсянку. Но, может быть, в Сибири мы повстречаемся? Я, например, охотно присоединился бы к общему выезду в родные места Василия Макаровича. Меня не раз приглашали барнаульцы, но как-то не получалось у меня — времени не было. Если не попадешь в Новосибирск, сообщи, пожалуйста, в какие дни Вы там намерены побывать.

Книгу об А. Н. Макарове жду (в рукописи, в журнальном варианте или изданную отдельно) и читать, изучать буду с особым чувством.

Рад, что она пришлась по душе К. Симонову. А «Наш современник» может «выкинуть» что угодно, увы. Его редакция слишком часто стала оглядываться: как бы чего не сказала влиятельная Марья Ивановна!

Я ныне собираюсь побывать в Иркутске, в Томске и Омске. Не дает мне покою Н. М. Ядринцев, составляю два тома его произведений и писем и все боюсь что-то ценное пропустить.

За «Последний поклон» спасибо! Перечитываю с карандашом в руках, мечтаю предложить «Сиб. огням» статью о повести, потому что она в таком виде обрела новое качество. В своей книге я об этом говорю, но чувствую, что теперь о ней надо писать как-то по-новому. Ее повывисившиеся художественные качества повысились несоизмеримо и ее социальное, философское звучание сегодня и в нашем обществе.

Зарубежный читатель многого не поймет. Точно так же, как он до сих пор «не понимает» Достоевского. Незнание нашей истории, нашего народа обрекает их на это. Кстати, некоторые критики и у нас пишут о «Последнем поклоне», полностью отвлекаясь от нашей истории. Слово-сочетание «нравственные искания» их полностью устроило. Актуально по звучанию и никого не беспокоит.

Около трех недель был в Москве. Повидал внучку и внука, теперь уже все говорящего. Очень милые ребятки. Как ваш с Марией Семёновой Витя? Поклон от нас всему вашему семейству. Как здоровье Петра Павловича? Обязательно извести, как поедешь в Овсянку.

Обнимаю

Твой Н. Яновский.

* * *

3.Х.1979 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Я только-только вернулся из Коктебеля, потому и задержался с ответом.

Да и смутно стало на душе, когда узнал, что Петра Павловича уже нет [1], и невозвратно ушло его время, которое он не выбирал, а ведь оно несет свою долю ответственности за человеческие судьбы... Любые утешения в таком случае бессмысленны, особенно «объяснительные», от тоски и горечи нам не уйти ни сейчас, ни после, сколько бы лет «забвения» ни прошло: наша «родова» в нас самих, и я понимаю и разделяю твою горечь.

Первый том твоих сочинений я получил — спасибо за него, как и за все последующие. Разумеется, я подписался, и буду рад последовать совету: детям моим такие книги нужны. Книга издана отлично, и я поздравляю тебя от души.

Думали ли мы об этом тогда, в 1965 году, в Забайкалье [2]? Мы просто радовались каждой новой отдельно изданной книге. Выходит, время со всеми его треволнениями работало в какой-то степени и на нас. Во многих смыслах знаменателен выход этого собрания сочинений.

Посылаю тебе мою рукопись и жду твою о Макарове А. Н. в вопросах литературы (так в тексте. — В. Я.). Конечно, мне еще предстоит вернуться к своей монографии, но, видимо, лишь после того, как «Сов. писатель» пришлет свое заключение. Примут ли ее в основном или потребуют того, что я не умею делать, — неизвестно. Во всяком случае, решение я жду с большим нетерпением.

В Коктебеле я работал мало, самое трудное — чтение корректуры своей книги, которая выйдет в этом году. Читать без «контрольного» текста, соглашаться с «выбросами» по техническим причинам было делом мучительным, работка выбила меня из колеи, потребовала времени и нервов. Она и испортила мне мой несчастный отдых. Но как бы то ни было, а книга выходит, и это тоже хорошо. Выходит и очередной — четвертый — том «Наследства», потребовавший от меня очень и очень больших усилий. Все это я незамедлительно пришлю, как только увидит свет.

Неужели твой сборник статей и воспоминаний никем не принят? А как отнесся к нему К. М. Симонов? Если есть его письменное заключение, подошли.

Наши первые дни в Коктебеле были омрачены известием о смерти Константина Михайловича, и в первые часы как-то не было человека близкого, с кем можно было бы разделить горе, и сидел я одиноко в пустой своей комнате, пил какую-то бурду, поминал и вспоминал... Ведь мы сверстники и все, каждый по-своему, пережили наше нелегкое время. Он был на «самом верху», мы — на «самом низу», но решать нам приходилось одни и те же проблемы. И как бы он ни был сложен, он был честен...

Я надеюсь и верю, что твое, столь объяснимое «нерабочее» состояние пройдет, и ты вернешься к своему новому роману. Жаль, что летом мы не встретились. В. Распутин обещал известить меня, когда он вылетит из Иркутска, а вылететь ему не удалось, и я тоже не попал на шукшинское пятидесятилетие. И от тебя я известий не получил. Ну, да в Сростки, я думаю, можно съездить в более спокойное время.

Марии Семёновне наш с Ф. В. общий поклон, всему семейству Вашему искренний привет.

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

П. С. Книги, вырезки и проч. я все-таки боюсь посылать, лучше, если я их привезу...

Н. Я.

1. Пётр Павлович Астафьев — отец писателя. Умер 3 сентября 1979 г. в Вологде.
2. Семинар молодых писателей в Чите проходил осенью 1965 г.

22.X.1979 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Не знаю, получил ли ты мою рукопись. Но мне не терпится узнать, как ты к ней относишься, надеюсь, тебе понятно. Потому и пишу.

Из «Советского писателя» получил две рецензии. Одна весьма положительная (Вс. Сурганова) [1]. Другая доказывает, что я в творчестве Астафьева ничего не понимаю (Г. Белая) [2]. Издательство предлагает мне во всем этом разобраться и решить, как поступать дальше.

Может, и в самом деле я ничего не понял и напрасно взялся за это непосильное для меня дело? Сижую и решаю этот вопрос.

Книгу отложил. Может, на самом деле, ей надо отлежаться, дозреть...

Да и занят я сейчас свыше головы Н. М. Ядринцевым — сдаю в набор вторую часть «Лит. наследства Сибири», первая уже печатается, и я скоро ее тебе пришлю.

А пока посылаю тебе две книжки, которые, возможно, до тебя еще не дошли. Это П. Л. Драверт и о Драверте [3]. Ведь ты любишь поэзию, и эта книга П. Л., не сомневаюсь, доставит тебе радость. К тому же она самая полная из всех издававшихся книг П. Драверта.

П. Л. чистый сибиряк, хотя и родился в Вятке, и уже этим нам с тобой дорог.

И еще посылаю карточки для библиографии, составляемой Марией Семёновной (Мария Семёновна! Вам большой привет от меня и Ф. В. Пишите, всегда рады весточкам от Вас). Здесь, конечно, немало того, что Вам (с Марией Семёновной) известно, но есть и труднодоступные издания. У меня тоже подбирается солидная библиография.

Мечтаю написать книгу о Ядринцеве. Вот выпущу два тома «Наследства», посвященные ему, и засяду. Сейчас, вероятно, никто лучше не знает его творчество и его биографию. А последний раз о нем — о его жизни — писали в 1904 году. Ясно, что за 75 лет после этого накопилось много нового, подчас малоизвестного и просто неизвестного! Работа предстоит увлекательная, тем более приятная, что дело имеешь с истинным пламенным сибиряком, прожившим все свои годы и дни во имя Сибири.

У Драверта есть разные стихи, и некоторые из них сегодня, быть может, не звучат. Но сейчас мне созвучны «Искры» (с. 140) — «По духу ты — моя сестра...». И потом — «Куда летим, зачем летим, — не ведаем, но блещем; Змеистый путь необратим в дыханьи ветра вещем...». Увы, необратим, а главное — быстро потухаем. Вот об этом стихотворение, сжимающее сердце.

А как там твой наследник Витя-малый поживает? Привет всему твоему семейству. Возможно, в ноябре-декабре буду в Москве. Очень

хочется, хотя бы на денек, побывать в Вологде, повидаться, поговорить (и книги привезти)...

Обнимаю

Твой Н. Яновский.

1. Сурганов Вс. А. (1927—1999) — критик, литературовед. Белая Г. А. (1931—2004) — литературовед.
2. Драверт П. Л. (1879—1945) — ученый, поэт. Очевидно, книга А. Лейфера «Сибири не изменю!» (Омск, 1979).

* * *

д. Сибла

Дорогой Николай Николаевич!

Ну вот, попал я, наконец, в деревню, маленько побродил по осенней, сырой и тихой тайге, «отошел» малость и берусь хоть бы за текущие дела. Куда от них денешься?

Рукопись прочли оба с Марьей, обоим она нам «показалась», замечаний особых нет, мелочи я помечал карандашом в рукописи, и ты их увидишь, — но их немного.

Что касается самой рукописи, то я бы хотел, чтоб за счет вещей малозначительных из моей «продукции», ну как «Снега» [1] или некоторые «Затеси», подробней бы остановиться на рассказах, ведь как-никак, а в принципе-то я рассказчик и повествования мои, кроме «Пастушки» и «Кражи», в сущности, состоят из рассказов. И еще надо бы в конце книги строже сгруппировать материал по «Царь-рыбе», а то он как-то разбился на три части, в конце книги вдруг снова возврат к первым главам; Мария Семёновна высказала пожелание подробней остановиться на очерке «Паруня» и на рассказе «Бабушкин праздник», но это всего лишь пожелание, не более, и еще вот, что прорывается, это уже больше в тональности, ты вроде как порой меня хочешь перед кем-то оправдать или защитить. Надо ли это? Я не уверен. Другое дело — поддержать, как это ты сделал в смысле языка. Тут все верно и все нужно. А то ведь получается, что мы, провинция, опять перед кем-то извиняемся, оправдываемся. Да ну их всех! В столице год от года провинции-то не убывает, а прибывает, взамен Твардовского, Смирнова, Тихонова, Луконина [2], Симонова прет к рулю такая суетливая шушера! Или самовлюбленные литературные графы, вроде господина Бондарева [3], к которому я все более и более теряю интерес и уважение. Деятель и закулисный деятель поглощает бывшего взводного, глушит работу его, превращая писателя в интригана барачного типа.

«Зрячий посох» тебе очень пригодится. Как вернусь в город, пришлю вместе с послесловием (увы, незаконченным) Константина Симонова.

(Прости, пожалуйста, ручка здесь опять плохо пишет, а «рабочая» осталась в городе — у нас и ручка — проблема!)

Поклон Фаине Васильевне! Обнимаю, целую, твой Виктор Петрович.

20 октября 1979 г.

1. Роман В. Астафьева «Тают снега» (1958).
2. Твардовский А. Т. (1910—1971) — поэт, главный редактор журнала «Новый мир» (1959—1970). Очевидно, Смирнов С. С. (1915—1976) — прозаик, публицист. Тихонов Н. С. (1896—1979) — поэт. Луконин М. К. (1918—1976) — поэт.
3. Бондарев Ю. В. (р. 1924) — прозаик.

* * *

3.XI.1979 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Получил рукопись свою и очень я рад, что она тебе и Марии Семёновне «показалась». Хожу как именинник. Я ведь хорошо знаю свои возможности. Понимаю, в чем «силен», а в чем явно «слабоват».

Если в рукописи есть такой тон — «оправдать», — то его, конечно, надо снять. Но я-то полагал, что речь здесь идет не о том, что я хочу тебя от кого-то «защитить», а о моей позиции критика, кстати, давней, известной и непреклонной — смотреть в социальную природу событий и характеров.

Когда говорят, что Вася Сорока [1] — «образец русского народного артистизма», то меня это коробит, и не потому, что плохо и неверно сказано, а потому, что при этом умалчивается о событиях, которые были решающими в судьбе тысяч таких, как Вася Сорока. Мы сначала выбили его из естественной для него среды переселенческой «баржой», ни за что ни про что поставили его на какое-то время в положение изгоя в родной стране, а потом начали восхищаться его «народным артистизмом». Об этом главным как критик-публицист и социолог я и хотел сказать, когда «защищал» тебя от людей, ловко обходящих эту горячую для нас и для будущего проблему. Отсюда мой «тон» всего «сочинения», ибо я убежден: по таким произведениям, как «Последний поклон», будут изучать подлинную нашу историю, историю русского народа.

Относительно рассказов, на которых я мало остановился, вероятно, справедливо. Тут есть над чем подумать. Глава четвертая с анализа рассказов и начинается, но потом, видимо, все заслонила повесть «Пастух и пастушка». Надо этот раздел построить иначе, выделить его в отдельную главу, даже если придется нарушить хронологию (ведь этот хронологи-

ческий принцип мною строго соблюден). Если это произойдет, то в него легко будет включить и очерк «Паруня». О главе, посвященной «Царь-рыбе», непременно подумаю. Мне она казалась цельной, лишь разбитой на отдельные аспекты исследования действительности, характеров, как и в самом романе.

Справедливо: концовка не написана. Вот пришлешь книгу о А. Н. Макарове, статей и выступлений о литературе (в ней есть статьи из «Урала»?)²), я снова вернусь ко всей последней главе и сделаю ее действительно итоговой (с неизменным включением «Последнего поклона»). Тут и я чувствовал «провал», но сил уже не доставало. И хорошо, что рукопись полежала, и я от нее «отошел» — за это время что-то и в голове «отлежалось». А статью в «Урале» («Нет, алмазы на дороге не валяются») [2] пришли, пожалуйста, если она не вошла в книгу — у нас в библиотеке этих номеров, увы, нет. Черт знает что — раньше я выписывал журнал на «Сиб. огни», и при мне там все это хранилось, а сейчас братья-писатели или разграбили, или в макулатуру сдали!

«Сов. писатель» просил определить, когда я справлюсь с «доработкой». Теперь, получив и твой отклик, я определил — месяца три, ибо сейчас я по уши занят сдачей в набор «Лит. наследства Сибири», т. 5.

Наступают праздники, и я Вас и все мы поздравляем (тебя, Марию Семёновну, Витю-малого, всех твоих близких) с праздником. Будьте здоровы!

Обнимаю.

Твой Н. Яновский

Р. С. В Иркутске вышел превосходно изданный том «Житие протопопа Аввакума». Есть ли он у тебя?

Н. Я.

1. Вася Сорока — персонаж «Последнего поклона» В. Астафьева.
2. Очерк «Нет, алмазы на дороге не валяются» о художественном мастерстве писателя. «Урал», 1962, № 4.

* * *

14.XI.1979 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Наш общий и душевный привет Марии Семёновне и всему Вашему семейству.

Посылаю тебе и Марии Семёновне статью о Шишкове-сатирике [1]. Когда еще выйдет монография моя о Шишкове — вероятно, не ранее, как годика через два, — а мне сейчас очень хочется убедить современных читателей Шихова, что те полтора десятка «шутейных рассказов», которые представлены в его посмертных соб. соч. (1960 и 1973 гг.), не

исчерпывают и в десятой доле всего богатства, содержащегося в сатирах писателя. Именно в сатире, которая на поверку оказывается актуальной и сегодня. А исторический ее смысл и не поддается арифметическому счету — он широк и многозначен, как любая классика...

В прошлом году в статье о «Ватаге» [2] я реабилитировал роман, показав, что в проблеме о стихийности крестьянства Шишков был на голову выше своих современников, сейчас я реабилитирую повесть «Дикольче» [3], до сего дня погребенную в периодике. То и другое произведение я мечтаю издать и предпринял для этого необходимые шаги. Уже встретил сопротивление Комитета [4]. Но, боже мой, против кого только не восставал Комитет! А русская литература между тем развивается по своим законам, вопреки действиям комитетчиков.

19/ХІ лечу в Москву и утрясу все дела с той (Шишков) и другой (Астафьев) монографией. Работаю, как конь. А что остается на старости лет? Вечная радость — работа...

Обнимаю и мечтаю о встрече.

Твой Н. Яновский

1. Яновский Н. Свет и тени. «Шутейные» повести и рассказы Вяч. Шихова // Сибирские огни. — 1979. — № 10.
2. Очевидно, речь идет о статье в кн. «Поиск» (1979) «Гражданская война в изображении Вячеслава Шихова».
3. «Дикольче» (1927) — повесть, обвиненная в «воспевании кулака».
4. Комитет по делам печати.

Александр МИНЧЕНКОВ

ЗОЛОТЫЕ ПРОМЫСЛЫ СИБИРИ

Сколько же разных легенд и историй издревле связано с золотом! Сколько приносило оно душевного трепета тому, кто жаждал власти и легкой наживы! Сколько жизней людских оно унесло? Об этом история умалчивает. Но остались воспоминания очевидцев, письма, архивные документы, фотографии, позволяющие нам узнать больше о золотых промыслах Сибири, жизни и быте старателей.

Шаг за шагом

С основанием в 1619 году Енисейского острога под контролем российских властей оказался весь бассейн реки Енисей. Все дальше отправлялись партии казаков на поиски новых земель и рек. Однажды служивые вернулись в Тобольск из похода и доставили к царскому воеводе из далеких мест эвенка. Поведал эвенк, что «в стороне восхода солнца» есть большая река и называется она — Елюене; и что эта река «угодна и обильна».

Незамедлительно воевода снарядил отряд с заданием: найти эту реку, изведать ее притоки.

Среди первопроходцев был некий Пантелей Демидович Пенде. Его отряд в 1619 году на нескольких стругах вышел из Туруханска, прошел в верховье Нижней Тунгуски, перевалил Чечуйский волок и уже на следующий год вышел на реку, названную Леной. Три года отряд Пенде находился в походе. После его возвращения в Туруханск интерес к этим местам только возрос.

В 1628 году казачий десятник Василий Бугор до Лены добрался иным путем и, обследовав ее, также вернулся с особым докладом. Через два года Лены достиг другой крупный отряд, возглавленный атаманом Галкиным. А еще через год, в 1631 году, были основаны Усть-Кутский и Киренский остроги. В 1632 году енисейский воевода Пётр Бекетов с большим казачьим отрядом заложил Якутский острог, а в 1635 году — Олекминский. Узнав о новых богатых землях, сюда активно потянулись купцы и промышленники. Со знанием дела они организовали промысел таежного зверя и скупку пушнины.

С вхождения Якутии в 1639 году в состав Русского государства началось планомерное освоение северо-востока страны. Притоки реки Лены — Витим и Олекма — создают междуречье, охватывающее обширное пространство на

севере нынешней Иркутской области. Долгое время главным и единственным богатством в этих местах являлась пушнина. Она была своеобразной валютой при торговле и обмене и давала достаток каждому, кто был причастен к ее добыче и скупке.

В 1638 году царским указом было разрешено частным лицам заниматься поиском и добычей золота на казенных землях в Сибири. Открытие драгоценного металла в Восточной Сибири относится к 1843 году. Найдены были золотосодержащие россыпи в притоках реки Олекмы: Бухта, Сватовка и Тингуру.

Первые поисковые партии, которые появились здесь, — иркутские: первой гильдии купца Павла Герасимова, коммерции советника Хрисанфа Кандинского и генерал-майора Безносилова. Они пришли в тайгу из Нерчинска, и 9 апреля 1843 года Олекминским окружным полицейским управлением была зарегистрирована первая заявка на имя Герасимова. На следующий день был зарегистрирован горный отвод на имя Кандинского.

Узнав о золотоносных речках, обнаруженных на новых землях, сюда устремились и иные деловые люди. Через три-четыре месяца были оформлены заявки на имя генерал-майора Безносилова, отставного поручика Малевинского, почетных граждан Зензинова и Дедюхинского и первой гильдии купца Григория Лагина.

В течение двух лет было зарегистрировано более десятка отводов. Вспыхнувшая было золотая лихорадка, однако, была недолгой. Россыпи оказались бедными на золото. Прииски Александро-Николаевский, Иннокентьевский, Петропавловский, Кандинский и Герасимовский работали до 1851 года. Добыча доходила всего лишь до одного пуда в год.

Главной же находкой для золотоискателей стало открытие золота на речке Хомолхо летом 1846 года, когда поисковики наткнулись на мелкозалегающее месторождение. Это и стало отправной точкой развития добычи и разведки благородного металла в Ленском золотоносном районе.

Рассказывают, будто какой-то эвенк оказался на земле иркутского купца русскому купцу желтый, с тусклым блеском, тяжелый камешек. Он хотел поменять его на что-либо из товара. Знающий человек, увидев в этом «камушке» золотой самородок, спросил эвенка: «Откуда это у тебя?» Эвенк ответил: мол, он из дальних мест и кочует на оленях с сородичами по сибирским речкам, на одной из них и нашел. «А ты можешь показать мне эту речку?» — спросил купец. Эвенк согласился.

Так это было или иначе, доподлинно неизвестно. Но речка Хомолхо не обманула старателей.

Золото на Хомолхо было открыто одновременно отрядами иркутского купца Константина Петровича Трапезникова и действительного статского советника Косьмы Григорьевича Репинского. Фактическими первооткрывателями были их доверенные лица: начальник поисковой партии олекминский крестьянин Пётр Корнилов (от К. П. Трапезникова) и тобольский меццанин Николай Окуловский (от К. Г. Репинского).

Оба они участвовали в межевании первых в истории Золотой Лены приисков — Спасского и Вознесенского. Заявки на них были зарегистрированы Олекминским полицейским управлением 7 сентября (по старому стилю) 1846 года. По новому стилю — 19 сентября, это и считается официальной датой от-

крытия россыпного золота в Ленском золотоносном районе. А 19 и 20 декабря 1849 года исполняющим обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьевым эти два прииска были официально утверждены. Олекминский округ относился территориально к Якутской области, которая в свою очередь входила в состав Иркутской губернии. Все отводы на месторождения оформлялись в Олекминске.

Спасский и Вознесенский были застолблены на землях, находившихся в пользовании кочевых тунгусов Жуюганского рода. Глава рода Афанасий Якомин, уступив официально эти земли золотопромышленникам, получил за каждый прииск по 25 рублей серебром.

К середине 1848 года были выявлены и иные золотые россыпи. Горный инженер Николай Николаевич Таскин произвел работы по установлению официальных границ первых приисков, составил межевые карты, которые были утверждены в конце 1849 года.

Весть об открытии золота на Хомолхо быстро разнеслась по Иркутской губернии. Это сразу привлекло предприимчивых сибирских купцов. Поиски золота стали расширяться, и партии искателей двинулись на другие речки района. И вот в 1852 году поисковый отряд купца А. М. Мыльников обнаружил богатую россыпь на речке Большая Валюхта. Здесь сразу появились два прииска: Воскресенский и Михайловский. Партиями И. Соловьева была открыта россыпь на реке Бульбухта и основан прииск, получивший красивое название — Золотые Утесы.

Фортуна сопутствовала первооткрывателям — все новые и новые золотосодержащие участки на горных речках встречались им. В 1853 году раскрыла свои богатства река Малый Патом, где возник прииск Рождественский, река Барчик — зарегистрирован прииск Благовещенский, речка Большой Бологнак, где также возникли прииски: Золотой Яр и Золотое Устье. Поисковые партии продолжали продвигаться по всем направлениям Олекминского водораздела.

Вскоре М. Сибиряковым, И. Базановым, П. Катышевцевым были обнаружены золотосодержащие россыпи на реках Хайверга, Баракун, Таймендра, Нынундра, Желтухта и Кигелан. В 1858 году люди купца Маркова нашли золото на речке Молво, П. Катышевцев — на речке Божуихте.

Это была настоящая золотая лихорадка: каждый стремился найти как можно больше золотых россыпей и застолбить их за собой, в первую очередь — наиболее богатые участки с наименьшей глубиной залегания. Вот поэтому в районе не сразу началась интенсивная добыча драгоценного металла: все были одержимы захватом золотосодержащих площадей. И это продолжалось девять лет. Лишь с 1855 года началась основательная эксплуатация открытых месторождений.

Золотопромышленники, стараясь быстро вернуть затраты, все силы направили на отработку наиболее богатых, поверхностных участков. Менее богатые участки и места с более глубоким залеганием золотоносных песков оставались на потом.

Если ранее в этих местах были лишь звериные тропы и охотничьи путики, то теперь стали прокладывать дороги. Рубились широкие просеки, на болота и мари выкладывались гати. По этим дорогам гнали и скот из Олекминска и Вилюйска.

На реке Лене возникло селение Мача. Здесь были построены склады для продовольствия и товаров, которые доставлялись сюда водным путем из Иркутска. Меж Мачей и приисками по дорогам с определенным интервалом строили зимовья. В зимний период, когда добыча золота прекращалась, хозяева приисков работников рассчитывали. Трудовой люд, обосновавшись на Маче, строил себе жилища, чтобы перезимовать, а с приходом весны вновь уходил внаем к золотопромышленникам на очередной сезон. Мача превратилась в большой рабочий поселок.

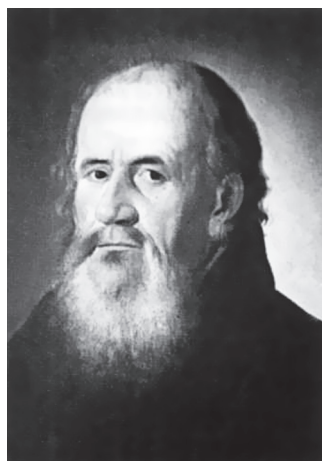
В шестидесятые годы XIX века стали известны иные, не менее богатые россыпи. Но это уже в водоразделах других речек и со средним и глубоким залеганием, что требовало дополнительных затрат: открытых горных работ — разрезов или подземных, шахтных выработок. Первыми отправились в бассейн речки Вача партии Трапезникова, Баснина, Катышевцева, Сибирякова, Рухлова, Ширяева и Голубева. Это был 1861 год. Золото сразу же было обнаружено в притоках Вачи — речках Ныгри и Угахан. Заявки на межевание оформлялись одна за другой, причем больше в обход закона — на близких родственников и подставных лиц.

Первый отвод был зарегистрирован по речке Ныгри 8 августа 1861 г., второй 20 сентября по речке Угахан. Впадающие в Ныгри ручьи Безымянка, Зоринский и Сухой Лог оказались тоже золотоносными. Хозяевами этих отводов стали А. К. Трапезников и К. П. Трапезников. Еще по одному притоку Вачи — ключу Атыркан-Берикан — в 1865 году были также найдены запасы золота и оформлены на купца Белоголового.

Если в Олекминском водоразделе «золотые» речки, которые протекали сравнительно недалеко от Лены, изначально относились к «Северной Тайге», позднее названной «Дальней Тайгой», то месторождения в водоразделах верхнего течения Хомолхо, Вачи, Угахана и Ныгри получили название «Средняя Тайга» (изначально «Центральная Тайга»).

«Ближняя Тайга» появилась в 1863 году, когда впервые было обнаружено золото в бассейне нижнего и среднего течения реки Бодайбо, впадающей в Витим. Первая заявка на отвод прииска Благовещенский на реке Накатами была зарегистрирована 27 июня 1863 года на имя купца Михаила Александровича Сибирякова. На его же имя был одновременно оформлен и первый отвод по Бодайбо при ее впадении в Витим. Сразу возник прииск Стефано-Афанасьевский, вскоре ставший административной единицей — Бодайбинской резиденцией, а впоследствии — городом Бодайбо.

Определения «Ближняя Тайга», «Средняя Тайга» и «Дальняя Тайга» и по сей день остались в обиходе поисковиков и золотодобытчиков Бодайбинского района. На месторождениях и поныне работают артели старателей и крупное градообразующее предприятие района — золотодобывающая компания «Лензолото» (ЗАО ЗДК «Лензолото»). 4 ноября 1855 года иркутским купцом

**Константин Петрович
Трапезников**

первой гильдии почетным гражданином Иркутска Павлом Петровичем Басниным и Петром Иосифовичем Катъшевцевым было учреждено «Ленское золотопромышленное товарищество» («Лензото»).

С открытием в 1863 году М. Сибиряковым золота на реке Бодайбо район стал быстро развиваться. Купцами Иваном Базановым, Яковом Немчиновым, Иннокентием Трапезниковым, Павлом Басниным и другими были основаны новые прииски. Купцы организовали собственное судоходство, которому дали название «Лено-Витимское пароходство компании М. Сибирякова, И. Базанова и Я. Немчинова». С этой поры пароходы и баржи доставляли грузы из Иркутска до Бодайбинской резиденции по рекам Лене и Витиму. Начали прокладывать дороги от приисков до резиденции и строить пристани на Витиме.

К 1872 году бассейн Бодайбо превратился в центр больших по объему открытых и подземных горных работ. Добычу золота вела недавно основанная «Бодайбинская компания».

На речке Энгажимо, впадающей в реку Витим выше Бодайбинской резиденции, тоже нашли запасы золота. Однако добычные работы здесь начались только с 1881 года. Интенсивная разведка речек и ключей, впадающих в Бодайбо, приводила к открытию все новых месторождений.

Жизнь старательская

Прииски требовали много рабочих рук. Появились наемные рабочие и из европейской части Российской империи. Доверенные лица хозяев приисков разъезжали по губерниям России, рассказывали о «сладкой» жизни на промыслах, агитировали и вербовали народ, и люди, воодушевленные рассказами «глашатаев», устремлялись на заработки. Но не находили они здесь обещанных золотых гор, а называли свой труд «вольной каторгой».

На промыслах широко использовался и труд ссыльнокаторжных. Разрешение на это было дано генерал-губернатором Восточной Сибири Н. П. Синельниковым. И первым, кто изъявил желание использовать на горных работах эту категорию людей, был И. Базанов. В 1871 году по его запросу на его золотые россыпи было направлено 200 человек. Это были осужденные за различные преступления уголовники и политические (участники Польского восстания 1863 года). Через полгода И. Базанов получил дополнительно 160 человек. Летом 1872 года — еще 100. Появились ссыльнокаторжные и в других компаниях.

Но число каторжан на промыслах уменьшалось. Часть умирала, другие по болезни были возвращены в казематы. Были и такие, которые сбегали с промыслов. Каких-то беглецов полиция ловила, кому-то удавалось уйти от возмездия. Сбегали больше те, у кого сроки были большими — по десять и пятнадцать лет. Но и беглые, оказавшись во власти непроходимой и глухой тайги, не все выживали.

Если каторжанин самовольно отлучался с работы, то подвергался аресту на несколько суток и с него удерживался штраф до двух рублей. Члены же артели штрафовались за такой проступок товарища на 50 копеек с каждого. За сбежавшего штрафа были серьезнее: с каждого члена артели высчитывали по 3 рубля. Пойманных беглецов наказывали месячной работой в цепях.

Каторжане имели те же задания, какие устанавливались вольнонаемным рабочим, оплата также была одинаковая. Однако из заработка ссыльных вычитались расходы, связанные с их содержанием и содержанием офицеров и конвоя. Таким образом, получали они в конце сезона крохи, если учесть еще и вычеты-штрафы.

Поисковые и добычные работы в районе контролировались. Созданные властями органы управления промыслами имели обширные полномочия и осуществляли повсеместный надзор. Хотя были группы и одинокие копачи-старатели, которые сами по себе, прячась от властей и в нарушение закона, вели промывку золотосодержащих песков, занимались тайным сбытом — главным образом намытое золото сдавали в золотоскуп, часть же металла оставляли себе.

Но не всем удавалось сохранить золото и жизнь. Многие попадали в руки горного надзора или полиции — металл изымали и отправляли кого в тюрьму, кого на горные работы без права заработка, на одни лишь хозяйские харчи. Нередки были убийства старателей-одиночек, случались в их среде стычки за место на россыпях, за намытый с трудом драгоценный металл.

Для поимки разного рода вольных старателей были организованы кордоны из казаков и полицейских в поселках Мача и Витим. Отлавливали копачей, беглых каторжников, бандитов, занимавшихся грабежами малых участков на промыслах.

В самих этих поселках процветало пьянство и разврат. Многие по окончании сезона не могли отсюда выбраться, оставив накопленные деньги и золото в кабаках либо у разного рода прохиндеев. Такие бедолаги возвращались вновь на промыслы, чтобы как-то дожить до начала следующего сезона.

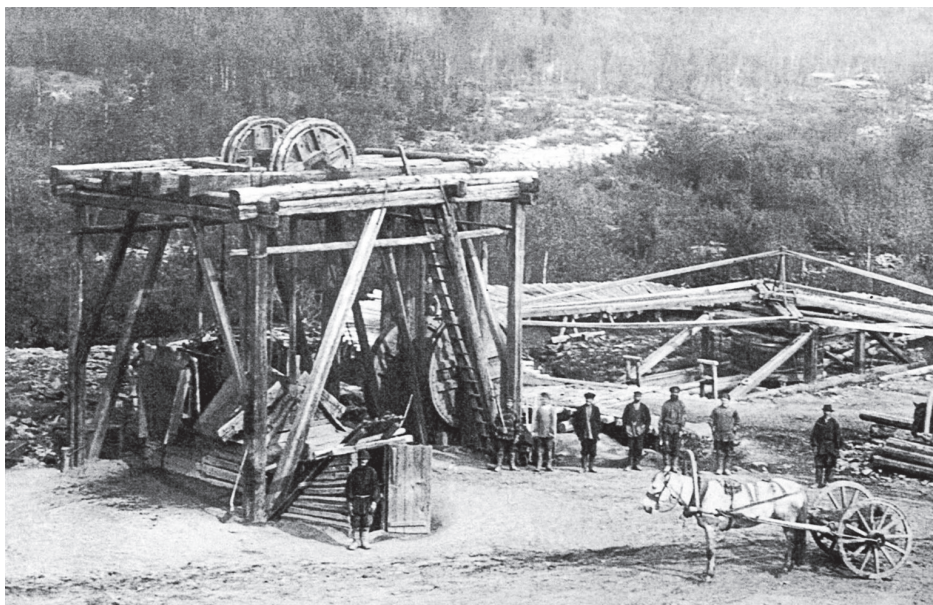
Разбой процветал всюду. Бандиты совершали вооруженные налеты не только на старателей-одиночек, но и на небольшие участки золотопромышленников, подлавливали на дорогах рабочих, шедших сдать металл в золотоскуп или возвращавшихся с заработками после увольнения.

Стала известной банда некоего Полянского, которая нагло и стремительно прошла по приискам, убивая служащих и рабочих. Банда Полянского отличалась особой жестокостью и дерзостью, грабили повсеместно и внезапно. В конце концов банду выследили, полицейские настигли ее в одном из дальних таежных урочищ. В перестрелке большинство бандитов и главарь шайки были убиты.

Правление «Ленского товарищества» располагалось в Петербурге. Непосредственное руководство на местах добычи осуществлялось Главным управлением промыслами, которому подчинялись все приисковые управления. Что касается системы управления другими приисками, то конторы их владельцев-купцов в основном находились в Иркутске. В их подчинении были назначенные лица — управляющие участками работ с их конторами уже непосредственно на местах разработок.

Условия приема на работу для всех были почти одинаковые. К примеру, «Компания Промышленности», действовавшая в период с 1870 по 1898 год, определила своим уставом срок найма сибирских крестьян — 1 год, людей, проживавших в иных губерниях России, — 5 лет. Постоянный и неусыпный контроль над ведением горных работ осуществляли смотрители, их помощники и нарядчики.

Шахта на прииске Успенский

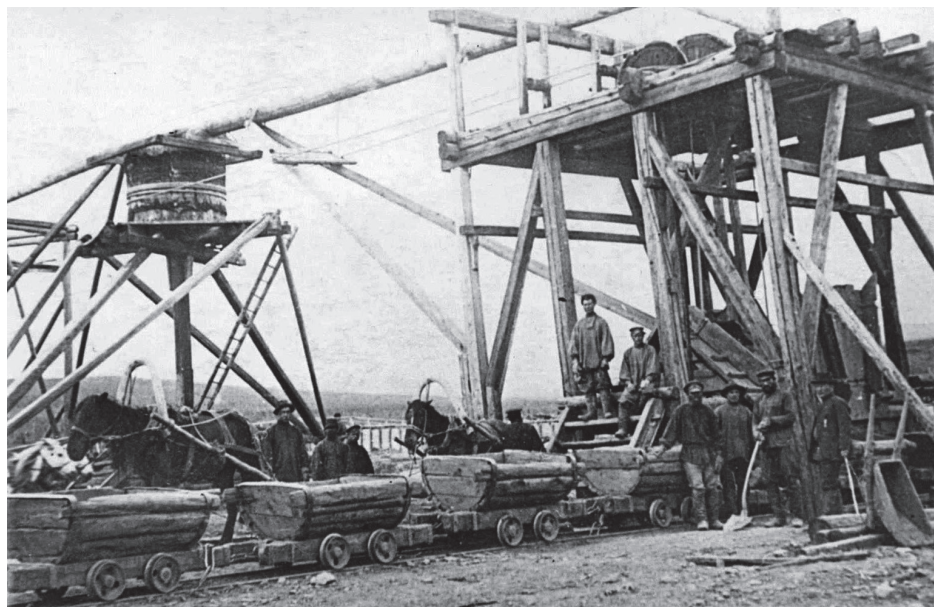
В приисковых конторах «Лензото» для упрощения учета нанятым рабочим присваивали номера и выдавали жестяные бирки с выбитыми на них соответствующими цифрами. При учете выполненных работ иногда данные заносились не под конкретные фамилии рабочих, а под их номера. При тяжелых несчастных случаях, например связанных с гибелью рабочего или группы рабочих в подземных выработках (от падения в стволе шахты или обрушения горных пород в забое и прочее), по биркам устанавливались личности погибших или получивших увечье.

При разработках вскрытых россыпей или в забоях шахт рабочие иногда находили самородки. Такое золото принято было называть «подъемным». Подъемным золотом считались и те самородки, которые найдены были без применения разработки.

В договоре «Компании Промышленности» от 1870 года было указано: «Золото, самородки и другие редкости, которые будут найдены во время работы, тотчас представлять в приисковую кассу, или смотрителю, под опасением за наказание...» Через четыре года было введено дополнение о вознаграждении за найденный драгоценный металл — «за подъемное золото и самородки, находимые случайно при работе». Рыться в забоях, выискивая самородки, категорически запрещалось. В 1887 году компания внесла в договор еще одно требование: находимые в забое золотины рабочие должны были класть в артельные кружки, а вознаграждение за подъемное золото делилось на всех членов артели.

Термины «самородки», «подъемное золото» и «золотой фарт» особо применялись при вербовке крестьян. Это привлекало и манило людей, они устремлялись на прииски в надежде на удачу и легкий заработок. Каждый рабочий старался утаить найденный самородок, скрыть этот факт от надзора. Хозяева ввели плату за его сдачу. Правда, цена была невелика. Скрытое же от властей золото рабочие увозили по окончании сезонных работ, чтобы уже на родине сбыть его на более выгодных условиях.

Вначале за подъемное золото платили от 60 копеек до 1 рубля 68 копеек за золотник. С 1890-х годов — от 2 рублей 50 копеек до 3 рублей 50 копеек

Откатка породы

за золотник (1 золотник равен 4,266 грамма). Чтобы рабочие более активно сдавали утаенное золото, золотопромышленники перед окончанием сезона повышали цену приемки. Например, если рабочий сдавал от 0,5 до 1 фунта золота, то получал по 30 рублей, от 1 до 2 фунтов — по 60 рублей, до 3 фунтов — по 75 рублей, а свыше 3 фунтов — по 100 рублей (1 фунт — 409 граммов).

Казалось бы, богатые золотом россыпи должны были способствовать развитию механизации работ. Однако усовершенствование технологий шло медленно из-за нежелания золотопромышленников отвлекать средства и повышать стоимость добычи. Использовался в основном ручной труд и конная тяга.

Конная тяга стала необходимостью при освоении уже более глубоких залежей золотоносной породы. На лошадях велась откатка вскрышных пустых пород на открытых работах и подъем породы из подземных горных выработок. Но вскоре стали строить водоподъемные колеса для промывки золота. Использовалась и паровая тяга, главным образом для приведения в действие

Откатка золотосодержащих песков электровозом

насосов на шахтных водоотливах и некоторых механизмов. В 1880 году на прииске Благовещенский была построена первая железная дорога на конной тяге для перемещения породы. Вагонетки из дерева обладали грузоподъемностью до 100 пудов. При взрыхлении и дроблении валунов и твердых пород использовался порох и динамит. Впоследствии стали использоваться электровозы для откатки пород по узкоколейке.

Почти до конца XIX века средняя численность рабочих составляла около 3300 человек. Рабочих разделяли на две категории: горные и надворные. Горные — это подземные забойщики и откатчики, промывальщики открытых и подземных работ, возчики и свальщики. Надворные — кузнецы, плотники, столяры и различные вспомогательные разнорабочие.

На всех подземных и открытых работах вводились нормы — уроки. Если каким-либо рабочим или бригадой урок за смену не выполнялся, то это влекло за собой штрафы и вычеты. До середины 60-х годов XIX века в субботние и воскресные дни обычно не работали. К концу же 60-х золотопромышленники выходные аннулировали. Рабочим и горнякам, которые добросовестно трудились и выполняли нормы, разрешали заниматься старанием самостоятельно, но на определенных условиях. Горный мастер выделял таким людям места для старательских работ, и они под свою ответственность вели промывку породы на желобах, бутарах и лотками. Добыть золота им разрешалось на сумму, не превышающую 70 рублей. Старатели работали в одиночку или бригадами, все зависело от мест расположения россыпей или отработанных отвалов и содержания в них золота, ну и, конечно, от желания работать порознь или сообща.

Условия, на которых трудились старатели, могли быть разными. Например, выдавались участки под арендную плату независимо от количества намывтого золота. Такие рабочие назывались золотичниками. Они, естественно, работали на риск — с надеждой на удачу.

Артель старателей на съемке золота

Золотопромышленникам было выгодно иметь дело с золотичниками, так как, по сути дела, они являлись дармовой рабочей силой, во всем заботившейся о себе: сами себя снабжали продовольствием и одеждой, обустроивали свой быт, изготавливали орудия для промывки породы (бутары, лотки, кирки, скребки, лопаты). Если же у кого не было орудий ручной механизации — брали их в аренду.

Были на промыслах старатели вольные, которые в нарушение закона и порядков, установленных для официального ведения горных работ, вели поиск и добычу золота самовольно. В основном это были люди из числа уволенных с приисков по причинам приобретенного увечья, болезни, из-за краж или пьянства. Обиженные и разочаровавшиеся, они превращались в старателей-одиночек, хотя могли и объединяться в артели для совместных работ. Они хищничали повсюду, разумеется, хоронясь от горного надзора. Их численность из года в год не уменьшалась, напротив, даже росла. К примеру, на Ваче их число достигало 400 человек, на Жуге — до 1000 человек. При обнаружении полицией их строения сжигались, приспособления промывки и орудия труда уничтожались или изымались. Кто рьяно сопротивлялся — тех убивали или арестовывали.

На промыслах была еще одна беда — спиртоносы. Это особая категория людей, которые занимались доставкой на прииски спирта с целью его сбыта рабочим в обмен на золото. Спиртоносы были настоящим бичом для промыслов. По сути дела, они спаивали рабочих, а зачастую и просто грабили старателей-одиночек, как самые настоящие бандиты. Спиртоносы свой горячительный напиток доставляли таежными тропами в бидонах из сел Витим и Мача. Прятали его вблизи от рабочих поселков, затем через своих людей или уже знакомых рабочих спирт находил «нуждавшихся».

Спирт выдавался на промыслах в лавках «Лензото» в счет заработков, рабочие покупали его и за наличные деньги. Спирт у спиртоносов был более дешевым. Многие рабочие просто превращались в алкоголиков, и таким спиртоносы были особенно рады.

Ближе к расчету спиртоносы проявляли особую активность. Нападали на кухни и склады, забирали продукты. Страдали от них и аборигены — якуты. Организованные властями промыслов специальные отряды по поимке и обезвреживанию этих бандитских групп не могли исправить положение. Хорошо зная тайгу, спиртоносы скрывались и становились недосыгаемыми.

Первые владельцы приисков: отработанная порода

Вернемся к делам Павла Баснина и Петра Катышевцева. Это они в содружестве с еще одним купцом И. М. Кокориным в 1853 году приняли совместное решение о проведении поисковых работ в Ленском бассейне. Но вскоре И. Кокорин выбыл из этого содружества. П. Баснин и П. Катышевцев же, как было сказано ранее, в начале зимы 1854 года учредили «Ленское золотопромышленное товарищество почетных граждан Павла Баснина и Петра Катышевцева». К началу 1860-х годов «Ленское товарищество» уже владело двумя десятками горных отводов. Золотодобыча начала расти и достигла более 70 пудов в год к 1867 году. После смерти Павла Баснина паи по завещанию перешли к его сыновьям. Но в это время начался спад. Богатые золотом россыпи с мелким

залеганием постепенно вырабатывались. На развитие добычи с более глубоким залеганием металла купцам не хватало средств. Интерес к компании стал проявлять владелец петербургского банка Г. Е. Гинцбург. Он активно включился в выдачу им крупных кредитов, при этом скупал векселя, ведя дело к банкротству. И это произошло.

В середине 1872 года возникло «Товарищество Иннокентьевского дела Гинцбурга». Окончательное разорение двух сибирских золотопромышленников было неминуемо. К 1882 году дело полностью перешло к барону Г. Е. Гинцбургу и его компаньонам. Но методы не менялись. Продолжали работы по выработке наиболее богатых россыпей, экономили средства на рабочих, не заботились о механизации. В конце концов это привело к убыточности предприятия.

Для Гинцбурга золотодобыча на Ленских промыслах не была единственным бизнесом. Он владел банком, имел много промышленных и торговых предприятий. Промыслы он считал «делом риска и спекуляции». И все же богатые, но глубокозалегающие запасы золота на речке Бодайбо не давали ему покоя. Нужны были крупные вложения. Требовалась проходка шахт и штолен, работы по отводу речных и грунтовых вод. Но финансовые воротилы с недоверием относились к золотопромышленности.

Попытки Гинцбурга получить кредиты на русском денежном рынке всякий раз проваливались. И все же он нашел кредитора в лице Государственного банка. Кредиты давались краткосрочные и под обеспечение добываемым золотом.

К этому времени разорилось большинство мелких компаний. Г. Гинцбург и другие владельцы «Лензото» в 1896 году преобразовали паевое общество в акционерное с сохранением названия — «Ленское золотопромышленное товарищество». Главное управление промыслами разместилось на прииске Надеждинский во главе с поверенным от «Лензото» главноуправляющим Л. Ф. Граманом.

На каждом прииске были полицейские, которые подчинялись местному исправнику. Во главе приисков были поставлены управляющие. За порядком следили становые, за горными работами — смотрители, у них же в свою очередь были помощники — надворные. Надворные следили за своевременностью выхода рабочих на работу и за порядком в их казармах. Главноуправляющему промыслами подчинялись все управляющие и заведующие приисками. Он был единственным звеном, контактирующим с законами «Лензото».

«Лензото» подавало себя как преуспевающее, обладающее перспективными и богатыми месторождениями, вводящее передовые способы работ предприятие. Делалось это умышленно, чтобы поднять и без того привлекательную стоимость акций товарищества.

Тем не менее некий государственный инспектор Н. И. Бояновский дал свое заключение, в котором изложил, что дело ведется в «Лензото» не столь умело,

**Гораций Евзелевич
Гинцбург**

как они заявляют, непрактично и с ненадлежащим подбором кадров. Было даже предложено предприятие выставить на торги, а бывший главноуправляющий Л. Ф. Грауман был отстранен от должности. На его место Бояновский предложил Иннокентия Николаевича Белозёрова, который приступил к своим обязанностям в январе 1901 года.

Бояновский был введен в состав правления «Лензото» от Государственного банка. Став директором банка, Бояновский всецело доверял Белозёрову и верил в него.

До этого Белозёров был во главе руководства Бодайбинской золотодобывающей компании, куда он также был назначен по протекции Бояновского. Бояновский характеризовал своего выдвиженца на должность главноуправляющего «Лензото» как прекрасно знающего горные работы человека, требовательного и исполнительного, способного грамотно вести дела.

Приняв дела, Белозёров уволил половину служащих, уменьшил число рабочих, ввел жесточайшую экономию материалов, убрал прогрессивную оплату труда, упразднил дополнительные выплаты старшим рабочим, провел кое-какие реорганизации на участках добычи: закрыв менее рентабельные, все усилия бросил в основном на богатые и перспективные россыпи.

Все это позволило Белозёрову выстоять и развернуться. Следует отметить, что Белозёров при заключении контракта вытребовал себе такие полномочия, при которых мог самовольно распоряжаться текущими делами, ему даже разрешалось отступать от утвержденной правлением сметы. А посему чувствовал он себя неким царьком, к тому же имевшим весомую поддержку со стороны руководства Государственного банка.

Вскоре «Лензото» «проглотило» Бодайбинскую золотодобывающую компанию. Стали скупаться активы и других мелких компаний и приисков. Постепенно управление «Лензото» начало изыскивать возможности рассчитаться по долгам с Государственным банком и кредитоваться в зарубежных банках.

Англичане пришли со своими деньгами на Ленские промыслы в 1904 году. По законам царской России запрещалась какая-либо разработка недр иностранцами, но они создавали общества по добыче золота через подставных лиц.

Одним из таких обществ стала учрежденная в 1906 году Russian Mining Corporation — «Русская горнопромышленная корпорация». Для детального изучения работ на промыслах, россыпей и содержания в них золота англичане направили сюда горного инженера Ролькера — одного из лучших специалистов.

Ролькер, пробыв на приисках чуть более шести месяцев, сделал заключение, что месторождения Ленского золотоносного района по масштабу сродни Аляске и способны принести многомиллионные прибыли.

Правление «Лензото» в мае 1907 года созвало акционеров и поставило вопрос «о ликвидации долговых отношений “Ленского товарищества” с Государственным банком».

Для финансирования «Лензото» 10 июля 1908 года в Лондоне была создана фирма Lena Goldfields Limited — «Ленские золотые прииски». Председателем правления был избран бывший министр торговли и промышленности, член Государственного Совета, представитель биржевой торговли В. И. Тимирязев — главным образом из-за его связей с золотопромышленниками и российским чиновничеством.

В число акционеров также были включены императрица Мария Фёдоровна, министры Витте, Тимашев и некоторые великие князья.

Такое положение позволило «Лензото» монополизировать ведение золотодобычи. Прииски один за другим стали входить в товарищество. «Лензото» стало хозяином огромного золотоносного района. В его подчинении оказалось все население, рабочие и полицейский надзор.

Окружной инженер Витимского горного округа К. Н. Тульчинский в докладе правительству выразил озабоченность и указывал на пагубность монополизации промыслов, которая может привести к нежелательным последствиям, так как в одних руках были сосредоточены местные железнодорожные пути и пароходство, торговля товарами и продовольствием, рынок трудоустройства. И его опасения впоследствии оправдались.

С приливом иностранного капитала и при солидной поддержке высокопоставленных лиц из Петербурга Белозёров приобрел неограниченные права, его стали называть «королем тайги». Бояновский, контролируя лишь финансовую сторону, совершенно не вникал в хозяйственную деятельность Белозёрова. Хозяев промыслов радовало: Белозёров активно работает, добыча золота возрастает, поступают солидные прибыли. Их не интересовало, каким образом это достигается, внедряются или нет новые способы разработки, в каких условиях работают и содержатся рабочие приисков, надлежащее ли у них питание и медицинское обслуживание.

1912 год был для промыслов особым: российские и иностранные акционеры пытались вести на бирже спекулятивные маневры с акциями. Однако в этот период на Лене нарастало недовольство горняков, произошла массовая стачка. Продолжительная забастовка, охватившая все прииски, волнения и расстрел рабочих в корне изменили ситуацию, акционерам не удалось осуществить задуманное, поскольку акции упали в цене.

На волне этих событий произошла смена в руководстве промыслами. Было избрано новое правление, которое вынуждено было произвести реорганизацию приисков.

Чтобы повысить производительность труда и обеспечить выемку глубокозалегающих золотосодержащих песков из-под воды без применения руслоотводных нагорных канав, иностранцы задумались о внедрении драг. По просьбе «Лена Голдфилдс Лимитед» на промыслы прибыл американский инженер В. Э. Торн. Им впервые и было сделано в 1914 году заключение о возможности использования драг на реке Бодайбо.

Однако Первая мировая война приостановила эту затею. Многие рабочие были призваны на войну, многие уезжали. Наступил кадровый голод. Обращения «Лензото» и «Лена Голдфилдс Лимитед» к правительству не находили ответа, но все же в конце концов удалось получить разрешение на наем иностранных кадров — китайцев и корейцев. Вербовщики, поехавшие в Китай и Корею, зазывали людей, суля им большие заработки и «безбедное будущее».

К концу 1915 года промыслы уже имели избыток рабочей силы, причем самой разнообразной: из числа китайцев, корейцев, киргизов, военнопленных, арестантов и политических ссыльных.

По причине начавшейся в стране смуты на золотых промыслах наступили времена неурядиц и перемен. Правление «Лензото» стало вести дело к пре-

кращению работ из-за низкой цены на золото, «высокой» зарплаты рабочих, дороговизны промтоваров и продовольствия и снижения производительности труда при 8-часовом рабочем дне.

Летом 1918 года Совнарком издал декрет о национализации Ленских приисков, но реализовать его удалось лишь 10 февраля 1920 года. «Лензото» же прекратило свое существование в августе 1918 года.

«Приисковые порядки для одних хозяев сладки»

Возвращаясь к причинам Ленской трагедии 1912 года, следует подробнее остановиться на личности главного управляющего «Ленского золотопромышленного товарищества» Иннокентия Николаевича Белозёрова.

Хотя государственный инспектор, а затем директор банка Н. И. Бояновский видел в нем грамотного, достойного и незаменного для руководства про-

**Иннокентий Николаевич
Белозёров**

мыслами человека, однако историческая характеристика Белозёрова нуждается в уточнении.

Не получив какого-либо образования, Белозёров молодым человеком отправился на Ленские прииски и провел здесь немало лет. С присущей ему настойчивостью вникал в азы ведения горных работ, познавал особенности управления людьми на работах, интересовался характером золотоносных россыпей, одновременно стремился понравиться начальству. Это помогло Белозёрову устроиться на конторскую работу и обеспечило дальнейшее продвижение по служебной лестнице, а вскоре и получение должности руководителя «Бодайбинской компании».

Как было отмечено ранее, Белозёров с момента назначения его главным управляющим «Лензото» энергично взялся за дело. Уяснив, что для хозяев промыслов главное — прибыль, он все свои устремления бросил на увеличение добычи золота и снижение затрат на горных работах. Это касалось всех статей: экономии материалов, выплат рабочим за труд, расходов на обеспечение их быта. Он широко практиковал штрафы даже за незначительные нарушения.

Поддержка петербургского правления «Лензото» и столичных правительственных чинов дала Белозёрову практически неограниченную власть. Он свысока разговаривал с местными государственными управленцами и служащими, давая понять, кто хозяин на промыслах. Их жалобы в вышестоящие инстанции оставались без ответа. Сам и через своих подчиненных Белозёров строго спрашивал с рабочих за невыполнение норм выработки. За непослушание увольнял или переводил на хуже оплачиваемую работу. Имелась у него «черная книга»: упомянутых в ней на работу нигде не принимали. Белозёров держал в строгости и инженеров, и рабочих, и управленцев.

Им была создана целая сеть осведомителей. Нелояльные служащие и зачинщики волнений среди рабочих сразу становились ему известны, их ждали штрафы, перемещение на дальние прииски, а то и увольнение.

Белозёров инструктировал всех служащих — от руководителей приисков до смотрителей и нарядчиков: «У меня работа должна идти так, чтобы от лошади остались хвост и грива, а от рабочего — нос и глаза». Только из этого выражения уже можно сделать вывод об отношении Белозёрова к людям.

Горный исправник Кржижановский в одном из своих докладов губернатору высказал такое мнение о Белозёрове: «Природный ум, сметка, нахальство, полное отсутствие нравственных качеств, дитя иркутских подонков...»

Ближайшим его помощником был некий А. Г. Теппан, дружба меж ними возникла со времен совместной работы в «Компании Промышленности». Барон Теппан был глазами и ушами Белозёрова, при этом хорошо знал горное дело, ибо ранее работал окружным инженером Амурского горного округа. Он беспрекословно выполнял указания Белозёрова и во всем следовал его принципам.

Управляющие приисками в основном были под стать Белозёрову. В порядке вещей было требовать к себе для развлечения женщин, по большей части это были приглянувшиеся им жены рабочих. Часть местных чиновников из властных структур получали помимо государственных выплат вознаграждение от «Лензото», а посему закрывали глаза на бесчинства руководства компании, не давали хода жалобам рабочих. Примером может служить судья Хитун, выносивший постановления в пользу Белозёрова и его приближенных.

Во главе 1-й и 3-й дистанций стоял С. П. Черных. Этот близкий друг Белозёрова в свои 60 лет был законченным распутником. Немало слез пролили униженные им женщины, имел место случай, когда одна девушка повесилась, не выдержав стыда и горя. Рядом с Черных работали такие же деспоты и развратники: его помощник А. К. Смит и управляющий 2-й дистанцией приисков Г. М. Савинов. Оскорбления рабочих, рукоприкладство, насилие — это считалось в порядке вещей. Белозёров ценил этих людей, они всегда были под его защитой.

Что говорить, если и сам Белозёров вел себя так же. Как-то бодайбинский мировой судья М. Рейн, инициировавший против него расследование за соращение молодой девушки, получил от вышестоящего начальства указание дело закрыть. Рейн не был обременен вознаграждениями от «Лензото» и выносил справедливые постановления, что вызывало у руководства промыслами недовольство.

Условия труда и быта рабочих на приисках при Белозёрове не выдерживали никакой критики.

Официально продолжительность рабочего дня на горных работах зимой была 11,5 часа, с двумя короткими перерывами на обед. Летом же рабочий день составлял 14 часов. Но повсеместно к работе приступали в 5 утра, а заканчивали в 22 часа. И даже при этом администрация иной раз удлиняла рабочий день без дополнительных начислений горнякам.

Экономия материалов, особенно в шахтах, зачастую приводила к несчастным случаям. Не выдерживали крепи, ветхие лестничные переходы и иные деревянные конструкции. По имеющимся архивным сведениям, например, в 1911 году было зарегистрировано почти 900 несчастных случаев, в которых пострадали 5442 человека. Ежегодные травмы и гибель горняков сотнями, тысячами почти не волновали Белозёрова и его окружение. Болезни и смерть всегда шли рядом с золотодобычей.

Горняки в забое шахты

Новые рабочие, устремлявшиеся в далекую Сибирь за обещанными заработками, заполняли освобождавшиеся места на горных участках, поэтому администрацию промыслов не волновали человеческие потери.

В подземных выработках вместо электрических ламп для освещения наряду со свечными светильниками зачастую использовались факелы из бересты, горняки дышали копотью и гарью. Барон Гинцбург цинично высказывался, что содержание врачей для обслуживания рабочих — это «лишнее, ничем не оправдываемое бремя для товарищества», мол, врачам на промыслах «нечего делать». Для справки: на промыслах предусматривался 1 врач на 3000 человек.

Большой прилив народа, жаждущего устроиться на прииски, позволял Белозёрову без оглядки снижать заработную плату наемным рабочим, увольнять за малейшие недочеты или возмущения. И это делалось с подсказки того же Г. Е. Гинцбурга, инструктировавшего Белозёрова, что при таком большом количестве желающих можно смело проводить линию на снижение оплаты труда, которая и так была минимальной. К тому же штрафы за малейшие провинности, порой надуманные, влекли за собой немалые вычеты. Расчет, как правило, осуществлялся по окончании сезона, часто выплату переносили на следующий год, дабы заставить рабочих вернуться к следующему сезону, деньги же их использовали в своих целях. Жаловаться кому бы то ни было не имело смысла — система была незыблема и непоколебима.

За каторжный по своей сути труд рабочие получали копейки. Поденный заработок подземного рабочего-мужчины не превышал 2 рублей, у женщин не более 1 рубля. Детский труд оплачивался из расчета от 84 копеек до 1 рубля 13 копеек (1901—1911 гг.).

Рабочими контрактами было предусмотрено, что наемное лицо не имеет права требовать расчета до окончания срока действия контракта, тогда как администрация может уволить рабочего во всякое время по одной из причин:

Внутри казармы рабочих

а) неспособность к работе; б) неявка на работу более трех дней кряду без уважительных причин; в) лень; г) дерзость или дурное поведение; д) сборище толпами, угрожающее порядку и спокойствию; е) всякое вообще нарушение в чем-либо...

Все постройки для проживания рабочих на приисках представляли собой деревянные бараки, называемые казармами. Проживало в каждом таком помещении до 50—70 человек, холостые и семейные совместно. Семейным людям выделялись закутки площадью 4 кв. м с матерчатыми занавесками. Места для отдыха в казармах были оборудованы нарами, поверх которых кто-то укладывал ватные, а кто и набитые соломой матрацы, укрывались либо одеялами, либо одеждой. Для младенцев устраивали люльки или делали второй ярус нар. В части барака сооружали и сплошные нары, на которых вповалку спали группами.

Посреди барака стояла большая печь из кирпича, служившая для обогрева помещения, приготовления пищи и сушки белья. Здесь стирали, готовили еду, кипятили чай, сушили после работы мокрую одежду, сапоги и портянки, курили. Полы от влажности гнили. Ветхие стены бараков промерзали, что в зимнее время вызывало простудные заболевания. Строительство новых зданий для проживания рабочих на промыслах властями не велось из соображений экономии.

Работали в мокрых и обводненных забоях в изношенной спецодежде. Купить новую робу было делом почти невозможным: денег только-только хватало на пропитание. Мало кто мог накопить средства для выезда из района и хоть какого-то обеспечения жизни на родине. Это были те, кто работал на лучше оплачиваемых, но более тяжелых работах, не болел, не имел штрафов и вычетов. Таковых были единицы. В продуктовых лавках «Лензото» цены кусались, но рабочие вынужденно шли только сюда: все работающие на про-

мыслах были привязаны к ним заборными книжками и талонами. Продукты в лавках и на кухнях за деньги и в счет заработка зачастую выдавались с запашком, порченые.

Такое положение вызывало со стороны рабочих постоянные возмущения, нарастало недовольство властями и порядками, сложившимися на промыслах. Иногда это выливалось в волнения и стачки, однако администрацией они подавлялись, а зачинщиков сразу увольняли без какого-либо расчета и выселяли из бараков.

Одна из сибирских газет писала:

При сравнительном определении человеческих сил с другими принято признавать пять сил человека равными одной лошади. На приисках выходит иначе: проследите урочные земляные работы — и вы увидите, что в большинстве случаев на двух человек задается столько, сколько приходится на одну лошадь. А если принять еще в соображение, что приисковый рабочий должен заданный ему земляной урок подкайлить, отвалить, раскайлить и сложить, то выйдет, что он работает ни сколько не меньше лошади.

Эту ситуацию хорошо отражает популярная среди рабочих приисков песня неизвестного автора:

*Приисковые порядки
 Для одних хозяев сладки,
 А для нас — беда.
 Как исправник с ревизором
 По тайге пойдут с дозором —
 Ну, тогда смотри!
 Один спьяна, другой сдуру
 Так облупят тебе шкуру,
 Что только держись.
 Там не любят шутить шутки,
 Там работаем мы в сутки
 Двадцать два часа.
 Ци хлебали с тухлым мясом,
 Запивали кислым квасом,
 Мутною водой.
 А бывало, хлеба корка
 Станет в горле, как распорка,
 Ничем не пропихнуть.
 Много денег нам сулили,
 Только мало получили:
 Вычет одолел.*

Очевидец В. И. Семевский писал:

Огромное большинство казарм по тесноте помещений, по размещению вместе холостых и женатых, по грязи и по обилию клопов и других насекомых представляло весьма печальное зрелище.

Доктор Коренев, побывав на приисках, описал свои впечатления:

Испорченный воздух в казармах сразу дает о себе знать всякому, кто только переступит их порог. У меня даже от недолгого пребывания в казармах начиналось головокружение и тошнота. Ночью я не мог там оставаться более 3—5 минут подряд и всякий раз от вони и духоты уходил с головной болью. Нужно быть уж очень непритязательным, чтобы жить в таких помещениях...

А вот выдержки из письма от 5 октября 1890 года профессора В. А. Обручева, побывавшего в Сибири и воочию наблюдавшего ситуацию на промыслах:

Никто не считался с личными потребностями рабочих, живущих скученно в больших, неудобных казармах и болезненно ощущающих отсутствие женской заботы. Рассказывают, что некоторые вербовщики отвечали на просьбы крестьян им разрешить взять своих жен: “Сперва покажи свою бабу, годится ли еще...” Лишенный семейных радостей и не находящий никакого невинного отдыха, рабочий бывал вынужден искать утешения в кабаках. ... Тот, кто раз вступил на приисковую землю, не скоро выберется из сети, хотя бы он и понял, что грезившиеся ему золотые горы Эльдорадо — всего лишь трясины порока и нужды, жизнь — рабство, промывание золота — тяжелая работа, а не веселое хватание сверкающего драгоценного песка. Попавшему в такие условия человеку трудно вернуться назад, и, что еще хуже, если он не отличается исключительной силой характера, они вскоре затянут и заклеят его самого клеймом гнусной жизни приисковых рабочих.

Такое положение дел, разумеется, приводило к протестам и возмущениям. Первая стачка произошла в 1850 году на прииске Вознесенский у купца Трапезникова. В 1876 году — забастовка на прииске Благовещенский, в 1881 году — на прииске Радостный, в 1885 году — на прииске Скалистый.

Ленский расстрел

В 1912 году произошло самое масштабное в этом ряду событие — всеобщее выступление рабочих многих приисков, закончившееся массовым расстрелом. С каждым днем пружина гнева и негодования сжималась и когда-то она должна была лопнуть и высвободить накопленную энергию.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения, явился факт выдачи некой Степаниде Завалиной недоброкачественного мяса, в котором она обнаружила необычный кусок. Все, кто был в бараке, а дело было на прииске Андреевский, признали в нем конский половой орган. Удивление рабочих переросло в возмущение. Этот «продукт» понесли показать по баракам: «до чего дожили». Требование обменять мясо было проигнорировано под предлогом, что на промыслах, мол, все мясо такое и надо ждать свежего привоза в середине лета.

Надо заметить, что конина вместо говядины выдавалась часто, и это являлось нарушением обязательств администрации промыслов. Возмущение рабочих вылилось в решение не выходить на следующий день на работы. Решение

было одобрено всем прииском, и 29 февраля 1912 года началась стихийная забастовка.

В это время Белозёрова на промыслах не было. Установив здесь строгий режим, он доверил дела Теппану, а сам в последние годы проживал в Петербурге. Время на промыслах он проводил с весны до начала заморозков, не желая ощущать на себе сибирские морозы. Во время своих наездов Белозёров накручивал хвосты подчиненным, чтобы тем хватало усердия контролировать горные работы и держать рабочих в узде.

Не было на промыслах и окружного инженера Тульчинского, который находился в это время по делам «Лензото» в Петербурге. Теппан видел, что вспыхнувшая забастовка уже охватила несколько приисков, промыслы столкнулись с убытками, которые нарастали с каждым днем. Уговоры приступить к работам ни к чему не приводили.

Главными координаторами забастовки были рабочие из числа политических ссыльных, которые всеобщим голосованием были избраны в состав забастовочного комитета: П. Н. Баташев, Г. В. Черепяхин, Р. И. Зелионко, Ф. И. Слюсаренко, М. И. Лебедев, П. И. Подзаходников, А. К. Лесных, Ф. П. Бондарь, И. И. Попов и другие (всего 18 человек). Ими было избрано центральное бюро, председателем которого стал П. Н. Баташев. Также были избраны выборные и старосты барачков: первые — для участия в переговорах с властями, вторые — для поддержания порядка в казармах.

П. Н. Баташев

Позднее из-за ареста активистов и отсутствия на прииске Баташева (в это время он находился в Бодайбо для организации стачки железнодорожников) забастовочный комитет собрал чрезвычайное заседание и избрал председателем бюро Черепяхина. Обстоятельства требовали незамедлительного реагирования на сложившуюся обстановку — начались аресты, угрозы, со стороны властей организовывались различные провокации.

Собрания бастующих проходили на каждом прииске. Делегаты же от приисков и выборные собирались на прииске Надеждинский. Здесь был Народный дом и управление промыслами.

Г. В. Черепяхин

Весь март шло противостояние между рабочими и властями промыслов. Убытки из-за остановки шахт нарастали с каждым днем. Правление «Лензото» шло лишь на мелкие уступки, не желая выполнять основные требования: уменьшение продолжительности рабочего времени, увеличение платы за труд, улучшение условий проживания и медицинского обслуживания и др. Перечень требований бастовавших состоял из 18 пунктов и отвечал не политическим интересам, а житейским: рабочие стремились изменить свою жизнь к лучшему.

Несмотря на то что забастовка имела мирный характер, Теппан стужал краски, отправляя телеграммы в Петербург и в Иркутск, губернатору, с просьбой прислать солдат для усмирения рабочих. С такими же просьбами обращалось к губернатору и правление промыслов.

В середине марта из Петербурга вернулся Тульчинский, а с ним одновременно прибыли помощник начальника Иркутского жандармского управления ротмистр Н. В. Трещенков с воинской командой и заместитель прокурора Иркутской судебной палаты Преображенский.

Тульчинский, пользовавшийся авторитетом среди рабочих, принял самое активное участие в переговорах с ними. Обещал, что при возобновлении работы шахт ему удастся договориться с правлением «Лензото» об удовлетворении требований бастующих. Однако стачечный комитет понимал, что если забастовку прекратить, то требования так и останутся невыполненными.

Трещенков же не скрывал, что ему не терпится расстрелять зачинщиков беспорядков. Среди служащих кто-то спросил: «А как вы это устроите, когда рабочие находятся в казармах и ведут себя тихо?» На что Трещенков ответил: «Я сумею это сделать, арестую их выборных, а когда эта челядь пойдет ходатайствовать, уж тогда я знаю, что делать».

В ночь с 3 на 4 апреля (по старому стилю) с позволения Преображенского и по команде Трещенкова было арестовано и отправлено в бодайбинскую тюрьму несколько выборных. Андреевские рабочие, узнав об аресте товарищей, поднялись всем прииском и 4 апреля направились к Преображенскому на прииск Надеждинский. По дороге к ним примыкали рабочие приисков Ближней Тайги. Почти две с половиной тысячи человек — с иконами, безоружные, измученные голодом, отчаянием и безысходностью — шли просить освободить выборных и разобраться с самоуправством администрации.

Константин Николаевич
Тульчинский

Колонна рабочих на пути к прииску Надеждинский

Следует сказать, что до этого Трещенок предлагал всем рабочим написать заявления с требованиями и с ними всем скопом идти к прокурору Преображенскому. Усматривая в этом провокационный умысел, стачечный комитет отговаривал рабочих это делать, поскольку при массовом выходе к властям была велика вероятность применения силы. Но рабочие, подстрекаемые меньшевиками и людьми Трещенкова, решились на этот шаг.

Вот одно из заявлений, подписанное рабочим Жуковым:

Его благородию господину прокурору Иркутского окружного суда от рабочего Андреевского прииска Ленского золотопромышленного товарищества Василия Сергеевича Жукова.

Заявление.

Я, нижеподписавшийся рабочий Василий Жуков, прекратил работу в Ленском золотопромышленном товариществе за невозможностью продолжить таковую вследствие явных нарушений контракта, о которых мною будет подана жалоба господину мировому судье Витимского горного округа. В прекращении работ насильственных мер принято никем не было, к дальнейшему продолжению невыхода на работы среди нас, рабочих, подстрекателей не было. В чем и подписуюсь. Рабочий № 7695 Василий Жуков.

Разумеется, такие заявления писали массово и под диктовку.

Толпа рабочих, вытянувшись в длинную колонну, шла в Надеждинский. При ее приближении на подходах к Народному дому по команде Трещенкова были построены вооруженные солдаты, более 100 человек. Попытка Тульчинского остановить толпу ни к чему не привела, люди продолжали идти. Ротмистр Трещенок отдал устный приказ офицерам, и по команде солдаты открыли огонь по приблизившимся рабочим. В страхе люди стали разбегаться. Итог расстрела безоружных рабочих: убито — 270 человек, ранено — 250.

Созерцая убитых и раненых, Трещенок выказал свое отношение к рабочим: «Мало я вас, подлецов, здесь положил».

После расстрела рабочих

Для администрации промыслов это была победа. Собрались в доме Теппана, праздновали завершение столь длительного противостояния, отмечали «героизм» Трещенкова. Наверняка собравшимся чиновникам Трещенков поведал, как он в 1905 году проявил особое рвение в расправе над сормовскими рабочими. Известно также, что на его счету и артобстрел вокзала в Нижнем Новгороде, в котором укрывались рабочие-дружинники.

Расследование

Эхо Ленского расстрела волной пронеслось по всей России.

В конце апреля 1912 года Николай II направил сенатора С. С. Манухина для расследования причин забастовки и факта расстрела ленских рабочих. В начале июня Манухин с членами комиссии прибыл в Бодайбо.

За полтора месяца работы комиссия собрала весьма обширный материал о хозяйственной и финансовой деятельности Ленских промыслов, о характере организации горных работ, условиях быта, труда и оплаты наемных кадров. Было опрошено множество людей, являвшихся непосредственными свидетелями произошедшего.

Правительственный ревизор так описал жилища рабочих:

Из 103 казарм, обслуживающих состав рабочих на приисках 2-й дистанции, в удовлетворительном состоянии лишь 15, остальные 88 совершенно не пригодные для жилья... Зимой в них так холодно, что мокрые сапоги примерзают к полу, рабочие вынуждены спать в шапках ввиду того, что изголовья нар приходится у промерзших стен. Большинство существующих казарм в таком состоянии, что угрожают не только здоровью, но и жизни рабочих, а поэтому подлежат уничтожению.

Описания фабричного инспектора Горбунова:

В казарме не имеется ни одного свободного простенка. Это значит, что умывальник повесить негде, негде разместить одежды... Вода с мокрой одежды ручьями стекает на пол, а оттуда — в подполье через щели в полу. На очаге стряпают, разогревают воду в чайниках. Пространством под плитой пользуются в качестве сушилки. На полках поставлены намокшие валенки, повешены штаны, куртки, словом, весь гардероб рабочего. Зимой испарения наполняют все помещения, как это бывает в банях.

Побывавший на Ленских приисках в составе комиссии адвокат А. Тюшевский писал:

После 11 или 11 с половиной часов работы в вышеописанных условиях рабочий шел отдыхать. Куда? В свои казармы. О!.. Если бы видели эти проклятые казармы, у вас сердце закипело бы и зубы заскрежетали бы злобою. Когда пишущий эти строки увидел и обошел казармы, он сделал такое заявление своим коллегам по расследованию

Ленских событий: «Товарищи, нам здесь делать нечего, нам остается: посоветовать рабочим поджечь эти прогнившие, вонючие здания и бежать из этого ада куда глаза глядят».

Целесообразно привести часть показаний бодайбинского мирового судьи М. Рейна из протокола его допроса членом комиссии коллежским советником Кореневым:

...Вначале я со стороны служащих Ленского золотопромышленного товарищества встречал предупредительность, даже чрезмерную, но с течением времени для меня становилось все более ясным, что заправили «Лензото» Белозёров и Теппан, а с ними другие, низестоящие, считают себя вне закона.

...Со времени же передачи мне 18 апреля следствия о событии 4 апреля я натолкнулся на явное неуважение ко мне как судье.

Преображенский, Трещенков, подчиненные ему штабс-капитан Лепин и штабс-капитан Санжаренко всячески препятствовали расследованию, оказывали давление на М. Рейна и на рабочих, которые были подвергнуты допросам как свидетели.

Преображенский говорил Рейну в частной беседе: «Нам известно, что в обществе вы высказываете мнение, что стрелять не было нужно; вы знаете, Трещенков может записать вас в департаменте полиции, напортить вам. <...> Сегодня нам доставят двух свидетелей, которые установят буйное настроение толпы... и это мы должны доказать».

Начальник воинской команды штабс-капитан Лепин, ротмистр Трещенков и иные заинтересованные лица посылали губернатору и в Петербург телеграммы, что толпа рабочих была вооружена, шла с явными намерениями погрома, представляла собой угрозу. Мол, толпа никак не реагировала на предупреждения и поэтому мы были вынуждены дать команду солдатам открыть огонь, что убитых и раненых гораздо меньше, чем указывается в телеграммах членов стачечного комитета. Сразу после расстрела для оправдания своих действий Трещенков приказал к убитым и раненым натаскать камней, палок и иных предметов, как бы свидетельствующих о серьезных намерениях толпы. Одним словом, свершившееся злодеяние старались скрыть и обвинить рабочих в вооруженном бунте.

18 июля 1912 года Манухин, уже будучи в Иркутске, представил прокурору постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Трещенкова. Главноуправляющий Белозёров и его помощник Теппан были сняты с должностей.

Сейчас на месте трагедии у речки Аканак в поселке Апрельский (бывший прииск Надеждинский) установлен гранитный памятник жертвам Ленского расстрела, на месте захоронения жертв установлен мемориал.

Александр КОСЕНКОВ

ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ

Почти все кинематографисты, кинокритики, историки кино на вопрос, что же произошло и происходит с нашим документальным кино, как правило, отвечать начинают с истории тридцатилетней, а то и полувековой давности, когда это кино было востребовано, интересно, а в какие-то годы по своей известности, талантливости и престижности занимало первые, почетнейшие строки в союзном и мировом рейтинге киноработ. Начинали именно с этого, потому что такое вступление особенно контрастно оттеняло положение дел в сегодняшней кинодокументалистике России.

Впрочем, речь сейчас не обо всей России, а о Сибири, и в частности, о Новосибирске, долгие годы вполне заслуженно считавшемся столицей документального кино Сибири. Сейчас же здесь, как и в целом в России, оно давно уже перешагнуло черту, отделяющую полноценную жизнь от весьма скромного существования. Скорее даже выживания. Выживания в основном за счет отдельных творцов, из последних сил пытающихся создавать редкие, по-прежнему интересные и талантливые фильмы.

Но даже эти немногие фильмы у нас почти никто не видит и не знает.

«Кино, которое мы делаем, — это кино-призрак, — говорит новосибирский режиссер-документалист с мировым именем Ю. А. Шиллер*. — Оно не призрак для них — в Польше, в Германии, Испании и во многих других странах. Они нас видят по своим телевизионным каналам, на своих фестивалях и даже — в своих кинотеатрах. А для нас это кино не существует. Формально кино есть — мы его делаем. Но фактически его нет. Его нигде не показывают».

«Новосибирск был кинематографическим городом», — утверждает лауреат Государственной премии России кинорежиссер В. Э. Эйсер**, фильмы которого тоже очень хорошо знают кинематографисты во многих странах, что доказывают главные призы и дипломы на международных и российских фестивалях. Только за 2014 год его фильмы получили несколько таких наград.

---

* Юрий Андреевич Шиллер — заслуженный деятель искусств России, автор нескольких десятков документальных фильмов, ставших классикой отечественного и мирового кино, лауреат множества престижных кинофестивалей.

** Владимир Эвальдович Эйсер — новосибирский режиссер-кинодокументалист. Его фильмы получали призы на многих кинофестивалях в России и за рубежом — в Швейцарии, Германии, Испании, Италии, Франции, Польше, Японии.

«Здесь (в Новосибирске), — продолжает В. Э. Эйсер, — снимались игровые, документальные, научно-популярные и мультипликационные фильмы, которые регулярно демонстрировались на всесоюзных экранах. Режиссеры и операторы получали призы. Здесь была своя школа, школа “сибирского документального кино”, которая вошла в кинословари многих стран. Здесь была своя уникальная кинематографическая среда, которая мощно подпитывала нашу общую культуру, формировала уникальную культурную среду, благодаря которой Новосибирск в то время вполне заслуженно называли культурной столицей Сибири. Что же мы имеем сейчас? Кинокопировальную фабрику ликвидировали, знаменитый “Новосибирсктелефильм” закрыли. С нашей Западно-Сибирской киностудией история оказалась несколько длиннее. Директор там оказался довольно успешным рыночником. Он быстро сообразил, что если всех кинематографистов из недавно построенного, уникального, сугубо “киношного” здания выпнать, а освободившиеся площади сдать торгашам, то на хлеб с маслом хватит. Так и поступил. Киношники оказались на улице, разбрелись по мелким студиям и квартирам. Сегодня для подавляющего большинства из них на повестке стоят вопросы не об искусстве, а о выживании».

«Вообще-то, такая ситуация не только в Новосибирске, — продолжает свой рассказ В. Э. Эйсер. — Из шестнадцати разбросанных по стране студий, которые более восьмидесяти лет занимались кинодокументалистикой, осталась только одна — в Питере. И та еле-еле сводит концы с концами. Остальные закрыты, распроданы, разогнаны».

А вот что рассказывает председатель Западно-Сибирского отделения Союза кинематографистов России профессор НГТУ В. В. Гоннов:

«...Впрочем, после тяжелых 1990-х государство стало проводить конкурсы и давать хотя бы какие-то деньги на производство документальных фильмов. Однако тут другая беда: эти фильмы снимаются, а потом складываются в Москве. Ты сдаешь фильм, а потом он лежит на полке никому не нужный».

Естественен вопрос — почему государство уничтожило отрасль, исправно работавшую на поприще информации, просвещения, образования, культуры? Чтобы понять это, стоит оглянуться почти на два десятилетия назад.

Есть разные точки зрения на то, почему так случилось. Та, что попроще, объясняет все причинами чисто экономическими: мол, документальное кино — дело неприбыльное, его должно содержать государство, а у государства сейчас на непроизводительные культурные расходы средств нет. Впрочем, и на все остальное из области культуры, науки, образования, здравоохранения — тоже нет. Время и общество изменились, выживайте, как можете. Какое уж тут документальное кино, требующее для своего существования развитой технической базы, штата профессионалов, которым надо платить не только зарплату, но и оплачивать командировочные расходы (сидя на месте, документальное кино не снимешь). А еще нужен прокат, фестивали, учеба... Не проще ли одним махом покончить с этим весьма накладным видом киноискусства, заодно отказав ему в праве вообще считаться искусством?

Очень хитрый ход — раз не искусство, значит — информация, документ. А кому нужна такая дорогая информация? Вон телевидение каждые сутки выдает в эфир целые горы этой информации. Мы и без того в ней захлебываемся и часто уже не в силах разобраться в ее значимости и правдивости, соотносить с собственным существованием в окружающем мире.

Есть и другая точка зрения, позамысловатей, приоткрывающая второе дно этой вдруг обозначившейся проблемы — нелюбви к документальному кино. Как бы в пику прежней власти, которая это кино содержала, опекала, щедро предоставляла ему телевизионные каналы и экраны тысяч кинотеатров. Суть этой точки зрения в том, что нынешняя власть боится оставлять следы. Ведь хороший, талантливый документальный фильм — это вечное и глубокое свидетельство времени, вечный носитель, который идет в архив. Это не информационное телевизионное видео с его множеством сиюминутных сюжетиков, которые, как правило, мы тут же забываем. И, может быть, все дело в том, что прежняя власть думала, что она навсегда, и ее не пугали талантливые свидетельства истины — пусть даже и не всегда удобные для нее. А эти, новые, особенно на первых порах, знали или догадывались, что они временщики. И им не нужны были улики, по которым можно судить о том, как мы тогда жили.

Есть и еще одна точка зрения, которую не раз открыто высказывал В. Э. Эйсер.

«Телевидение сегодня создает виртуальную реальность нашей жизни. Если верить экрану, в стране только кровь, грязь, секс и насилие. На одном канале — мордобой, на другом — стрельба, на третьем — горы трупов, кухонные разборки маргиналов, называемые ток-шоу, грязное белье столичного бомонда, секс и снова насилие. Нас настойчиво приучают к мысли, что ничего другого в России уже не осталось. А когда на телевидении вдруг покажут документальный фильм о невымышленной жизни, о простых людях с их простыми человеческими заботами, виртуальная реальность терпит крах. Кому-то это, возможно, невыгодно».

Думается, правомерны все эти точки зрения, как это всегда бывает при толковании событий, не имеющих простого объяснения. Но ведь действительно трудно объяснить, почему вдруг нашему государству на определенном этапе оказался ненужным самый правдивый вид киноискусства, заставляющий людей не просто поглощать поток информации, а размышлять и сопереживать увиденному, учиться видеть. Ведь умение видеть — это очень непросто. Именно с этого первого шага и начинается настоящее искусство. И уметь видеть может научить только очень большой мастер, который, как правило, сам начинает с того, что учится видеть, размышлять и сопереживать. А потом эти свои мысли, чувства, свою боль и свою веру переносит на экран, приближая нас к смыслу и значению проживаемой нами жизни. Всегда ли власть — особенно когда она не уверена в своей праведности и вечности — хочет, чтобы мы понимали смысл и значение происходящего с нами?

Складывается парадоксальная ситуация. Современная цивилизация основана на активном использовании информационных процессов. Объективность информации стала осязаемой. Но такие важнейшие характеристики информации, как *смысл* и *значение*, в повседневной жизни либо вовсе упускаются из виду, либо считаются лишь субъективно-психологическими условностями. Но суть работы документалиста в том и состоит, чтобы заставить зрителя обратить внимание, задуматься и понять мимолетные, казалось бы, моменты истины. Именно этот талант в первую очередь и востребован в таком непростом виде киноискусства, как документальное кино, снимать которое, работать в котором у нас стало неимоверно сложно.

Широкую известность и популярность у зрителя сейчас с легкостью зарабатывают ведущие очередного полупорнографического шоу или авторы безликого, переполненного стрельбой и трупами сериала. В отличие от подобной продукции документальные фильмы до широкого зрителя почти не доходят. У нас уже выросло поколение людей, не знающих, что это такое — настоящее документальное кино. Хотя оно было всегда. Есть и сейчас, существуя как бы вопреки всему.

«Документальное кино вроде бы даже и делается, — говорит в своем интервью на эту тему кинорежиссер Ю. А. Шиллер. — Приходят молодые ребята с огромным желанием работать. Но делается это кино вопреки... Сегодняшняя система кинопроизводства создана, чтобы документальное кино убить. <...> Документальное и игровое кино финансово находятся в различном положении. Коммерческим сегодня может быть только ничтожно малая часть документального кино. Остальное же должно обязательно спонсироваться или подпитываться государством. Основная его аудитория сегодня — телезрители. Но ни одна из наших картин ни по одному каналу не показывается и, я думаю, показываться не будет. Они придумывают какие-то очередные форматы, только непонятно, на кого эти форматы рассчитаны и кому они нужны. А система кинопроката разъединена с производством и отделена от государства. Среди же владельцев кинотеатров поклонников документального кино — “днем с огнем”. Для них главное — рынок. Все остальное — лирика. Мы живем в разных измерениях».

Хотелось бы обратить внимание и на следующие слова этого замечательного кинорежиссера:

«Сидят тут у нас в городе несколько документалистов. В городе их мало кто знает. Но они знают себе цену. Знают, что то, что они сделали и сделают, никогда не сделают в Москве. Мы идем своим путем. Мы все картины делаем с ощущением, что жить на свете все же хорошо, несмотря ни на что».

Как хотелось бы на этой пусть и не совсем оптимистической, но хотя бы полуоптимистической ноте и закончить. Жизнь, к сожалению, настойчиво навязывает совсем другую концовку. Эта заметка не случайно получила название «Звездная пыль». Так называется один из последних фильмов В. Э. Эйснера. В нем рассказывается о судьбе некогда знаменитых ткачих некогда знаменитого читинского камвольно-суконного комбината, снабжавшего своей очень востребованной продукцией весь Советский Союз и даже многие зарубежные страны. Стоит ли говорить, что в 90-х годах комбинат был за гроши передан в жадные и неумелые частные руки. Новые владельцы решили, что конкурировать с тем же, например, Китаем им не с руки, быстренько распродали все, что смогли, тысячи бывших работников оказались в безработных, брошенных огромных корпуса за последние годы превратились в развалины, а приехавших хотя бы издали посмотреть на свой бывший «дом родной» пожилых заслуженных, орденосных ткачих охранники даже не пропустили на территорию. Охранять материальные ценности там не имеет уже никакого смысла. Охраняют следы преступления новых хозяев. Не усматриваете аналогию?

«У меня уже давно напрашивается вопрос — а нужен ли Новосибирску, Новосибирской области кинематограф? — говорит В. Э. Эйсер. — Документальное, игровое, мультипликационное кино, киностудии, кинопрокат, режиссеры, операторы, сценаристы, монтажеры? Я говорю не о дилетантах, которые будут бить себя в грудь и громче всех кричать, что они кинематографисты. Речь идет о профессионалах. Мой, возможно отсталый, взгляд таков: если Новосибирску нужна летопись, фильмы-портреты, проблемные фильмы, если нужен положительный имидж города и области, то необходимо принять решение о комплексной программе развития кинематографа и кинопроката в Новосибирской области. У нас есть программы развития охотничьего хозяйства, развития туризма, физической культуры и спорта. Программы развития кинематографа и кинопроката нет. Возможно, в том, что я говорю, нет широты взгляда. Я не затрагиваю других животрепещущих тем, смотрю на проблему изнутри. Но именно потому, что смотрю изнутри, я могу ответственно заявить: мы вплотную подошли к точке невозврата. Пройдет еще 3—5 лет — и этот вопрос станет не актуален. О кинематографе Новосибирска как явлении общероссийского и международного уровня можно будет говорить только в прошедшем времени. И даже не потому, что те, кто сейчас работает, работать перестанут. Хотя и это тоже. Будут окончательно утрачены традиции сибирской школы документального кино, а тем, кто захочет продолжать, придется начинать с чистого листа. Ну а если взглянуть на происходящее пошире, попытаться обобщить, то естественен и еще один вопрос — нужен ли документальный кинематограф современной России?»

Такие вот дела. Так что у статьи может быть и другое название — «Точка невозврата».

P. S. Фильмы Юрия Шиллера и Владимира Эйснера можно посмотреть на сайте журнала: sibirskieogni.ru

Светлана ГОЛИКОВА

ИЗ НАСЛЕДИЯ АЛЕКСЕЯ ВОЩАКИНА

Алексей Васильевич Воцакин (1898—1937) — живописец, график. Учился в Красноярской рисовальной школе Д. И. Каратанова, Казанской художественной школе, московском ВХУТЕМАСе. Работал в Новосибирске в 1925—1933 гг. Член-учредитель и председатель правления общества художников «Новая Сибирь» (1926—1931), инициатор проведения Первого сибирского съезда художников (1927). Председатель новосибирского филиала кооперативного товарищества «Художник» (1931—1933). Автор статей по изобразительному искусству в Сибирской советской энциклопедии. Работал в Новосибирском краеведческом музее (1920-е). Участник выставок произведений художников Красноярска (1925, 1928); I Всесибирской выставки живописи, графики, скульптуры и архитектуры в Новосибирске, Красноярске (1927); I Западносибирской краевой художественной выставки в Новосибирске (1933). В 1933 г. осужден коллегией ОГПУ на десять лет исправительно-трудовых работ, находился в Соловецкой тюрьме особого назначения. В 1937 году расстрелян.

Одна из существенных особенностей сибирского искусства XX века заключается в непрестанном внимании работавших здесь художников к региональным истокам творчества. На протяжении столетия интерес местных мастеров к древней истории и традиционной культуре края проявлялся в различных формах — от документально точных этнографических зарисовок, нередко имевших научно-прикладной характер, до поисков образно-пластического языка, который отражал бы мировоззренческую преемственность прошлого и настоящего. Многообразие этих способов осмысления сибирского архаического наследия определялось как общими художественными устремлениями, преобладавшими в те или иные годы, так и индивидуальными свойствами дарования авторов.

Региональная тема нашла яркое личностное выражение в творчестве Алексея Васильевича Воцакина (1898—1937) — одного из самых талантливых сибирских художников первой трети XX века. В 1920-х годах он работал в Новосибирском краеведческом музее, отдав здесь дань этнографическому рисунку, обладавшему всеми качествами добротного научного материала. Однако среди его экспедиционных работ выделяются произведения, в которых исследовательское отношение автора к объекту соединяется с глубокой художественной образностью. Прекрасным примером такого подхода представляется акварельный женский портрет, хранящийся в собрании Новосибирского художественного музея.

Портрет поступил в коллекцию в начале 1970-х гг. в числе других произ-

ведений А. В. Воцакина, переданных в музейный фонд художницей Н. Н. Нагорской — его женой и постоянной спутницей в краеведческих экспедициях по Сибири. В дарственном письме Натальи Николаевны не сообщались названия экспонатов, и в начале своего бытования в музее акварель получила произвольное наименование «Алтайка». Однако авторская пометка на листе: «Иресов улус. Сагаи» — позволила отклонить такое определение и отнести портрет к кругу произведений, исполненных Воцакиным во время одного из путешествий в Хакасию. В 1925 г. художник совершил творческую поездку в Минусинский край совместно с А. П. Лекаренко, его товарищем по Красноярской рисовальной школе Д. И. Каратанова. Летом 1928 г. вместе с Н. Н. Нагорской он участвовал в этнографической экспедиции Новосибирского краеведческого музея, предполагавшей сбор полевых материалов о верованиях и бытовом укладе различных хакасских племен, в том числе сагайской этнической группы. В коллекции Новосибирского краеведческого музея находятся несколько рисунков Воцакина, датированных 1925 г. и выполненных, судя по авторским надписям, в Иресовом улусе, что делает предположение об аналогичной датировке акварели наиболее вероятным. Вместе с тем возможность более позднего создания этой работы нельзя считать исключенной.

Правомерность такого определения акварели подтверждается и обликом изображенной женщины. В ее одежде заметны особенности, характерные для повседневного костюма хакасок: прямой, свободный покрой платья с отложным воротничком, с ластовицами на плечах из ткани иного оттенка и широкими рукавами с манжетами; форма головного убора,

представляющего собой плотно повязанный платок со спускающимися на спину длинными концами. В таких одеждах жительницы хакасских селений запечатлены на photographиях, сделанных Н. Н. Нагорской в начале 1930-х гг. и хранящихся ныне в архиве Новосибирского государственного художественного музея.

Однако достоверность передачи этнического типажа — это лишь внешнее, поверхностное достоинство акварельного «Портрета хакаски». Подлинное внимание художника сосредоточено здесь на постижении глубинных гармоничных черт личности позирующей женщины, утверждающих ее естественную причастность к прошлому, к духовной культуре ее народа. Доминантой портретной характеристики модели становится спокойное достоинство, выраженное в ее лице, осанке, положении рук. В обращенном на зрителя взгляде темно-карих раскосых глаз — сдержанном и одновременно вопрошающем — ощутима внебытовая и вневременная отстраненность и значительность, типологически сближающая портрет с женскими образами В. И. Сурикова. Общность с суриковским портретным мышлением можно увидеть и в использованных Воцакиным композиционных приемах, связанных с выбором низкой точки зрения и выразительного ракурса; в колористической цельности акварели, написанной в гамме глубоких синих, фиолетовых, лиловых тонов с акцентами алого и зеленого в пестрой драпировке, красно-оранжевого в лентах, вплетенных в черные косы натурщицы.

Акварель А. В. Воцакина, хранящаяся в новосибирской коллекции, привлекает особенное внимание к творческой личности этого художника, заслуживающей многостороннего и глубокого осмысления.

АВТОРЫ НОМЕРА

Голикова Светлана Павловна — заместитель директора по научной работе Новосибирского государственного художественного музея.

Комаров Константин Маркович родился в 1988 г. в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Автор литературно-критических статей и поэтических публикаций в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Автор нескольких книг стихов. Живет в Екатеринбурге.

Косенков Александр Фёдорович родился в 1940 г. в Курской области. Окончил факультет журналистики Иркутского государственного университета и сценарный факультет ВГИКа. Кинодокументалист, драматург, прозаик. Автор пьес, входивших в репертуар многих театров, сценариев телевизионных художественных и документальных фильмов. Публиковался в журналах «Современная драматургия», «Искусство кино». Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Кроних Григорий Андреевич родился в 1966 г. в Новосибирске, окончил Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор нескольких книг прозы. Работает журналистом, живет в Новосибирске.

Минченков Александр Михайлович родился в 1949 г. в Смоленской области. Вся трудовая деятельность прошла на золотодобывающем предприятии «Лензолото» (Бодайбинский район Иркутской области). Трудился маркшейдером на приисках и на разных инженерно-технических и руководящих должностях в управлении предприятия. Автор книг «Тяжкое золото», «Средь гор Витима», «Случай в тайге» и др. Живет в Новосибирске.

Рубанов Роман Владимирович родился в 1982 г. в деревне Стрекалово Хомутовского района Курской области. Окончил Рыльское педагогическое училище и факультет теологии и религиоведения Курского государственного университета. Работает главным режиссером концертно-творческого центра «Звездный». Автор книги стихов «Соучастник» (2014). Публикации в журналах «День и ночь», «Нева», «Кольцо А», «Урал», «Новая Юность» и других изданиях. Член Союза писателей Москвы. Живет в Курске.

Таслицкий Андрей Викторович родился в 1963 г. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института им. Ленина, служил в армии, работал преподавателем, журналистом, переводчиком, менеджером. Живет в Москве.

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «**СИБИРСКИЕ ОГНИ**» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

Верстка: *О. Н. Вялкова*

Корректурa: *М. Н. Долгов*

630048, г. Новосибирск, ул. Вертковская, 10, оф. 315,
тел.: **(383) 344-92-94**
E-mail: **sibogni@sibogni.ru** Сайт: **сибирскиеогни.рф**

Сдано в набор 2.09.2015 г. Подписано в печать 29.09.2015 г.
Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7.
Тираж 1500 экз.

<http://книгосибирск.рф/>

Во всех случаях полиграфического брака
просим обращаться в типографию.